

Евгений Лотош

Корректор

Книга третья. Равные
звездам

ЕВГЕНИЙ ЛОТОШ

**Корректор. Книга
третья. Равные звездам**

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Лотош Е. В.

Корректор. Книга третья. Равные звездам / Е. В. Лотош —
«ЛитРес: Самиздат», 2009

Время идет, и гадкие утята взрослеют, превращаясь в белых лебедей. Если у тебя есть любимая работа, если ты спасаешь жизни и делишься с другими своими знаниями, если тебя ценят и уважают сотни людей, зачастую тебе даже неведомых - чего еще пожелать? Но на каждого лебедя найдется свой охотник. Далеко не всем бандитам в мире известно о существовании досье "Камигами", и для некоторых из них выдающийся хирург и мастер Пути Карина Мураций - всего лишь разменная монета в грязной игре. Заложница, которую можно использовать для достижения своих целей...

12.01.858, земледень. Кайган

Вошедшего в двери мужчину метрдотель, как и весь персонал ресторана, знал в лицо и по имени. И не просто знал. Ужас ледяной коркой стягивал кожу официантов, поваров, метрдотеля, равно как и хозяина, едва ко входу в заведение подкатывал его автомобиль. В ресторане не имелось ковровой дорожки. Наверное, во всем Кайгане она нашлась бы только в огромной, обнесенной стеной с колючей проволокой резиденции на холме, где изредка приземлялся вызывающего оранжевого цвета вертолет с этим самым человеком на борту. Но если бы она была, официанты обязательно раскатывали бы ее, как только черный лакированный «сэккан» выворачивал на главную улицу.

Боялись его вовсе не из-за постоянно сопровождающих телохранителей, каждый раз демонстративно встающих у дверей снимаемого им отдельного кабинета и не очень-то скрывающих под своими безупречно-белыми хантэнами длинные кинжалы и тупорылые автоматы. И даже не из-за немигающего змеиного взгляда узких непроницаемо-черных глаз этого человека, вызывавших необъяснимое оцепенение у каждого, на кого падал его взгляд. Просто на его левом запястье из-под всегда безукоризненного черного пиджака проглядывал краешек цветной татуировки. Целиком ее из жителей Кайгана не видел никто и никогда, но того и не требовалось. На предплечье Головы Дракона мог присутствовать лишь один рисунок: свернувшийся кольцами крылатый змей, извергающий из пасти пламя.

Нельзя сказать, впрочем, что момбацу сан Орота Ташагар наводил на людей страх одной только своей татуировкой и сопутствующей ей репутацией. Обычно он просто не замечал окружающих, пока те знали свое место в грязи под его ногами. Но однажды молодой официант неловко повернулся и уронил на рукав Головы каплю соуса. Сан Орота задумчиво посмотрел на почти незаметный на темной материи след от капли, после чего неторопливо поднялся из-за стола и одним хорошо поставленным ударом выбил парню три зуба с левой стороны. Затем он снял пиджак, бросил его на валяющегося на полу оглушенного официанта и ушел из ресторана. Парня уволили тем же днем, каковому исходу он оказался страшно рад – он ничуть не сомневался, что глава Оранжевого клана вполне мог пустить в ход и кинжал, всегда висящий в ножнах у него на левом бедре. Или прихватить незадачливого бедолагу с собой и продемонстрировать, что его длинная, слегка изогнутая тоскала древней узорчатой ковки, о которой ходили невнятные слухи – далеко не только традиционный символ власти Головы. Чуть позже хозяин ресторана, как передавали шепотом, заплатил Дракону полтора миллиона вербов за нанесенное оскорбление. Крупное заведение где-нибудь в Грашграде, возможно, даже не заметило бы такой потери, но для Кайгана сумма считалась огромной, если не сказать – несусветной, так что некоторое время ресторатор балансировал на грани разорения. Но кредиторы, включая местный филиал Грашградского национального банка, внезапно проявили редкое согласие в вопросе предоставления ему отсрочек по платежам, так что заведение выжило. Видимо, момбацу сану Ороте ресторан «Цветы гор» все-таки нравился. Или же ему просто не хотелось оставаться без единственного в городе приличного заведения с хорошей кухней.

Бессмысленно спрашивать, с горечью подумал метрдотель, куда смотрят Глаза Великого Скотовода, когда по городу разъезжает человек, за голову которого Первой Смотрящей официально назначена цена ее веса в золоте. Тарсачьи кланы Западного Кронга всегда оставались с Северными коленами на ножах, и именно Западный Кронг, втайне благосклонно относившийся к Дракону, проводил своих людей в ГВС в западных областях Граша. А потому местная Смотрящая иногда захаживала в особняк на холме, когда хозяин удостоивал тот своим посещением, чтобы пропустить там бокал-другой великолепного вина с восточных виноградников. Караванная Охрана присутствовала в городе чисто номинально – небольшим, человек на двадцать гарнизоном, возглавлявший который лейтенант-гулан беспробудно пил и за пределы казармы носа почти не показывал. Ну, а городская полиция... Она превосходно пони-

мала, что Кайган хотя и принадлежит формально Грашу, на деле находится менее чем в десяти верстах от того, что считалось западной границей страны. В десяти верстах от местности, где начиналась почти официальная зона контроля Оранжевого клана, менее чем в тридцати верстах от ближайшей плантации маяки – и более чем в полутора сотнях верст от ближайшей базы Караванной Охраны.

Подчиняясь безусловному рефлексу, метрдотель судорожно склонился в низком поклоне, едва ли не уткнувшись макушкой в живот идущего впереди телохранителя, и лично повел посетителя в выделенный для него кабинет через практически пустой по полуденному времени зал. На сей раз момбацу сана Ороту помимо телохранителей сопровождал еще и Старший Коготь Оранжевого Клана Цом та-Мурай, мужчина средних лет, державшийся чуть позади, как и подобает подчиненному. В кабинете уже хлопотали сразу три официанта, спешно накрывая стол свежей скатертью, раскладывая приборы и расставляя закуски. Поймав вопросительный взгляд метрдотеля, брошенный в сторону кухни, один из официантов едва заметно кивнул головой. Повара, прекрасно знакомые со вкусами Головы Дракона, уже начали готовить его любимые блюда. На столе, разумеется, лежало богато оформленное меню в обложке полированного красного дерева, но им момбацу сан Ташагар интересовался редко.

Двое телохранителей встали по сторонам дверного проема кабинета, еще двое подперли стенку напротив. Зеркальные солнечные очки они не сняли даже в полутемном помещении. Когда метрдотель попытался войти в кабинет вслед за страшными посетителями, один из них молча положил руку ему на плечо, и тот замер на месте. Охранник мотнул головой, и метрдотель, еще раз глубоко поклонившись, спиной вперед попятился по коридорчику. Он испытывал облегчение. Пусть с Головой Дракона возьмется официанты, а ему не за то деньги платят.

Незнакомая женщина вошла в заведение еще до того, как метрдотель успел вернуться на свое место у входа. Он мог бы поклясться, что ни разу в жизни не видел ее в городе. Среди местного населения преобладали черноголовые коренастые биберы и сапсапы, среди женщин которых блондинки попадались не чаще, чем алмазы в выгребной яме – даже если бы они вдруг все поголовно сбросили глухие капюшоны кубал. Высокая, голубоглазая, с правильными чертами лица, с фигурой, словно любовно вылепленной скульптором, одетая на непристойный тарсачий домашний манер в шорты и полупрозрачную блузку, поверх которых развевался легкий женский хантэн, незнакомка казалась воплощением женской привлекательности. Метрдотель охотно купил бы такую себе в жены, окажись она местной. Однако внутреннее чутье подсказало ему: лучше госте своих чувств не демонстрировать. Возможно, причиной тому оказался ее ледяной взгляд и какая-то странная гибкая грация движений, словно у крупной кошки из джунглей, отбивавшие любую охоту фамильярничать.

Он сделал было движение навстречу, но женщина молча прошла мимо и направилась прямо в коридорчик, ведущий к кабинету. Сердце метрдотеля забило, словно муха о стекло. Возможно, она просто пришла к сану Ороту в гости. Разве не может молодая красивая женщина прийти к такому большому человеку в гости? Любая из местных красоток, замужняя или нет, ни секунды бы не заколебалась, стоит ли броситься к его ногам после первого же небрежного мановения. Наверное, к такому важному человеку, как момбацу сан Орота Ташагар, могут приезжать женщины из самого Грашграда, из северных лесов Четырех Княжеств, а то и с далекого Восточного континента!.. Но что-то – вероятно, все то же чутье – подсказывало ему: вряд ли Голова Дракона обрадуется визиту.

Он отступил к стойке, снял трубку с древнего эбонитового телефона и быстро набрал на клавиатуре три цифры домашнего номера хозяина. Наверное, тому все же стоит прибыть в ресторан немедленно...

Охранник спиной вперед влетел в дверь, точнее, сквозь дверь кабинета в тот момент, когда Старший Коготь, почтительно склонившись, самолично наливал в бокал главы клана вино. Перед тем, как безжизненно рухнуть на пол с неестественно вывернутой шеей, тело

охранника перевернуло стол, забрызгав костюм Головы соусами и выбив из рук Цома глиняную бутылку. Стремительно вошедшая следом блондинка небрежным тычком в солнечное сплетение заставила выхватывающего пистолет Старшего Когтя отлететь к дальней стене, едва не проломив хрупкую деревянную перегородку, и с помутившимся взором осесть на пол, безуспешно пытаясь вздохнуть.

Орота Ташагар стремительно вскочил на ноги – в свои шестьдесят с лишним лет он все еще оставался гибким и быстрым, как юноша. Он ни на секунду не задумался, что следует делать, отдавшись рефлексам опытного бойца. Его кинжал прозрачной тенью мелькнул в воздухе и с хрустом вошел женщине под ребра с левой стороны. Однако та обратила на тридцать сантиметров великолепной оружейной стали не больше внимания, чем на валяющийся под ногами труп телохранителя. Ухватив Голову Дракона за плечо, еще одним небрежным движением она отбросила его к противоположной стене. Не дав ему, полуголушенному ударом, сползти на пол, она быстро шагнула к нему, ухватила за волосы и резко вздернула на ноги.

– Предводитель клана Орота Ташагар! – звонким голосом, отчетливо чеканя слова на восточный манер, произнесла она. – Тебя предупреждали, что произойдет, если твои бандиты еще раз нарушат границы Кураллаха. Ты не внял. Ты либо слишком нагл, либо слишком туп, чтобы понимать вежливые предупреждения. Надеюсь, твой преемник окажется поумнее.

На глазах обомлевших от ужаса официантов, жмущихся в углу, и задыхающегося Старшего Когтя она прямо сквозь пиджак вонзила пальцы правой руки в грудную клетку Головы. Отчетливо затрещали ломаемые ребра, и вопль боли сана Ороты захлебнулся в клочкотании и бульканье. Из его рта и раны в груди хлынул поток ярко-алой крови, пятная кожу и одежду страшной женщины. Вырвав руку из его внутренностей и отпустив безжизненно осевший на пол труп, она неторопливо пересекла комнату, ухватила за волосы Цома и заставила его подняться.

– Держи, – сказала она, почти силой всовывая ему в руку трепещущий кусок сырого мяса, в котором с трудом угадывались очертания полураздавленного человеческого сердца. – Заспиртуешь и отдашь следующему Голове, чтобы тот не забывал, к чему приводит глупость. А это на память тебе лично...

Ухватив торчащую из своего тела рукоять кинжала, она выдернула клинок, не запятнанный ни единой каплей крови, и коротким движением глубоко вонзила его в стену, проколов кожу на ребрах Когтя и припилив его, словно муху. Затем, потеряв к нему всякий интерес, она повернулась и вышла из разгромленного кабинета.

Зарывав не столько от боли, сколько от обиды и унижения, Цом ухватил кинжал и, раскачав несколькими движениями, вытащил его из стены и из тела. Вцепившись окровавленными пальцами в плечо едва не падающего в обморок официанта, он прохрипел:

– Зови... наших...

И только потом потерял сознание.

14.03.858, перидень. Государственный университет Крестоцина

Молодежь откровенно развлекалась. Первый день занятий весеннего семестра, как Карина знала по опыту – и студенческому, и преподавательскому – всегда оказывался сложным. Возвращаться к учебе после долгих зимних каникул никому не хотелось, и в воздухе большой ступенчатой аудитории витали смех, оживленные разговоры и бумажные шарики. Откуда, интересно, они берут старомодную бумагу в век тотального электронного текста? Неужто кто-то еще пользуется тетрадами вместо планшетов? Разумеется, звонок, оповещающий о начале занятия, никто не расслышал, и Карина уже пару минут терпеливо дожидалась, когда на нее обратят внимание. Она использовала паузу, чтобы, размеренно дыша, восстановить дыхание и пульс. И что она так разволновалась? Не в первый же раз лекцию читает!

Успокоившись, она снова обвела взглядом аудиторию. Положительно, студенты упорно ее не замечали. Возможно, просто принимали ее за еще одну студентку, зачем-то вышедшую к кафедре. Ну ничего. Сейчас мы ваше внимание привлечем. . . Она внутренне усмехнулась и, вложив два пальца в рот, заливисто засвистела – так, как ее в свое время научил Палек.

– Эй, народ! – громко сказала Карина, когда в ее сторону начали поворачиваться. – Зима закончилась, весна пришла. Конец каникулам. Рассаживайтесь и успокаивайтесь, пора начинать лекцию.

Когда студенты утихомирились, она включила проектор, вставила в него карту памяти и притушила в помещении свет.

– Итак, господа и дамы, – произнесла она, – рада приветствовать вас на первом занятии. В связи с некоторыми перестановками среди преподавательского состава курс госпитальной хирургии в текущем семестре читает не профессор Томара Пасур, как планировали ранее, а я. Меня зовут Карина Мураций, я старший ассистент одноименной кафедры и хирург Первой городской больницы Крестоцина. Я выражаю вам свою глубокую признательность за то, что решили продолжить изучение этого курса, и, – она зловеще улыбнулась, – намерена заставить вас пожалеть, что подали заявки. Бездельничать вам я определенно не позволю.

По аудитории прокатился неясный шум голосов.

– Многие из вас намерены связать свою жизнь с хирургией, так что курс госпитальной хирургии является для вас одним из основополагающих. Вам придется попотеть, осваивая его и сдавая. Текущий семестр, как вы видите по плану, – она повернулась к экрану, – посвящен в основном заболеваниям органов пищеварительного тракта – желудка, толстого и тонкого кишечника, печени, поджелудочной железы и селезенки. Уделим мы значительное время также травмам и ранениям живота и груди, а также бегло коснемся проктологии, хотя в основном ей займемся в следующем семестре. Наконец, с учетом интернатуры первой ступени, ожидающей вас по завершении учебного года, ближе к лету мы начнем изучать методы и формы ведения истории болезни, а также методы проведения обхода и послеоперационного курирования пациентов. Есть какие-то вопросы, пожелания? Возможно, кто-то хотел бы подробнее рассмотреть определенные темы? Тогда лучше попросить меня заранее, чтобы я могла скорректировать программу.

Она подождала. В аудитории стояла мертвая тишина.

– Ну хорошо. Раз вопросов нет, приступаем к нашей первой лекции. Тема сегодняшнего занятия – заболевания аппендикса, в частности, острый аппендицит и его осложнения. . .

Когда зазвенел звонок, Карина почувствовала, что взмокла. В аудитории стояла духота, отнюдь не добавляющая ей хорошего настроения. Однако она тихо радовалась, что первое занятие в качестве полноценного лектора прошло нормально. Она и раньше иногда подменяла тетю Тому на лекциях, но все-таки одно дело – эпизодическая ситуация, и совсем другое – лекции на постоянной основе, когда с самого начала нужно установить контакт со своими студентами и удерживать их внимание, излагая далеко не самый захватывающий материал. Похоже, у нее все получилось. По крайней мере, студенты не перешептывались и не обменивались сообщениями, хотя и электронными, но обязательно сопровождающимися улыбочками, показушными вздохами и прочей раздражающей – лектора – мимикой. Впрочем, удалось ли установить контакт и увлечь, выяснится не ранее первого коллоквиума. А пока остается надеяться, что и дальше пойдет не хуже.

– На этом мы сегодня закруглимся, – чуть хрипло из-за перетруженной глотки сказала она. – Следующая лекция в златодень. Напоминаю, что список литературы для самостоятельного изучения вам разослан, прошу ей не пренебрегать. Сейчас все свободны.

Она зажгла верхний свет и отключила проектор. Аудитория зашумела и задвигалась. Карина извлекла из проектора карту, убрала ее в футляр и повернулась к выходу.

– Госпожа Карина. . . – раздался сзади робкий девичий голос.

Карина обернулась и тут же с досадой хлопнула себя ладошкой по лбу.

– Ну вот, чуть не забыла! – сказала она. – Рановато вроде бы для склероза. Ты ведь госпожа Манна, верно? А, и остальные, я вижу, тоже собрались.

Она обвела взглядом небольшую группку юношей и девушек, столпившихся у кафедры. Все пятеро казались если и не перепуганными, то сильно озадаченными.

– Приношу свои извинения, – сказала она. – Я ведь хотела напомнить перед началом лекции, чтобы вы ко мне подошли, но совершенно из головы вылетело. Давайте в сторонку отойдем.

Она отвела студентов к стоящему в углу преподавательскому столу и уселась на его краешек. На мгновение она задумалась, прилично ли такое преподавателю, но немедленно отмахнулась от мысли. Правила вежливости не нарушены, а показное достоинство ее волнует мало.

– Я разслала вам сообщение с просьбой подойти ко мне после лекции, потому что вас всех объединяет одна черта, – произнесла она, убедившись, что остальные движущиеся к выходу студенты находятся вне зоны слышимости. – Вы все – девианты.

Пятеро студентов синхронно вздрогнули и растерянно переглянулись.

– Но, госпожа Карина, – неуверенно спросила Манна, видимо, самая храбрая из всех, – откуда ты знаешь? Ведь мы никому не говорили. Я уж точно.

– И я... И я... – поддержал ее синхронный хор голосов.

– Ну еще бы! – улыбнулась Карина. – Вы и сами-то друг о друге не догадывались, а тут вдруг я вам на голову сваливаюсь. Расслабьтесь. Дело в том, что я тоже девиант.

– А я знаю! – прорезался стоящий с краю парень. – Ты, госпожа Карина, в больнице у моей тетки подругу лечила от какой-то опухоли. Мой отец поначалу все брюзжал, что ты шарлатанством занимаешься... ох! Прости, госпожа, я не хотел оказаться невежливым. Он уже изменил свое мнение, честно!

– Ничего страшного, господин Ката, – Карина пожала плечами. – Мне такое частенько в лицо говорят, и с куда большей экспрессией. Сложно винить людей – когда ожидаешь, что тебя начнут кромсать и резать, а вместо того приходит какая-то несолидная девица, несколько минут молча сидит рядом и уходит, даже пальцем не дотронувшись, поневоле усомнишься. Могу заверить, что мои методы лечения вполне надежны и подтверждены как городской медицинской комиссией, так и специальной комиссией Министерства здравоохранения. У меня где-то даже официальное свидетельство завалилось. Методы, к сожалению, довольно затруднительно воспроизвести, и вот тут-то мы вплотную приближаемся к вопросу, зачем я собрала вас здесь.

Она задумчиво обвела всех взглядом.

– Как я уже сказала, я сама девиант. У меня первая категория, – она переждала волну изумленных вздохов, – и дополнительная способность видеть предметы насквозь. Условно она называется объемным сканером. Я могу видеть не только внутренние органы человека, но и его эффектор. У меня довольно богатый опыт работы с девиантами – я участвовала в исследованиях комиссии Академии медицинских наук – и я незаметно наблюдала за вами, когда вы приносили заявления на посещение курса. Как мне кажется, у вас у всех есть дополнительные способности, которые могут оказаться полезными вам как врачам. Я могу ошибаться, поэтому давайте проверим права ли я. Итак...

Она прищуренно взглянула на Манну.

– У тебя, госпожа, эйдетическая память, верно? В твоём эффекторе есть участок с характерными параметрами.

Девушка испуганно кивнула.

– Господин Ката, твой эффектор я толком распознать не могу, но что-то, связанное с восприятием мира, так? У тебя отростки эффектора на зрительные центры головного мозга зацеплены.

– Ну... – поколебавшись, откликнулся Ката. – Я действительно могу видеть... как бы описать поточнее... радиоволны, что ли. И горячее от холодного на глаз отличаю.

– Горячее и холодное тоже испускают электромагнитное излучение. Скажи, а биотоки нервной системы ты видишь, да? Замечательно. То есть у тебя расширенный диапазон восприятия. Но у тебя четвертая или пятая категория. Не сложно использовать второй взгляд?

– Пятая. Сложно, – развел руками парень. – Сильно напрягаться приходится, и картинка дольше нескольких секунд не держится, смазывается и пропадает.

– Ничего, даже так вполне полезно при должной тренировке. Господин Мотира, у тебя что-то связанное с опорно-двигательным аппаратом.

– Улучшенная координация, – спокойно откликнулся тот. Очевидно, он уже взял себя в руки и оправился от неожиданности. – Могу скальпелем с точностью до десятой доли миллиметра работать, не хуже, чем робоманипуляторы.

– Превосходно, – одобрила Карина. – Для хирурга незаменимо. Госпожа Асоба, ты эмпат, верно? Эмоции чувствуешь?

Худенькая девушка с большими черными глазами нервно кивнула.

– И ты намереваешься стать хирургом?

– Нет, госпожа, – прошептала Асоба, пряча глаза. – Я... для общего развития хирургию изучаю. Я вообще-то педиатром стать хочу.

– Хорошо. Только почему так грустно? – Карина ободряюще улыбнулась девушке. – За желание лечить детей я нос не откусываю. Замечательная специализация, и эмпатия тебе очень пригодится. Так, последняя у нас госпожа Ссашаха.

Молодая орка слегка прижала уши и наморщила нос. Верхняя губа непроизвольно дернулась, на мгновение приоткрыв клыки. Синяя с желтым накидка удивительно шла к ее серому, слегка голубоватому меху, но сейчас Ссашаха нервно куталась в нее, словно хотела защититься от сильного холода.

– У тебя картину я плохо понимаю. Вообще у орков эффлектор как-то по-другому выглядит. Но категория у тебя определенно высокая. Первая, вторая?

– Вторая, госпожа, – пробормотала Ссашаха. – Но у меня нет дополнительных способностей.

– Нет? – остро глянула на нее Карина. – Или просто не хочешь говорить при всех? Я настаивать не стану, но если захочешь, потом расскажи мне наедине. Ну, а теперь я хочу сказать вам всем следующее. Ваши способности означают дополнительную ответственность. Вы все будущие врачи, и вы просто обязаны использовать их на пользу пациентам.

Студенты синхронно поежились.

– Да, обязаны. И не надо бояться. Я прекрасно понимаю, что вы чувствуете при мысли, что придется открыться кому-то, рассказать о себе. Несколько лет назад я сама была точно такой же. Но нельзя жить, замкнувшись, словно мидия в своей раковине. Нельзя, чтобы мир подстраивал вас под себя. Нужно самому строить свою жизнь так, как вы считаете нужным. Я не стану приставать к вам и заставлять делать что-то против вашей воли, но обрадуюсь, если вы примете мою помощь. Если вы согласитесь, я и мои осведомленные коллеги наподобие госпожи Томары или господина Кулау станем придумывать вам задания для тренировки ваших способностей в выбранной вами области. Я дам вам время подумать – пожалуйста, если вы согласитесь, ответьте на мое сообщение до конца недели. В общем-то, я все сказала.

Она спрыгнула со стола и ободряюще улыбнулась.

– Ну, до встречи.

– Госпожа Карина... – поднял руку Ката.

– Да, господин Ката?

– Я хочу сказать, что я согласен. Что тут раздумывать? Только... ты согласишься рассказать, как ты лечишь? Я хочу научиться так же.

– Спасибо за согласие, – откликнулась Карина. – В методе моем нет ничего мистического, только научиться ему затруднительно. У меня всего лишь уникальное сочетание объемного сканера и наноманипуляторов. Здесь моей заслуги никакой нет, всего лишь удачная комбинация способностей. Уникальная, да, но случайная. За меня все делает мой эффектор, я лишь направляю его.

– Жаль, – вздохнул студент. – А я-то надеялся...

– Не зря надеялся, между прочим. Думаю, через несколько лет ты сможешь опробовать новые инструменты, как и любой другой хирург. У нас на физфаке в лаборатории вихревых полей уже пять лет конструируют установку, копирующую мои возможности. Объемный сканер уже почти готов, его лишь доводят до ума и калибруют. Еще несколько лет, и эта штука, вполне возможно, вытеснит и рентген, и томограф. С наноманипуляторами сложнее, но бесконтактный скальпель, скорее всего, сделают уже скоро. Чрезвычайно полезная вещь, в сочетании со сканером он позволит работать внутри тела, не повреждая наружные покровы. Вообще для ученого главное знать, что определенная цель достижима. Раз у меня есть такие способности, значит, их можно воспроизвести, пусть не на сегодняшней базе, так на завтрашней. Знаете что...

Карина на мгновение заколебалась. Да почему бы и нет?

– Сейчас я как раз намеревалась сходить в лабораторию и немного поработать с ребятами. Хотите сходить со мной? Выгнать нас не должны, так что собственными глазами увидите ближайшее будущее медицины.

Студенты опять переглянулись.

– Я бы сходила, – решительно сказала орка.

Остальные вразной закивали.

– Вот и замечательно, – улыбнулась Карина. – Пойдемте. Только вещи свои заберите – мы через переход пойдем в соседнее здание, а времени уже почти семь, он скоро закроется.

Все вместе они прошли по стремительно пустеющим по вечернему времени коридорам медицинского факультета и по стеклянному переходу над освещенной фонарями аллеей вошли в здание физфака. Немного попетляв по нему и спустившись в подвал, они оказались в длинном мрачном коридоре, скудно освещенном люминесцентными лампами. Карина остановилась перед большой тяжелой дверью со светящейся надписью «Лаборатория вихревых полей №2» и нажала на красную кнопку интеркома.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом что-то прожужжало, и внезапно с потолка грянул могучий глас:

– Внимание! Вы незаконно вторглись в охраняемую зону! Немедленно лечь на живот, положить руки на затылок и ожидать прибытия охраны! Повторяю...

– Овари! – крикнула Карина. – Опять ты со своими шуточками! Перестань людей пугать! Ох, доберусь я до тебя!

– Так я и испугался... – пробурчал голос с потолка. – Ты чего опаздываешь?

– Во-первых, – Карина подбоченилась, – я не опоздала. Я же вчера предупредила, что у меня начались лекции и я стану приходить немного позже. Во-вторых, ты еще долго нас держать в коридоре намерен? Я народ на экскурсию привела.

– Здесь, чтоб ты знала, режимная зона, – фыркнул голос. – Опасные поля, высокое напряжение и все такое. Не положено никаких экскурсий. Ладно уж, заходите, пока мне не жалко...

Что-то щелкнуло, и массивная дверь с тихим жужжанием отъехала в сторону. Из-за нее плеснуло ярким теплым светом.

– Пойдемте, – Карина махнула рукой, проходя в открывшийся проход. – А то еще закроет перед носом, с него станется.

Лаборатория встретила их хаосом самого разнообразного оборудования. Шкафы перемещались стеллажами, заваленными электронными платами, помигивали индикаторами и экран-

чиками какие-то непонятные приборы, мерно гудели невидимые трансформаторы. Карина уверенно лавировала в лабиринте узеньких проходов, и студенты цепочкой пробирались за ней, вздрагивая от доносившихся отовсюду щелчков и жужжаний.

– Не обращайтесь внимания, – пояснила Карина, проскальзывая под нависающим над проходом стеллажом. – Тут по большей части старый хлам. Бесплезная бутафория, чтобы гостей впечатлять. Не пожалели же люди времени, чтобы все хозяйство расставить, запитать и подключить!

Несколько секунд спустя они вышли на широкое расчищенное пространство. Большой прозрачный щит отгораживал угол зала, а за ним располагалось несколько непонятных установок, опутанных проводами. Перед щитом стоял длинный пульт с несколькими креслами, над которым светились кубы дисплеев. С одного из кресел навстречу поднялся необъятно-пухлый парень лет тридцати с небольшим. Не очень высокий, немногим выше Карины, в ширину он казался по крайней мере в три раза толще ее. Весело поблескивающие глазки утопали в розовых щеках, а тройной подбородок спускался на неопрятную засаленную рубашку.

– Вечер, Кара, – сказал он, небрежно кивая. – Экскурсию, говоришь, привела? Ну ладно, а то я что-то заскучал в одиночестве. Кто с тобой?

– Народ, познакомьтесь с господином Овари, – обернулась к студентам Карина. – Самый умный и самый толстый физик в мире. И с самым дурацким чувством юмора, что мне встречался. Вари, это мои студенты. Хочу им показать твою сканирующую установку.

– Чувство юмора у меня, между прочим, вполне приличное, – обиделся Овари, опускаясь обратно в кресло. – А станешь дразниться – не расскажу ничего. Я, между прочим, гордый и обидчивый. Вот выгоню вас всех, тогда узнаешь!

– Тогда я тебе батончик не отдам! – Карина, незаметно для Овари подмигнув студентам, извлекла из кармана палочку «Ореховой вкуснятины» и помахала ей в воздухе. – Сама съем.

– Эй! Я тебе дам – съем! – подпрыгнул на месте физик. – Женщинам фигуру беречь положено! И вообще, я себя без взятки оставить не позволю! Ну-ка, давай сюда, пока я не обиделся окончательно!

Получив батончик, он сорвал обертку и откусил сразу половину.

– Я умный, красивый и обаятельный, – пояснил он студентам с набитым ртом. – А также не пью, не курю и не колюсь. А не иметь недостатков как-то даже и неприлично. Вот я себе и завел недостаток – сладкое люблю.

– Большой вопрос, кто кого завел – ты недостаток или недостаток тебя! – рассмеялась Карина. – Вари, не томи, рассказывай. Поздно уже, а нам еще работать надо. Или ты передумал? Так имей в виду, в ближайшие два дня я в университете появляться не собираюсь.

– Ладно, ладно, – махнул рукой Овари, запихивая в рот вторую половину батончика. – Сеас поую и нау.

– Сейчас прожует и начнет, – перевела Карина. – Народ, да вы садитесь, не стесняйтесь. Стулья берите любые, барахло с них можно смело на пол сваливать. Вари, а где остальные? Что-то непривычно тебя в гордом одиночестве видеть.

– Разбежались остальные пораньше, – пояснил физик. – Дела какие-то у всех. Ну что, поехали. Курс какой?

– Пятый.

– Ага. Значит, инструментальные методы исследования проходили. Ты, ушастенькая! – он ткнул пальцем в Ссашаху. – Ну-ка, расскажи, как рентген-томограф устроен.

– Ну... – пробормотала орка, бросив неуверенный взгляд на Карину. – Там рентгеновская установка. И компьютер...

– Логично! – хихикнул физик. – Раз рентген, значит, там рентгеновская установка. А что, в магнитно-резонансной установке компьютера нет? А в комбинированной? Кто-нибудь помнит?

Орка растерянно захлопала глазами. Остальные отвели взгляды.

– Понятно. Разгильдяи и неучи, – констатировал физик. – Придется напоминать. Есть два типа томографии – рентгеновская и магнитно-резонансная. Первая – фактически усложненная рентгеновская установка, позволяющая строить объемные изображения внутренних органов. Основана, как следует из названия, на фокусированных рентгеновских лучах. Источники и приемники излучения перемещаются вокруг тела, позволяя делать серию снимков, по которым компьютер восстанавливает трехмерную картинку. Магнитно-резонансная томография основана на возбуждении атомов водорода перпендикулярно ориентированными электромагнитными полями и считывании генерируемых ими импульсов. Первый метод лучше показывает плотные кости, поглощающие рентгеновские лучи, второй – мягкие ткани, поскольку в них куда больше воды и органики, содержащих водород. В последние лет десять-пятнадцать, впрочем, в чистом виде эти технологии почти не применяются, в подавляющем большинстве случаев томографы являются комбинированными. Ну что, вспомнили?

Студенты закивали.

– Данные методы позволяют получать качественную картинку, однако имеют заметные недостатки. И тот, и другой не позволяют обойтись без механических движущихся элементов, хотя МРТ в данном плане лучше рентгена. А где механика, там сложности с фокусировкой и низкая разрешающая способность. Рентген-томографы облучают тело жесткими лучами, причем цепляют обширное пространство даже при использовании фокусированных малорассеивающихся пучков. Магнитные поля прогревают мягкие ткани тела, что бесполезно само по себе и категорически запрещено при беременности. И, по понятным причинам, их нельзя использовать, если в теле есть металл или электроника – протезы костей, суставов, водители сердечного ритма и так далее. Компьютеры сейчас умные пошли, автоматически отключают магнитный резонанс, когда обнаруживают недопустимые включения в теле, но несчастные случаи нет-нет да случаются.

– Не пугай народ, Вари, – негромко заметила Карина. – Один сбой на пятьдесят тысяч обследований, да и тот обычно к несчастным случаям не отнесешь.

– Неважно, – отмахнулся физик. – Вероятность всегда остается. Так что пришло время заменить устаревшее железо новыми технологиями. И вот тут-то мы и подходим вплотную к теме наших исследований. Благодаря нашей великолепной госпоже Карине... – Он остановился и заколебался.

– Они в курсе моих способностей, – сообщила та. – Продолжай льстить, мне нравится.

– Так вот, благодаря помощи падкой на лесть госпожи Карины нашей лаборатории удалось серьезно продвинуться в создании гравитационной томографической установки, или гравитома, как мы его пока называем. Мы исследовали, как работает ее собственный объемный сканер, и в процессе натолкнулись на несколько интересных догадок.

Овари явно наслаждался ролью лектора. Карина усмехнулась уголком рта. Парень был ей симпатичен. Лет на пять старше, одного с ней роста и килограммов на восемьдесят тяжелее, он казался сущим живчиком, непрестанно генерируя самые разные идеи. Большая часть оказывалась явной чушью и отвергалась им же самим уже через несколько минут, но некоторые мысли оказывались просто гениальными. Так, с помощью нескольких дешевых чипов, паяльника и кучки проводов он превратил десяток серийно производящихся дешевых полицейских сенсоров в достаточно серьезный сканер электромагнитных девиаций, позволивший отчетливо видеть ее эффектор – когда она того хотела, разумеется: защита Дзинтона все еще действовала. Однако речь его в дискуссиях отличалась заметной невняtnостью. Язык его все время заплетался. Начиная одну фразу, он на середине бросал ее и тут же начинал другую. Казалось, его язык просто не поспевал за мыслями. Свои к такой манере разговора давно привыкли, однако посторонние мало что понимали, так что с ними он предпочитал общаться по почте, где пальцы, текст и голова у него находились в прекрасной синхронизации.

В роли лектора, однако, заранее разложив в голове все по полочкам, он преображался. Его речь текла плавно и свободно, перемежаясь расслабляющими паузами и шуточками, а уровень изложения всегда оказывался доступным собеседнику. По слухам, студенты физфака просто обожали Овари: даже невообразимо нудную и запутанную квантовую механику он умудрялся излагать так, что четыре пятых посещавших его лекции и семинары сдавали экзамен с первого раза. У других, даже у маститых профессоров и опытных ассистентов, этот показатель не превышал половины.

– Не стану подробно влезать в детали того, до чего мы додумались, – продолжал тем временем излагать Овари. – Лучше покажу на примере. Вот так выглядит вирусный эффектор на экране стандартного сканера, использующегося в педиатрии для наблюдения за детьми... человеческими детьми, – поправился он, бросив взгляд на Ссашаху, – в возрасте от восьми до десяти, когда у них появляется риск пробуждения эффектора.

Он поводит пальцем по старомодной сенсорной площадке – объемные сенсоры ввода он не признавал – и в дисплее перед ним появилась тень – небольшой темный комок с неровными краями. Комок слегка пульсировал, но в целом оставался спокойным.

– Вот здесь – эффектор на пороге пробуждения, – на сей раз комок казался заметно большим и нервно дергался, а на его границах периодически вытягивались и тут же снова исчезали небольшие отростки. – А вот тут – полностью пробудившийся полноценный эффектор с тремя развернутыми щупальцами-манипуляторами. Как видите, изображение достаточно четкое, но практически без деталей. Мы можем видеть только общие контуры, фактически силуэт. Причина в том, что стандартный сканер воспринимает только электромагнитные и гравитационные колебания, генерируемые всем объемом достаточно сложного образования, а вычленив излучение каждой отдельной точки не может. До недавнего времени нам приходилось тем и ограничиваться. Но сейчас мы вполне успешно движемся к завершению прототипа принципиально нового сканирующего устройства. С его помощью можно получать трехмерную модель внутренностей любого материального объекта, причем как вещественного, так и чисто энергетической природы, как вирусный эффектор. Принцип его действия проще всего продемонстрировать на практике. Примерно так...

Овари взял со стола стакан с давно остывшим чаем и слегка потрянул его. По поверхности жидкости побежали волны.

– Видите? Волны отражаются от стенок и сталкиваются друг с другом. В некоторых местах они накладываются друг на друга и усиливаются, а в некоторых взаимно гасятся, когда совпадают вершина и впадина. Получается красивый сложный рисунок. Явление носит название интерференции, и вы, возможно, еще помните его из школьного курса физики. Такое может происходить не только с волнами в воде, но и с любыми другими волнами – и электромагнитными, и гравитационными. Нам удалось построить установку, которая создает особые возмущения гравитационного поля.

Он отставил стакан и вывел в дисплей серую сферу, пронизанную завихряющимися линиями и рядами темных точек.

– На визуальной модели можно видеть, как располагаются локальные экстремумы напряженности интерферирующих полей. Э-э-э... я имею в виду, что мы генерируем в одной и той же области несколько полей с разными градиентами... направленностью, причем так, что в некоторых точках напряженность поля существенно выше, чем вокруг. Смещая места возникновения пиков и считывая с генерирующих матриц обратную связь, так называемый «эффект отдачи», возникающий при движении гравитационного поля через вещество, можно анализировать внутреннее строение объекта. Грубо говоря, «отдача» у атомов каждого химического элемента индивидуальна, так что картина получается весьма точной. Похожим образом можно работать с электромагнитными полями, считывая конфигурации энергетических объектов. Более того, прикладывая определенную энергию, можно не только считывать конфигурацию,

но и менять ее, как делает эффектор Карины. Раз вы медики, тема должна являться для вас весьма актуальной – такие устройства позволят во многих случаях заменить существующие хирургические робоманипуляторы.

– Ты лучше покажи, как оно на деле выглядит, – посоветовала Карина. – Наглядней выйдет.

– Да пожалуйста, – легко согласился физик. – Кара, будь добра, сядь в фокус на втором стенде.

Карина отошла к стоящему под нависающей тумбой стулу и уселась на него, чинно сложив руки. Овари поманипулировал сенсорной панелью и не менее старомодной кнопочной клавиатурой, и в дисплее проявилась картинка – колышущаяся амеба с масляно отблескивающей поверхностью, внутри которой переливались разводы всех оттенков серого. От амебы отходили три тонких кишки, свертывающиеся в тугие клубки. Вертикально сквозь нее шел мерцающий размытый столб, вверху переходящий в подобие приплюснутого шара.

– Вот так выглядит эффектор Карины через наш новый электромагнитный сканер, – прокомментировал физик. – Клякса – собственно эффектор, мячики – свернутые силовые манипуляторы. Вертикальный столб – позвоночник, над ним головной мозг. У них излучение существенно слабее, чем у эффектора, и на резкость мы пока навести не можем. Но скоро сможем. Спасибо, Кара. А вот так мы видим предметы гравитационным сканером...

Он щелкнул выключателем, и пространство за стеклянной перегородкой залил яркий свет. В центре на небольшом столике стоял невысокий черный параллелепипед.

– В фанерном ящике, – Овари ткнул в него пальцем, – находится объект. И сейчас мы увидим, какой именно.

Зажужжало и засвиристело, и в соседнем дисплее вспыхнуло укрупненное изображение статуэтки конного рыцаря с длинным копьём. Картинка казалась нечеткой и размазанной и все время подергивалась, но Овари просиял так, словно ему сунули в руки золотой слиток.

– Вот! – поднял он палец. – Работает! И обратите внимание – во всем сканере ни одной движущейся части. Осталось еще немного доработать, и можно показывать прототип «Караде». Мы по ее грантам работаем, – пояснил он. – Буквально вчера мы небольшие модификации внесли, так что теперь можно разрешение повысить раза в три. Сейчас увеличим резкость...

Он поводил пальцем по сенсорной площадке, и фигурка рыцаря действительно обрела более резкие очертания. Внезапно что-то громко противно треснуло, хрустнуло, и черный параллелепипед на столике брызнул в стороны облаком щепок и алебастровой пыли, пробарабанивших по стеклянной перегородке. Студенты невольно отпрянули назад.

– Зараза! – тихо выругался под нос Овари. – Задрал меня этот резонанс. Восьмой статуей за последнюю неделю! – грустно заметил он. – А я-то думал, мы его надежно исключили. Все-таки завтра придется схему с самого начала перебирать.

– Эй! – Карина подозрительно взглянула на него. – Мне ты ни о каком резонансе не говорил, когда в фокус сажал!

– Да он только в последнее время проявляться стал, когда разрешение повышать начали, – Овари отвел взгляд. – Как в первый раз проявился, так мы и перестали туда живых людей засовывать. Я тебя просто волновать не хотел...

– Ну спасибочки! – хмыкнула Карина. – Давай, доводи, да побыстрее. А то, знаешь, неудобно получится, если кого-нибудь на стенде на кусочки порвет. Я людей обратно из фарша собирать не умею.

– Ехидина! – фыркнул Овари. – Ладно, уговорила. О другом тебя сегодня просить хотел, но резонанс приоритетнее. Прокомментируешь, что там происходит, когда установка работает?

– Прокомментирую, конечно, – кивнула Карина. – Ну что, народ, – повернулась она к студентам, – понравилась демонстрация?

– Здорово! – искренне сказала Асоба. – Господин Овари, а сколько еще времени потребуется установку доделывать?

– Ну... – физик поскреб подбородок. – Год или полтора на получение полностью функционального прототипа и еще год на рюшечки и запуск в серию. В общем, года через два-три можно рассчитывать на первые установки в больницах.

– Или на таможенных пунктах, – добавила Карина. – Или в полиции. Наверняка они первыми захотят опробовать. А если помочь захотите, думаю, господин Овари и его коллеги с радостью вас увидят здесь снова.

– Помочь? – непонимающе взглянул на нее физик.

– Ну, пастух с овцами на одну морду, – подмигнула Карина.

– Что, все пятеро девианты? – поразился Овари, с внезапным интересом пробегая взглядом по студентам. – Ну, Кара, ты даешь! Самое-то интересное и не сказала! У, злючка... Господа и дамы, я на самом деле не откажусь от вашей помощи. Ничего сложного не потребуется, нужно лишь сидеть под сканером и выполнять манипуляторами несложные действия. Не под тем сканером, – он поспешно кивнул в сторону перегородки, – под обычным. Участникам эксперимента платят, пусть немного, но студентам обычно и такое в радость. Если решитесь, приходите сюда в любое время, кто-то здесь всегда сидит.

– Но не сегодня, – нетерпеливо прервала его Карина. – Нам сейчас еще работать. Народ, экскурсия закончена, приношу свои извинения. Я вас сейчас отсюда выведу, а на улицу вы и сами выберетесь. По лестнице на три пролета вверх и направо...

Когда за студентами медленно закрылась тяжелая дверь лаборатории, те переглянулись.

– Ничего себе местечко! – уважительно пробормотал Мотиира. – Внушает.

– Да уж, наворочено не по-детски, – согласился Ката. – Кстати, зря меня выгнали. Я-то видел, что там, за стеклом, происходило, мог бы и помочь.

– Ну так приди завтра, – посоветовала Манна. – Господин Овари же сказал, что можно в любое время. И я, наверное, приду, раз платят. Мне любые деньги пригодятся.

– Мне тоже, – согласилась Ссашаха. – Община мало присылает, крутиться приходится. А сегодня есть предложение отметить знакомство. Знает кто-нибудь забегаловку, где и мне, и вам еда сгодится?..

16.03.858, вододень. Масария. Специнтернат для детей с особыми способностями

Сэцу поерзал на диване, устраиваясь поудобнее. Ему здесь не нравилось. Не нравились разукрашенные глупыми рисунками стены, глухая неподвижность лесопарка, которая просто пугала после привычной городской суеты, но больше всего ему мешал постоянный несмолкающий шум в ушах, к которому он со вчерашнего дня так и не сумел приноровиться. Он машинально оттянул пальцем противный обруч и тут же заработал несильный хлопок по руке.

– Не трогай, пацан! – беззлобно сказал ему сидящий рядом дядька. – Сколько раз повторять?

Сэцу угрюмо глянул на сопровождающего и нахохлился. Мама испуганно посмотрела на сына и приподняла руку, чтобы привычным жестом погладить его по голове, но не решилась. Со вчерашнего дня она казалась еще более несчастной и уставшей, чем обычно, и страх в ее глазах, раньше появлявшийся только при виде отца, теперь не уходил вовсе. Мальчик швыркнул носом – пусть это невежливо, все равно он теперь навсегда плохой! – и уставился в пол. Да, он плохой! Но зато теперь отец пожалеет, что бил его и маму! Пусть бы он подольше пролежал в больнице! А он сам даже не заплачет, когда его выпорют, он уже привык...

– Да где же воспитательница? – пробормотал чужой дядька. – Они здесь что, не проснулись еще?

– Я пойду поищу, господин! – вскинулась мать.

– Сиди, госпожа Уса, – отмахнулся дядька. – Куда ты пойдешь? Заблудишься только. Да и не разрешено здесь без сопровождающих ходить. Опасно, сама понимаешь. Мало ли что.

– Да, господин... – пробормотала мать. – Приношу свои извинения.

Сэцу обхватил себя руками за плечи и попытался поглубже вжаться в мягкий диван. Получилось плохо: тот упруго выталкивал его из себя. Поскорей бы уж его выпороли и отпустили домой. Хотя что там сейчас делать? И в школу не хочется – Сайдзай опять начнет дразниться и драться. Поскорее бы закончился год – со следующего он пойдет в среднюю школу и, может, с Сайдзаем больше не увидится.

Скрипнула дверь. Сэцу вскинул взгляд. В комнату вошли двое: пухлая тетка в зеленых майке и шортах и большой дядька в синей форме. Прежний дядька, который сидел с ним на диване, поднялся.

– Госпожа Акума? – раздраженно спросил он. – Мы уже двадцать минут ждем.

– Нет, – качнула головой тетка. – Господин Мамора, ее что, не вызвали?

– Я лично вызов передал, – сказал новый дядька. – Она там по пелефону с кем-то болтала, сказала, что как закончит – придет.

– Так... – тетка поджала губы. – Ребенок оформлен?

– Да.

– Тогда мы отпустим господина... э-э-э, сопровождающего. Господин, – она поклонилась дядьке у дивана, – мы благодарны тебе за помощь. Ты можешь возвращаться в город.

– Рад слышать, – буркнул тот. – Твою подпись вот здесь... ага, спасибо. Всего хорошего.

Он кивнул в пространство и вышел из комнаты.

– Господин Мамора, – сказала тетка, – будь так любезен, не сочти за труд сходить за госпожой Акумой еще раз и проследить, чтобы она немедленно явилась сюда. Если потребуется, возьми за загривок и приведи силой. Только меня не упоминай.

– Да, госпожа, – кивнул второй дядька и вышел вслед за первым. Тетка повернулась к Сэцу и его матери.

– Приношу свои извинения за случившееся, – сказала она. – Воспитатель сейчас явится. А пока давайте знакомиться.

Она подошла к дивану и присела перед Сэцу на корточки.

– Меня зовут Яна Мураций, молодой господин, – сообщила она. – Рада знакомству. Ты ведь Сэцу, да?

Мальчик угрюмо кивнул – и дернулся, когда тетка подняла руку к его голове.

– Я не стану тебя бить, молодой господин, – ласково сказала тетка, опуская, однако, руку. – Не бойся. Все будет хорошо. Госпожа Уса Якуба? – она повернула голову к матери Сэцу, выглядящей не менее перепуганной, чем сам мальчик. – Рада знакомству, прошу благосклонности.

– Р-радость взаимна... – пробормотала мать. – Б-благосклонность пожалована, госпожа Яна...

– Все в порядке, госпожа, – улыбнулась ей тетка Яна. – Не надо меня бояться. Я не причиню вреда ни тебе, ни твоему сыну.

– Я не боюсь, госпожа, – пролепетала Уса. – Я просто... просто... скажи, госпожа, что с ним сделают? – из ее глаз против воли потекли давно сдерживаемые слезы. – Ему же всего девять лет! Он же просто не знал, что творит! Он не контролировал себя!

– Его никто не винит, госпожа, – покачала головой тетка. Она как-то ловко подвернула ноги под себя и уселась на пятки, глядя на Сэцу и его мать снизу вверх. – Произошла случайность. Твоего мальчика просто проглядели на последнем обследовании. Полагаю, эффлектор пробудился внезапно из-за какого-то сильного нервного потрясения, такое иногда происходит. Нет ничьей вины в произошедшем. Сэцу, – она повернулась к мальчику, – скажи, тебе очень мешает эта штука на шее?

– Нет, госпожа, – буркнул мальчик, отворачиваясь. – Не мешает.

– Мешает, – покачала головой тетка. – Я же вижу. Сэцу, ты думаешь, тебя побьют, да?

Мальчик бросил на нее испуганный взгляд, но ничего не сказал. Конечно, его побьют! Отец лупит его за каждую мелочь, а теперь, наверное, вообще избьет до полусмерти...

– Тебя не станут бить, Сэцу, – ласково, но уверенно сказала тетка, и мальчик, шмыгнув, недоверчиво покосился на нее. – Ни за что. Я не позволю, честно. Не бойся. А знаешь, что? Давай пока снимем с тебя блокиратор!

Мальчик снова заерзал на диване.

– Нельзя, – угрюмо сказал он. – Я опять что-нибудь сломаю.

– Не ломаешь, молодой господин. Тут специальная комната, в ней нет ничего ломающегося. И стены крепкие, и двери, и мебель тоже. Только ты постарайся не ударить ни меня, ни маму, ладно? Я знаю, что ты только вчера почувствовал свои невидимые руки и еще не умеешь ими управлять. Но ты ведь не хочешь никого ударить, да? Да, Сэцу?

Мальчик кивнул.

– Вот и хорошо, – улыбнулась ему Яна. – Давай попробуем.

Она протянула руку к ошейнику – мальчик снова дернулся, словно ожидая удара – и коснулась металлического обруча вмонтированным в перстень кодовым ключом. Зеленая лампочка на кольце погасла, и оно с легким щелчком распалось на две соединенных половинки. Яна осторожно сняла его и положила на пол рядом с собой.

– Видишь, так лучше, – сказала она. – Сэцу, ты знаешь, куда тебя привезли?

Мальчик помотал головой. Яна чувствовала, как от него исходят волны страха, неуверенности и напряжения. Она в очередной раз пожалела, что не умеет, как Карина, видеть насквозь – наверное, визуально контролировать новопробудившийся эффектор куда удобнее, чем просто основываясь на эмоциях. Но ничего, она справится и так. Для начала нужно успокоить ребенка – в таком состоянии с ним работать нельзя. Только аккуратно – ставить ментоблоки детям куда опаснее, чем взрослым...

Она потянулась и коснулась разума мальчика. Точки возбуждения – одна, вторая, третья – словно острые подрагивающие иглы, терзающие нейроны головного мозга. Очень осторожно коснуться, успокоить, разгладить мечущиеся волны детских эмоций... Может, проделать то же с матерью? Нет, для дела не нужно, и не следует лишний раз лезть руками в чужой мозг.

– Все будет хорошо, Сэцу, – повторила она. – Тебя больше не обидят. Тут специальное место, в котором живут такие же дети, как ты. У тебя вчера пробудился дар, и теперь ты особенный. Мы научим тебя пользоваться новыми способностями, а когда научишься, отправим домой. Тебе надо хорошо учиться, ведь ты теперь очень сильный, гораздо сильнее других.

– Сильнее? – робко спросил мальчик. – Сильнее, чем Сайдзай?

– Да, – улыбнулась ему Яна. – Гораздо сильнее, чем Сайдзай. И тебе больше нельзя драться, чтобы не убить кого-нибудь случайно.

– Я не люблю драться, – насупился мальчик. – Но пусть ко мне тоже не лезут! Если Сайдзай опять начнет приставать...

– Не обязательно драться, чтобы победить, Сэцу. Тебя научат, как это делать. Но сначала придется какое-то время пожить здесь. Две недели, может, период. Не заскучаешь по дому?

Мальчик яростно мотнул головой.

– Ну, вот и славно. Ты ведь хороший умный мальчик, и ты научишься всему. Хочешь...

– Ты кто такая, госпожа? – раздался из-за спины резкий высокий голос. – Что ты здесь делаешь и почему с девианта снят ошейник?

Мальчик снова дернулся и перепугано вжался в спинку дивана. По сиденью рядом с ним словно пробарабанили крупные дождевые капли – вероятно, произвольно дернулись манипуляторы. В глазах его матери снова плеснулся страх. Подавив внезапный приступ ярости, Яна

ободряюще улыбнулась им обоим и одним движением, которое бы одобрила и Карина, поднялась с пяток на ноги, разворачиваясь.

Прямо перед ней, оперев руки и бедра, стояла высокая смуглая женщина лет сорока, одетая в белый халат воспитателя. Она возмущенно шурилась, глядя на Яну. От нее исходила смесь страха, злости, раздражения и отвращения, направленных, впрочем, не только и не столько на Яну, сколько на вжавшегося в диван мальчика. За ее спиной в дверном проеме стоял господин Мамора с заложенными за спину руками. Директор службы безопасности интерната с явным неодобрением смотрел на женщину, уголок его рта кривился в презрительной усмешке. Поймав взгляд Яны, он коротко пожал плечами и возвел глаза к потолку, а в сторону воспитательницы от него плеснуло отчетливой брезгливой неприязнью.

– Госпожа Акума, твой тон недопустимо резок, – спокойно сказала Яна. – Перед тобой ребенок. Будь добра, говори...

– Я сама знаю, как должна говорить, – резко оборвала ее женщина. – Мамора, ты, что ли, снял с девианта ошейник без моего разрешения? Ты хочешь, чтобы он всех здесь поубивал?

Мамора открыл было рот, но Яна не дала ему сказать и слова.

– Госпожа Акума, немедленно выйди в коридор! – приказала она. – Господин Мамора, посторонись, пожалуйста.

– С какой стати ты командуешь... – женщина резко осеклась, когда манипуляторы Яны обхватили ее и вздернули в воздух, приподняв над полом на несколько сантиметров. Яна почти физически почувствовала плеснувшую от нее волну ужаса. Секунду спустя воспитатель спиной вперед вылетела в коридор. Яна двинулась за ней, но остановилась и оглянулась.

– Молодой господин Сэцу, госпожа Уса, я сейчас вернусь, – сказала она и глазами показала Маморе на выход. – Приношу свои извинения. Я все улажу.

Вместе с директором по безопасности она вышла в коридор и плотно закрыла за собой дверь. Воспитатель, прижатая ее манипуляторами к стене, со страхом смотрела на них. Яна отпустила ее, позволив провалиться с высоты в несколько сантиметров и придержав, чтобы та не потеряла равновесие и не упала на пол.

– Госпожа Акума, – холодно сказала она, – мое имя Яна Мураций. Со вчерашнего дня я новый директор по воспитательной работе. Я ответила на вопрос, кто я такая?

– Прости, госпожа... – пролепетала воспитатель. – Я не знала...

– Ты действительно не знала. По моей просьбе господин главный директор не стал представлять меня коллективу, пока я не осмотрюсь здесь как следует. Неведение, однако, никак тебя не извиняет. Ты вошла в комнату с перепуганным мальчиком, только вчера осознавшим свой эффектор и искалечившим отца, и его мать, которая от страха только что сознание не теряет, и перепугала их еще сильнее. В своих высказываниях ты использовала совершенно недопустимые слова и тон. И, сверх того, ты без уважительной причины опоздала, заставив четверть часа ждать и без того взвинченных людей.

– Прости, госпожа...

– Мне тебя прощать не за что, у меня с эмоциями все в порядке. Однако, госпожа, доведу до твоего сведения, что за последние полгода на твою работу родителями детей неоднократно подавались жалобы, и половину вчерашнего вечера я провела за их исследованием. Сегодня я намеревалась самостоятельно проверить, как ты ведешь себя с новоприбывшими детьми, но, похоже, не судьба. Великолепная госпожа Акума Варуй, официально объявляю, что с сего момента ты уволена. Господин Мамора, отзови пропуск госпожи Акумы и проследи, чтобы ее как постороннюю персону немедленно выдворили за пределы режимной территории. Сообщи также бухгалтерии, что формальности по ее расчету необходимо завершить сегодня же.

– Ты не можешь... – пискнула воспитатель, растерявшая весь свой высокомерный вид, но Мамора положил ей на плечо тяжелую руку.

– Ты слышала, что сказала госпожа директор, – мрачно пробасил он. В его эмоциях Яна читала совершенно явное удовлетворение. Похоже, воспитательница не пользовалась его симпатиями. – Пойдем, госпожа Акума, я проведу тебя в твой кабинет, чтобы ты могла забрать вещи. Госпожа Яна, прислать другого воспитателя? Дайто! – сказал он в пространство, постуцая себя по вставленной в ухо пуговке рации, – прямо сейчас зайди в пятый кабинет. Надо выдворить с территории постороннего.

– Спасибо, господин Мамора, другого воспитателя пока не надо, – поблагодарила Яна. – У всех и без того полно дел. Я приму ребенка самостоятельно, а потом отведу его в группу.

Равнодушно скользнув взглядом по фигуре растерянно стоящей перед ней женщины, она повернулась и вошла обратно в комнату. Странно. Впервые в жизни она уволила совершенно постороннего человека, которого только что увидела, возможно, сломав ей не только карьеру, но и жизнь, но не испытывает из-за того совершенно никаких эмоций. Словно дохлую мышшь из дома выбросила. Она прикрыла за собой дверь и ободряюще улыбнулась мальчику и его матери.

– Снова приношу свои извинения, – сказала она. – Инцидент исчерпан. Госпожа Акума больше нас не побеспокоит.

Она приблизилась к дивану.

– Сэцу, – ласково сказала она, – нам с твоей мамой нужно поговорить наедине. Ты не испугаешься посидеть здесь один?

Мальчик уставился в пол.

– Нет, госпожа, – тихо сказал он.

– Ты молодец, Сэцу, – похвалила его Яна. – Ты храбрый мальчик. У меня к тебе просьба. Пока мы с твоей мамой разговариваем, нарисуй мне картинку, ладно?

– Картинку, госпожа? – недоуменно посмотрел на нее мальчик.

– Да, Сэцу, картинку. Любую. Нарисуй что захочешь.

Она отошла к дальней стене и, с усилием сдвинув массивную дверцу, достала из встроенного в стену шкафа лист пластика и фломастеры.

– Вот, – она протянула их ребенку. – Рисуй что угодно. Госпожа Уса, могу я попросить тебя выйти со мной в коридор?

– Да, госпожа, – женщина с готовностью поднялась. Ее губы дрожали, а натянутая улыбка скрывала под собой в любой момент готовую прорваться истерику. – Конечно, госпожа.

Улыбнувшись мальчику напоследок, Яна вывела ее в коридор и усадила на мягкую скамью-банкетку у стены, опустившись рядом.

– Госпожа Уса, – сказала она, – не надо бояться. Ни за себя, ни за сына. Вам не причинят вреда.

– Но госпожа... – всхлипнула женщина. – Ведь вчера он... вчера...

– Он разгромил квартиру и искалечил отца, я знаю, – кивнула Яна. – Я читала полицейский протокол. Такое случается. Очень редко в последние годы, но случается. Я уже говорила и повторю еще раз: здесь нет ничьей вины.

– Но ведь его не заберут у меня, нет? – женщина стиснула руки, отчаянно заглядывая Яне в глаза. – Не заберут? Госпожа, я не смогу жить без него! Он единственная моя радость в жизни! Пожалуйста, госпожа! Все, что угодно!..

– Успокойся, госпожа Уса, – мягко прервала ее Яна. – Его у тебя не заберут. Сейчас не сороковой год.

– Но мне говорили...

– Я не знаю, кто и что тебе говорил, но не надо слушать всякие глупости, тем более верить им. Детей с особыми способностями давно не забирают у родителей силой. Их помогают правильно воспитывать, да, но если родители не отказываются от них сами, они остаются в семьях. Если я правильно тебя поняла, ты от сына отказываться не собираешься?

– Нет, госпожа! – воскликнула мать. – Бакта... Он мой муж, он, может, и захочет отказаться, но я не позволю! Госпожа, но ты сказала, что он должен остаться здесь?

– Да. На какое-то время. У Сэцу проявились способности первой категории. Он очень силен, и его нужно тщательно обучить пользоваться своей силой. Иначе он опять кого-нибудь искалечит и даже убьет, даже не желая того. Обычный срок пребывания ребенка в нашем заведении – две недели. Иногда период. За этот срок его обучают контролировать силовые манипуляторы, а также выявляют дополнительные способности.

– Дополнительные?..

– Да. Силовая функция – воздействие на предметы – обычно наиболее заметна, но иногда у детей проявляется и что-то сверх того. У нас очень хорошие педагоги, они научат твоего ребенка всему, чему нужно. Потом еще год он останется под наблюдением, потребуются регулярно проходить обследование и психологические тесты – бесплатно, разумеется. Но, госпожа Уса, – Яна наклонилась вперед и заглянула женщине в глаза, – ты должна понимать, что детям с такими способностями и уход нужен особый. Если ты не чувствуешь в себе сил жить рядом с маленьким чудовищем, которое в любой момент может порвать тебя надвое в ответ на просьбу убрать игрушки в своей комнате, лучше сразу откажись от него, как бы ты его ни любила. В детдоме, даже специализированном, для ребенка нет ничего хорошего, но все лучше, чем жизнь с родителями, которые от тебя шарахаются. Я знаю, у меня есть друзья-девианты, которые росли в таких условиях. Дети очень тонко чувствуют фальшь, так что не стоит даже и пытаться их обманывать.

– Что ты говоришь, госпожа? – в глазах женщины блеснуло изумление. – Он – мой сын! Я ни за что не откажусь от него, какой бы силой он ни обладал!

– Я услышала тебя, госпожа Уса. Я вижу, ты говоришь искренне. Но ты никогда не жила в одной квартире с ребенком-девиантом и не представляешь, каково это. Никто не заставляет тебя решать сразу. Подумай, время есть. И скажи мне вот еще что. Муж бьет тебя? Отвечай!

Последними фразами Яна хлестнула женщину, как кнутом, мгновенно сменив ласковый сочувственный тон на резко-вопросительный. Женщина отшатнулась.

– Нет, госпожа! – пролепетала она. – Нет, конечно! Как ты можешь...

– Ты лжешь! – оборвала ее Яна. Она была противна самой себе, но нарыв нужно вскрыть прямо сейчас. – Я вижу твою ложь так же ясно, как ты видишь меня. Сияк у тебя на щеке – он свежий, заметно даже сквозь косметику. Он бьет ребенка?

Женщина испуганно посмотрела на нее, потом нехотя кивнула.

– Что случилось вчера? – безжалостно продолжала допрашивать ее Яна. – Расскажи все с самого начала! Как у мальчика пробудился эффлектор? Отец бил его, когда все произошло?

– Да, госпожа, бил, – всхлинула женщина. – Умоляю, не сообщай в полицию!

– Как все случилось?

– Бакта... он опять вернулся пьяный. Он ударил меня, а потом... потом потребовал у Сэцу дневник... а там... там замечание, за драку... Госпожа, Сэцу не виноват, к нему пристают школьные хулиганы! Бакта увидел замечание, взял ремень и принялся хлестать Сэцу, а Сэцу так страшно закричал... и потом все в комнате стало ломаться и разбиваться, а Бакта отлетел в коридор, упал и больше не двигался. Сэцу упал на пол, забился в истерике, а потом потерял сознание. И я сразу вызвала «скорую», и потом приехала полиция и забрала Сэцу. Госпожа, мой муж хороший, только он пьет... иногда...

– Понятно, госпожа, – прежним мягким тоном сказала Яна. – Не беспокойся, я не стану сообщать в полицию о том, что он бил мальчика. Но с побоями пора кончать. Я звонила в больницу, и мне сказали, что твоего мужа прооперировали. Он останется жить, хотя у него сложный перелом бедра и трещины в ребрах. Ходить какое-то время он будет с трудом, возможно, с костылем. Хорошо, что он выжил – когда пробуждение особых способностей начина-

ется с убийства, ребенку очень сложно оправиться. Даже если он ненавидел погибших. Скажи, госпожа, ты работаешь?

– Нет, – покачала головой женщина. – Бакта зарабатывает достаточно.

– Ясно. То есть ты домохозяйка, средств к существованию не имеешь, развестись с мужем не можешь. Госпожа Уса, я совсем не знаю твоего мужа. Но я знаю, что человек, который без веской причины лупит жену и ребенка, «хорошим» являться не может. Если ничего не изменится, в следующий раз твой сын убьет отца. Мы учим детей контролировать себя, но не в ситуации, когда их избивают взрослые подонки. Скажи мне честно: твой муж сможет измениться? Перестать пить и драться? Подумай и скажи.

Женщина опустила измученный взгляд к полу и тихо покачала головой.

– Хорошо, что ты понимаешь. Вот, возьми, – Яна протянула женщине белый прямоугольник. – Здесь код и адрес Фонда помощи жертвам домашнего насилия. Ты можешь обратиться к ним за помощью. Там помогут оформить развод, снять жилье, получить хотя бы минимальную квалификацию и устроиться на работу. При необходимости тебе по суду оформят защиту от мужа, так что он не сможет тебе ничего сделать. Их услуги стоят денег, но не слишком больших, потому что затраты частично возмещаются государством. Они дадут ссуду с минимальными процентами, ты сумеешь ее выплатить за полгода-год. Госпожа Уса, я понимаю, что нелегко решиться так радикально изменить свою жизнь. Но подумай о сыне. Сейчас его судьба в твоих руках.

Женщина неуверенно приняла визитку и растерянно посмотрела на ровные строчки текста.

– А сейчас, госпожа, тебе пора. Попрощайся с сыном и иди домой. Твой муж не выйдет из больницы по крайней мере неделю, так что у тебя есть время все спокойно обдумать. Кстати, ты можешь навещать сына, пока он здесь, но не чаще двух раз в неделю. Пойдем. Попрощайся с ним.

Она встала и вошла обратно в комнату. Мальчик вскинул на нее взгляд.

– Можно посмотреть на рисунок? – осведомилась Яна, приближаясь к его диванчику. – Ух ты! А что здесь такое?

– Крокодил, – пояснил Сэцу, тыкая пальцем в кривые и косые линии. – Вот голова, тут хвост, а вот его зубы.

– Ого, ну и крокодилище! И зубы какие большие! А тут что?

– А это он папу напололам перекусывает, – спокойно пояснил ребенок.

– Понятно. Ну что, Сэцу, твоей маме пора идти домой. А ты пока останешься здесь, чтобы учиться управлять своей силой.

Мальчик насупился.

– Я с мамой хочу, – буркнул он.

– Пока нельзя, Сэцу. Ты не умеешь обращаться со своей силой и можешь случайно сделать больно маме. Ты ведь не хочешь сделать ей больно, правда?

Мальчик шмыгнул носом и ничего не сказал.

– Сэй, – мать подхватила мальчика с дивана и крепко обняла. Он ухватился за нее и затих. – Сэй, милый мой, дорогой, любимый, мне ужасно не хочется тебя оставлять здесь. Но тетя Яна хорошая и добрая, она научит тебя всему, чему надо. Нужно, чтобы ты пока остался здесь, понимаешь? А я стану тебя навещать. Договорились?

Женщина отцепила от себя ребенка – на глазах обоих блестели слезы – и осторожно посадила его на диван.

– До свидания, Сэй, – сказала она тихо. – Я стану приходить. И все изменится. Мы начнем жить совсем-совсем по другому. И папа перестанет тебя бить. Только ты, пожалуйста, хорошо учись всему, чему скажут. Госпожа, – сказала она, поворачиваясь к Яне, – я подумаю над твоими словами. Обязательно подумаю.

– Я надеюсь, госпожа, – кивнула Яна, доставая пелефон. Она чувствовала, как в облаке страха и отчаяния в госпоже Усе медленно кристаллизуется спокойная твердая уверенность. Хорошо. Она наверняка справится с ситуацией. В конце концов, зачастую человеку нужно лишь объяснить, что из привычного кошмарного болота есть тропка, и она сама на нее выберется. – Я очень на то надеюсь. Я вызову провожатого, и еще тебя бесплатно доведут до трамвая.

Когда женщина, в последний раз махнув своему сыну, вышла за охранником, и за ней закрылась дверь, Яна села на пол перед мальчиком, скрестив ноги. Она подобрала с пола забытый блокиратор, повертела его в руках и отбросила в дальний угол.

– Ну, Сэцу, вот мы и остались одни. Но не бойся и не грусти. Мама вернется. Она будет приходить, и часто.

Мальчик не ответил. Его окутывала пелена серой тоски и безнадежности. Ну, хотя бы страх прошел, и за то спасибо.

– Сэцу, – таинственным тоном сказала Яна, – а ты тайны умеешь хранить?

Ребенок недоверчиво посмотрел на нее, и в его эмоциональном фоне мелькнула слабая искорка любопытства.

– У меня есть очень-очень тайный секрет, и я могу тебе его сказать. Только пообещай, что никому не расскажешь.

– Не расскажу, – удивленно сказал мальчик. Искра у него внутри блеснула и ярко разгорелась. – А что за секрет?

– Честно-честно не расскажешь?

– Честно-честно!

– Тогда слушай. Сэцу, у меня тоже есть дар, совсем как у тебя. Смотри...

Она расправила манипуляторы, подхватила с дивана фломастеры и принялась жонглировать ими в воздухе. Мальчик следил за ними с округлившимися глазами и приоткрытым ртом. Его эмоциональный фон запестрел яркими красками удивления и восхищения.

– Ты как это делаешь, тетя Яна? – озадаченно спросил он.

– У меня тоже есть невидимые руки, как у тебя. И вот ими я так и делаю. Нравится?

– А мне можно попробовать? – с интересом спросил мальчик, и в тот же момент в воздухе свистнуло. Сильный скользящий удар в левую часть головы бросил Яну на пол, фломастеры разлетелись по комнате. В глазах у нее потемнело. Несколько секунд она лежала на спине, бездумно глядя в потолок и заставляя себя удержаться на грани бессознательности. Потом медленно села, чувствуя, как наливается горячей тяжестью левая скула. Наверное, там растет здоровый фонарь. Дура! Чуть не доигралась...

Мальчик перепугано смотрел на нее, съезжившись в углу дивана. От него снова исходили страх и отчаяние.

– Все... в поряд... ке, Сэцу, – хрипло сказала Яна, осторожно ощупывая скулу. – Мне... почти не больно. Я знаю, ты не хотел меня ударить, так вышло случайно. Но теперь ты понимаешь, почему тебе нужно остаться здесь и тренироваться использовать свою силу?

Ребенок быстро кивнул.

– Вот и замечательно... – Яна встала на ноги и тряхнула головой. Хорошо бы синяк вышел не слишком большим, чтобы его удалось замаскировать. А то красавицей же она окажется, когда ее, наконец, представят воспитателям! – А теперь давай поиграем в новую игру.

Она села рядом с мальчиком на диван и осторожно обняла его за плечи. На сей раз он не отстранился.

– Сэй – можно называть тебя Сэй, да? – видишь, фломастеры разлетелись по всей комнате. Так нехорошо, нельзя разбрасывать игрушки. Порядок всегда нужно соблюдать. Давай-ка вместе попробуем их собрать: один я, другой ты, потом опять я...

Два часа спустя, наказав мальчику не снимать блокиратор без разрешения взрослых, она передала его воспитательнице группы и поднялась на второй этаж в свой кабинет. Устало опустившись за стол – голова от удара все еще болела – она подумала и активировала коммуникатор.

– Господин Мамора, – сказала она, – не явится ли слишком большой наглостью с моей стороны попросить тебя оторваться от дел и зайти?

– Разумеется, – откликнулся тот. – Сейчас появлюсь.

Минуту спустя директор по безопасности вошел в дверь и без приглашения опустился на стул.

– Ты хорошо ладишь с детьми, госпожа Яна, – задумчиво сказал он. – Признаться, не ожидал. Когда я увидел тебя вчера, то подумал, что ты слишком... э-э-э, неопытна, чтобы работать здесь, да еще и директором по воспитательной части. Признаю свою неправоту.

– Ты следил за мной, господин Мамора? – Яна приподняла бровь.

– Разумеется. Все помещения оборудованы камерами слежения и объемными блокираторами, а общение с девиантами постоянно контролируется. Ты разве не знала? Стандартная мера предосторожности в подобных учреждениях. Несчастные случаи нет-нет, да происходят. Ты какой колледж заканчивала, госпожа?

– Господин Мамора, могу я еще раз набраться наглости и предложить общаться без формальностей?

– Да, Яна.

– Мамора, я заканчивала не колледж, а университет. Разве в моем досье не написано?

– Начнем с того, что твоего досье вообще нет. У нас не секретное учреждение, мы персонал под колпаком не держим. Наша задача – помогать справляться с инцидентами и охранять от посторонних, а не предотвращать утечку информации. Признаться, я о тебе не знаю вообще ничего.

– Понятно. Ну, знать особенно и нечего. Вообще-то формально я работаю в Фонде поддержки талантов, в одной из аналитических групп. Два года назад я экстерном закончила магистратуру нашего университета по специальности «Социология и политология». Мы, в частности, занимаемся проблемами интеграции девиантов в общество, и мой начальник счел необходимым, чтобы я приобрела опыт работы на весьма важном, как он полагает, участке – в системе интернатов для детей с особыми способностями. Полгода я работала воспитателем, потом меня решили немного поднатаскать на административной работе. А в вашем центре давняя незаполненная вакансия. Мамора, я не думаю, что задержусь здесь надолго – три-четыре периода, вряд ли дольше, но пока я здесь, постараюсь работать как следует.

– Ну, я рад, что хотя бы сейчас ты с нами, – улыбнулся директор по безопасности. – Признаться, я перепугался, когда мальчик тебя нокаутировал. Хотел уже включить блокиратор, но ты оправилась. Яна... не слишком ли нескромно спросить о твоих собственных способностях? Ты ведь тоже девиант?

– Да, Мамора. Я девиант. У меня первая категория и эмпатия. Госпожу Акуму я вышибла именно потому, что она ненавидит детей. Может, и не всех, но девиантов – точно. Не знаю, как она столько времени здесь работала, но, боюсь, вреда она принесла ничуть не меньше, чем пользы.

– Вот как... – медленно произнес Мамора. – Да, безусловно, чувствительность к эмоциям – очень полезная способность для воспитателя.

– Ага. Но я попросила тебя зайти вовсе не для того, чтобы обсудить мою персону. Есть предложение прогуляться по территории. Ты покажешь мне, как здесь все устроено и как обеспечивается безопасность нашего заведения. Не возражаешь?

18.03.858, златодень. Обсерватория Тэммондай

Цукка спрыгнула с подножки автобуса, отошла в сторону, чтобы не стоять на пути у выходящих, и начала осматриваться. Здесь она оказалась впервые. Разумеется, все время, пока шло строительство нового гравископа, она с большим интересом следила за ним – но дистанционно, по редким пелефонным фотографиям и видеороликам, присылаемым Ликой. Никакие ролики, однако, не могли передать всю величественность окрестных скал и прозрачную ясность разреженного горного воздуха. Серпантин горной дороги завершался асфальтированной площадкой автомобильной стоянки, сейчас забитой автобусами и легковушками. Вокруг сновали и торопились люди, орки и даже редкие тролли, но она решила не поддаваться общему суетливому настроению. Все равно Лике сейчас наверняка не до нее. До начала еще почти час, так что она вполне может немного полюбоваться открывающимися с края обрыва видами.

Закинув за спину легкую сумку с нехитрыми пожитками, она подошла к высоким перилам, с трудом удержавшись на ногах из-за внезапно налетевшего могучего порыва ветра, и какое-то время с интересом осматривала расстилающуюся далеко внизу Тэммондайскую долину. Расположившийся в ней город, хотя и довольно крупный, примерно на полмиллиона населения, с высоты в две с лишним версты казался крохотным, почти игрушечным. По запруженной на дальнем краю долины реке ползли крохотные кораблики и баржи, в порту склоняли жирафы головы стайки кранов. У дальнего края долины, где река терялась среди горных отрогов, проходили шлюзование несколько кораблей. Город поблескивал под радостными солнечными лучами, и в еще холодном воздухе витали слабые пока запахи весенней зелени.

Сполна насладившись обзором и пожалев, что рядом нет Саматты или Яны, с которыми можно поделиться своими восторгами, Цукка вытасила пелефон и сделала несколько снимков. Жаль, что они выйдут плоскими – все-таки пелефон не видеокамера, но, по крайней мере, маленькое чудо, подаренное в свое время Дзинтоном, гарантирует резкость, четкость и насыщенность цветов. Все лучше, чем обычные встроенные объективы, и отдельную камеру с собой таскать не надо... Убрав пелефон в сумочку и поежившись под налетающими порывами знобящего ветерка, она напряглась, настраиваясь на дальний вызов.

«Палек в канале. Привет, Цу!» – торопливо откликнулся тот несколько секунд спустя. – «Ты далеко?»

«На стоянке перед входом в главное здание».

«Замечательно. Обойди здание слева, там найдешь служебный вход. Охрана предупреждена, тебя пропустят и объяснят, как пройти к гравископу, только паспорт приготовь. У нас тут проблемы, не до тебя, извини. Все, отбой».

Юмористически хмыкнув, Цукка двинулась в указанном направлении. Сквозь стеклянные панели с тихим ужасом рассмотрев забитый людьми главный холл, она обогнула корпус и уже издали заметила служебный вход по сгрудившейся перед ним небольшой толпе. Похоже, ушлые репортеры и гости пытались штурмовать и его, чтобы под шумок успеть занять лучшие места. С трудом протиснувшись сквозь толпу и воткнувшись на ступеньках физиономией в шерстистый орочий бок – рот сразу забился тонкими волосками – она подергала за рукав одного из двух обозленных охранников, с трудом сдерживающих напор.

– Господин! – торопливо проговорила она. – Обо мне предупредили.

– Документы! – рявкнул охранник, наградив ее недружелюбным взглядом.

Цукка торопливо сунула ему пластинку паспорта. Почти вырвав его из рук и попутно оттолкнув какого-то особо назойливого журналиста сразу с тремя объективами на груди, охранник приложил документ к своему планшету, несколько секунд взирал на появившиеся строки, потом вернул.

– Проходи, госпожа, – сумрачно буркнул он, немного отступая в сторону – ровно настолько, чтобы Цукка могла проскользнуть. Та не замедлила воспользоваться приглашением и, с облегчением вздохнув, нырнула в щель. Сумочка едва не осталась снаружи, зажатая между

страждущими журналюгами, но в конце концов вырвалась на свободу и присоединилась к хозяйке.

Она оказалась в длинном полутемном коридоре с выходящими в него дверями. Сразу у входа со скупающим видом стоял еще один охранник – видимо, второй эшелон защиты.

– Куда, госпожа? – вежливо спросил он.

– Мне нужно к гравископу, – пояснила Цукка. – Там где-то Палек Мураций. Он сказал, что охрана объяснит дорогу.

– По коридору до первой развилки, там налево и до выхода из здания, – пояснил охранник. – Мимо гравископа не промахнешься, госпожа. – Он ухмыльнулся. – Вот насчет господина Палека не поручусь, он сегодня весь день в мыле взад-вперед носится. Что-то у них там не ладится. Он, похоже в пяти местах одновременно присутствует, и нигде его найти нельзя.

– Спасибо, господин, – кивнула Цукка, оправляя помятую в давке блузку – свою любимую, жемчужно-серую с тонкой золотой вышивкой. – Я найду.

Коридор вывел ее в огромный внутренний двор. Точнее, даже не во двор, а на территорию площадью с приличное спортивное поле. С одной стороны оно упиралось в здание, с двух других его ограждала высокая сплошная металлическая ограда. Дальний край площадки заканчивался обрывом, закрытым сетчатым ограждением. В ее центре огромным цветком темного металла застыл новый гравископ. Восемнадцать десятисаженных лепестков поднимались почти вертикально вверх, опираясь на пятигранную пирамиду бетонного основания, а над ними еще на пятнадцать саженей на тонких прутиках концевых опор возносился конус основного фокуса. Цукка залюбовалась конструкцией. Ажурно-воздушная, она казалась устремленной вверх, к звездам, словно экзотический космический корабль, готовый к старту.

Но почему лепестки подняты? Ведь такое, насколько она помнит сценарий, должно случиться только после торжественного открытия!

Возле постамента столпились с десятков человек и трое орков. Рядом возвышалась стрела передвижной монтажной вышки. На вершине одного из лепестков копошился человек, ковыряясь в шарнире концевой опоры. Цукка подошла к негромко переговаривающимся людям, нетерпеливо поглядывающим вверх.

– Привет, Лика! – поздоровалась она. – Здравствуй, дядя Ван. Что-то случилось?

– А, привет, Цу! – коротко взглянул на нее озабоченный Палек. – Ты не поверишь – сегодня утром какой-то кретин-репортер на наемном вертолете зацепил установку, когда кругом облетал во время последнего нашего тестирования. Поднялся из долины, перелетел изгородь и давай вокруг круги нарезать. Ему, видите ли, поближе, разглядеть захотелось. А здесь, как ни странно, порывы ветра случаются. И криворукый пилот машину не удержал, задел сочленение хвостовым стабилизатором. Слегка зацепил, на хвосте только краска и ободралась, но там что-то заклинило. И я даже догадываюсь, что. Не рассчитано оно на вертолетные тараны! И теперь лепестки не опустить, чтобы шарнир окончательно не угробить. Хорошо хоть вертолет с соосными винтами оказался, без хвостового пропеллера, иначе рухнул бы он на лепестки, и пришлось бы всю установку с начала собирать. Ну что он, засоня, там копается? Спит на ходу, что ли? Там делов-то – одну пластину сменить! Ван, я поднимусь и сам все сделаю!

– Лика, погоди! – остановила его Цукка. – А почему ты-то? У вас же за механику Цутома и Тюи отвечают.

– У Цутомы какие-то личные заморочки, он все бросил и уехал, – нетерпеливо отмахнулся Палек. – А Тюи позавчера нажралась мороженого после купания в бассейне и сейчас валяется в постели, воспаляя простыни без дополнительных средств. Да я и сам справлюсь! Что я, зря эту долбанутую ТММ несколько лет зубрил? Дядя Ван, я поднимусь?

– Не суетись, – осуждающе посмотрел на него инженер. – Времени пока хватает. В крайнем случае так откроем, все равно никто не разберется, как должно выглядеть. Потом попра-

вим в спокойной обстановке. Монтажник, между прочим, за риск деньги платят, а тебе – нет. Сорвешься – что делать станем?

– Сорвусь? – фыркнул Палек. – Да я по таким местам лазил, по сравнению с которыми тут просто пешеходный тротуар!

– Ох, молодежь... – Ван покачал головой. – Кстати, здравствуй, Цу. Рад тебя видеть. Может, хоть ты успокоишь своего подопечного? Он уже второй день сам не свой. Ходит шатаясь, спит три часа в сутки, вилоккой мимо рта промахивается, едва в глаз себе не попадает.

– Да я тоже простыл, наверное! – досадливо отмахнулся юноша. – Тюи и меня мороженым обкормила, от нее только Каси без скандала умеет отделяться, – он мотнул головой в сторону невысокой рыжей девицы с конским хвостом на затылке, стоявшей чуть поодаль от основной группы и сосредоточенно всматривающейся вверх. – Все у меня нормально с координацией. Подумаешь, отвлекся немного! К-ссо! Нет, ну он точно заснул! Дядя Ван, я полез.

– Эй! – вскинулся было инженер, но долговязый Палек уже размашисто шагнул к монтажной вышке. Запрыгнув наверх, к пульту, он принялся что-то втолковывать оператору. Выслушав, тот кивнул и нажал на кнопку. Монтажная площадка спустилась вниз, и Палек, подпрыгнув и ухватившись за перила, подтянулся и влез на нее, игнорируя ступеньки.

– Ну что с ним делать! – вздохнул Ван, поворачиваясь к Цукке. – Молодой, шустрый, на месте не сидится. Ладно, пусть поднимется. Может, и в самом деле на пару быстрее справятся.

– Если он что-то решил, то его не остановить, – согласно кивнула та. – Весь в приемного папашу, такой же шустрый и безапелляционный. Дядя Ван, мы просмотрели результаты тестовых прогонов. Все почти отлично, но повторная калибровка все же требуется. Я на три дня приехала – уложимся?

– Уложимся, конечно, – пожал плечами инженер, наблюдая, как монтажная площадка медленно поднимается к небесам, а мачта постепенно наклоняется, приближая ее к лепестку. – Вся процедура четыре часа занимает, не больше. Сегодня вряд ли получится, но завтра с утра займемся. Ты где остановилась?

– Я еще нигде не остановилась. Из аэропорта прямо на автобус и сюда. Вечером найду себе какой-нибудь отель.

– Ты оптимистка! – усмехнулся инженер. – Наверняка отели все забиты под крышу, разве что императорские люксы и остались. Но мы тут днюем и ночуем, несколько кабинетов под общие спальни приспособили. Спальный мешок мы для тебя найдем, если не возражаешь.

– Не возражаю, – кивнула Цукка. – Спасибо, дядя Ван. Ох, да что же он делает-то! Он же без страховки!

Наверху Палек, по-видимому, не удовлетворенный своим расположением, поднырнул под перила монтажной площадки и мягким кошачьим движением перепрыгнул с нее на лепесток, совершенно игнорируя разверзшуюся под ним семиэтажную пропасть.

– Спустится – голову оторву, – кивнул Ван, неотрывно наблюдая за своим учеником. – Я его вообще с площадки выгоню за такие фокусы! Он, конечно, ловкий паренек, но инстинкт самосохранения у него начисто отсутствует. Сам убьется и других зашибет. Ну, погоди у меня...

– Шалопай... – Цукка напряженно поморщилась. – Когда он спустится, дядя Ван, не убивай его до конца. Оставь и мне кусочек, я поучаствую.

– Договорились! – согласился Ван, не отрывая от лепестка напряженного взгляда. – Цу, а что там за проблемы случились с первым гравископом? Я слышал, что-то сломалось, но как-то в деталях не разобрался.

– Я тоже не очень в курсе, – Цукка безразлично приподняла бровь. – Его оканакцы почти монополизировали, нас давно в сторону оттеснили. Не втиснуться в расписание. Но я слышала, что там один из лепестков из строя вышел. Вроде бы центральная секция пополам переломилась, то ли из-за каверн, то ли из-за усталости металла. Его же, если ты помнишь, не предна-

значали для интенсивной работы, он, скорее, модель, для отработки концепций. А его пять лет в хвост и гриву гоняют круглые сутки. Удивительно не что сломался, а что продержался так долго.

– А, понятно... – рассеянно покивал Ван. – Смотри-ка ты, а они, кажется, справились.

– Мы закончили! – крикнул сверху Палек. – Дядя Ван, сходи на пульт, запусти на пробу!

– Ты с ума сошел? – закричал в ответ инженер. – Какое «запусти на пробу»? А ну, живо спускайтесь! Никаких проверок, пока там кто-то есть!

– Я хочу посмотреть, как он ходит! – не сдавался юноша. – Дядя Ван, не вредничай!

– Ты что, не понял? Никаких испытаний, пока люди в опасной зоне! Давай спускайся! – на сей раз инженер, похоже, разозлился по-настоящему. – Лика, я сейчас пойду и открытие отменю, если дурью маяться продолжишь!

– Ладно! – нехотя откликнулся Палек. – Сейчас спустимся.

Он ловко перепрыгнул обратно на площадку, от чего сердце Цукки снова екнуло, и перебросил тело через перила. Монтажник отцепил страховку, но прыгать не стал. Вместо того он помахал вниз, оператору, чтобы тот придвинул площадку плотнее.

Оператор заработал манипулятором, и мачта, качнувшись, приблизила площадку к лепестку примерно на четверть сажени. Теперь между ней и конструкцией оставалось расстояние как раз такое, чтобы можно было дотянуться рукой. Монтажник кивнул, склонился вперед, протягивая руку к перилам, и шагнул одной ногой на площадку.

И в этот момент налетел шквал.

Много позже, вспоминая происшедшее, Цукка решила, что Палек явно был несправедлив к злосчастному пилоту вертолета. Удержать легкую машину при внезапном ударе ветра, почти сбивающего с ног стоящего на твердой почве человека, не так-то просто, если вообще возможно. Требовалось подлинное мастерство, чтобы не просто не разбить вертолет вдребезги о массивную металлическую конструкцию, но всего лишь ограничиться царапинами.

Шквал буквально смахнул монтажника с платформы, на которую тот еще не успел толком встать. Его пальцы сомкнулись на перилах – и промахнулись. Однако Палек, которого ветер бросил на перила, успел оттолкнуться от них, нырнуть под ограждение и, ухватившись левой рукой за вертикальный прут поручня, правой поймать руку падающего человека. Палек повис в двенадцати саженях над землей, одной рукой сжимая ребристый металлический штырь, а другой – запястье монтажника.

Стоящие у подножия гравископа люди испустили дружный вздох, парализованные внезапным ужасом. Однако Ван не растерялся.

– Опускай! – заорал он оператору вышки, с отвисшей челюстью пялившемуся вверх. – Опускай, идиот! Что замер?

В три гигантских прыжка оказавшись около контрольной платформы, он птицей взлетел на нее, отпихнул побелевшего оператора и кулаком ударил по кнопке спуска. Монтажная площадка с двумя болтающимися под ней фигурками пошла вниз.

Стиснув зубы и сжав кулаки, Цукка наблюдала как скользит вниз платформа, как быстро сокращается расстояние между людьми и почвой. Быстро – но недостаточно быстро. Когда платформа опустилась примерно на половину высоты, стало видно, что Палек удерживает руку монтажника лишь кончиками пальцев – и она постепенно выскользывает все больше и больше. Цукка остро пожалела, что не обладает янинными или карининными способностями – по крайней мере, она смогла бы смягчить его удар о землю. Только бы Лика не сорвался сам...

Все обошлось. Монтажник все-таки упал на землю, когда спускающуюся платформу слегка тряхнуло. Но до земли уже оставалось всего полторы сажени, и он, тяжело рухнув, упал, перекатился пару раз и замер. К нему бросились, но он уже самостоятельно сел на земле, потом медленно поднялся на ноги, опираясь на руки подбежавших людей, и принялся отряхиваться.

Цукка вцепилась в Палека, легко спрыгнувшего с пятидесятисантиметровой высоты, и затормошила его, одновременно смеясь и плача.

– Лика, скотина! – пробормотала она, всхлипывая. – Если бы ты сорвался, я бы тебя точно убила!

– Чисто женская логика! – ухмыльнулся парень. – Он не удержался, а ругают меня. Я, между прочим, герой, если ты не заметила.

– Дурак ты, Лика, а не герой, – осуждающе качнул головой спустившийся с операторской платформы Ван. – Ты чего там наверху прыгал взад-вперед? А если бы шквал налетел во время прыжка? Я ведь тебя точно с площадки выгоню.

– Так работы уже завершены! – хмыкнул Палек. – Мне здесь делать больше нечего. – Он утешающе похлопал Цукку по спине. – Да кончай реветь, все уже кончилось.

– Лика! – воскликнул рядом женский голос. Цукка покосилась вбок. Давешняя рыжая девица словно клещ вцепилась в плечо Палека и изо всех сил тормошила его. – Лика, чтоб тебе ногу сломать! Ну что же ты делаешь! Ты ведь убиться мог! Ой... Прошу прощения, госпожа, что прервала! – Она взглянула на Цукку со странной смесью ревности и робости во взгляде.

– Я такой! – озорно улыбнулся Палек. – Молодец, спасатель и просто рискованный парень! Цу, познакомься с Кансой. Каси, это Цукка, моя старшая сестричка. Я про нее как-то упоминал, помнишь?

– Чрезвычайно рада знакомству, госпожа, – откликнулась рыженькая, низко, куда ниже, чем положено перед незнакомыми, кланяясь, но не отпуская руку Палека. – Палек много рассказывал о своей семье. Прошу благосклонности.

– Радость взаимна, госпожа. Благосклонность пожалована, – кивнула Цукка. – Лика, с каких пор я твоей сестричкой оказалась? Я, между прочим, твой опекун!

– Уже восемь лет как не опекун! – показал ей язык несносный Лика. – Не мамаша же. Подумаешь, на семь лет старше! Хотя, если подумать, тридцатник ты уже разменяла, так что, наверное, ты мне действительно не сестричка, а бабушка.

– Лика! – прорычала Цукка. – Я тебе сейчас по башке стукну чем-нибудь тяжелым!

– И сорвешь торжественное открытие? – удивился тот. – Да тебя твои же университетские дружки убьют. Они мне уже три периода житья не дают своими вопросами, когда мы нашу дурицу железную запустим!

Внезапно он покачнулся и ухватился за плечо Кансы, чтобы не упасть. Девушка заботливо поддержала его, в глазах появилась озабоченность.

– Лика, ты что?! – воскликнула Цукка. – Тебе плохо?

– Да что-то голова кружится... – пробормотал тот, потирая лоб. – Со вчерашнего дня приступы, и температура слегка... Говорю же – простыл немного.

– Сразу после открытия идешь к врачу! – приказал Ван. – И чтоб без разговоров. Скажет неделю в кровати – ляжешь и не встанешь до срока. Ого, смотри-ка ты...

Он повернулся к монтажной платформе, висящей невысоко над землей, и постучал по вертикальному пруту.

– А хватка у тебя, молодой господин, стальная, – удивленно проговорил он. – Смотри, что ты наделал с казенным оборудованием!

Цукка, Палек и Канса одновременно обернулись в его сторону. Палек с недоумением провел пальцем по тому месту, где ребристый железный прут в палец толщиной искривлялся, словно провернутый большими клещами. На ободранной желтой краске отчетливо выделялись четыре глубоких поперечных вмятины, словно от и в самом деле от с силой ухватившегося за него кулака.

– Да, удачно его где-то помяло, – пробормотал он. – То-то мне держаться удобно было... Повезло.

– Помяло? – с сомнением спросил инженер. – Что-то не помню я на перилах никаких помятостей...

– Господин Палек! – сорвавшийся монтажник, видимо, наконец-то пришедший в себя, отстранил сгрудившихся вокруг него людей, подошел к парню и низко поклонился. – Выражаю глубочайшую благодарность за помощь и уверяю в своем нижайшем почтении. Я в долгу перед тобой, господин...

– Да ладно тебе, Кумитата! – нетерпеливо отмахнулся парень, мгновенно приобретая свое обычное слегка насмешливое выражение лица. – Подумаешь, изобразили пару обезьян на пальме. Мне, между прочим, понравилось. Думаю вот, не повторить ли? Каси, хочешь мы с тобой вместе там поболтаемся?

– Ты серьезно? – с сомнением спросила девица, растерянно глядя на него. Цукка чуть не расхохоталась, глядя на нее. Наверное, очередная его подружка еще не до конца разобралась, с кем связалась. Интересно, выдерживает ли кто-нибудь из его пассий дольше двух-трех периодов?

– Лика! – укоризненно сказал Ван. – Хватит паясничать. Нам, между прочим, еще всю конструкцию сложить надо. Через двадцать минут открытие, через пять – народ пускать начнут. Ну-ка, быстро к резервному пульта. Господа и дамы! – громко сказал он. – Прошу всех отойти за черту безопасности. Мы запускаем рабочий цикл. Ган, уводи вышку!

Он махнул оператору монтажной вышки, и тот, кивнув, принялся манипулировать пультом. Четыре ее опоры загудели, оторвались от земли и принялись втягиваться в толстый цилиндрический корпус.

– Пойдемте, молодые люди, пойдемте! – поторопил инженер и скорым шагом двинулся в сторону здания. Палек, осторожно, но в то же время ловко высвободившись из хватки Кансы, почти побежал за ним. Цукка, покосившись на рыженькую, пошла следом, и та, поколебавшись, двинулась вслед.

– Госпожа Цукка, – спросила она неуверенно, – скажи, а Лика всегда такой... неосторожный?

– Я оценила твою деликатность, госпожа Канса, – усмехнулась та, – но слово «неосторожный» к нему применить сложно. Я бы сказала, что он совершенно безбашенный. Когда Дзинтон... его приемный отец ушел, он совсем от рук отбился. Намучаешься ты с ним, госпожа.

– Пусть, – тихо сказала Канса. – Мне не сложно. Раз так, нужно, чтобы рядом оставался кто-то благоразумный. Нужно, чтобы за ним кто-то присматривал. Только за ним так сложно угнаться...

Цукка взглянула на нее уже с новым чувством. А девочка-то не так проста, как показалось с самого начала.

– Давно вы вместе? – поинтересовалась она.

– Четыре периода, – сообщила Канса, подумав. – Или пять. Мы с ним сначала ругались и ссорились все время, а потом... подружились как-то неожиданно.

– Ох, милая... – вздохнула Цукка. – Я его с десяти лет опекаю, и мне ни разу не удавалось, как ты выражаешься, за ним угнаться. Только Дзи и мог его контролировать, да еще Мати, большой и сильный, для него какой-никакой авторитет. Тебе придется его наручниками к себе приковать, и то он тебя за собой уволочет.

– Ну и пусть, – Канса упрямо сжала губы. – Это он сейчас такой... быстрый, но он изменится. Он добрый, я знаю, просто в нем энергии слишком много.

Цукка хмыкнула. Интересно, что сказала бы Яна про рыжую девчонку, окажись рядом? Неужто она действительно влюблена в Палека, шалопая и ветрогона? Не подыскивает себе мужа посостоятельнее или чтобы вырваться из своей глуши, а на самом деле влюблена? Надо с ним поговорить. Если он бросит девочку в своей обычной манере, как бы это не стало для нее сильным ударом...

Вместе они вошли в дверь, в которой на несколько секунд раньше пропали Ван с Палекком, и оказались в небольшой комнате, заваленной разным хламом. Палек стоял возле чего-то, смутно напоминающего пульт управления, и нетерпеливо барабанил по нему пальцами. Ван ткнул пальцем в большую красную кнопку, и снаружи донеслось три резких гудка.

– Включать? – спросил Палек.

– Не торопись, – поморщился инженер. – Выжидаем положенную минуту.

Цукка посмотрела наружу через обзорное окно. Возле установки уже никого не осталось, только монтажная вышка медленно катилась на своих огромных колесах к воротам в северной стене далеко за пределами отмеченной белой чертой опасной зоны. Ну, в конце концов правила безопасности есть правила безопасности.

Она обвела пультовую взглядом. На стенках вкривь и вкось висели карандашные шаржи в обычной ехидной ликиной манере. Короткая борода Вана на одном из рисунков превратилась в лохматую неопрятную бородищу, а и без того узкие глаза – в почти неразличимые щелки. Остальных изображенных она не знала, однако ее взгляд зацепился за рисунок, висящий в дальнем углу. Лицо Кансы на нем не казалось карикатурным. Карандаш художника с удивительной ясностью передал на нем одновременно и застенчивость улыбки девушки, и скрытые в ней упрямство и серьезность. Ее лицо выдавало внутреннюю силу и целеустремленность, и Цукке сразу вспомнилась Карина. Волосы на портрете, хотя и набросанные серым грифелем, почему-то ясно казались рыжими. Конский хвост на затылке, нависающая на глаза челка, разбросанные по лицу конопушки, сейчас почти не видимые на личике прототипа, высокие скулы, прямой нос, пухлые, четко очерченные губы... На первый взгляд, картина мало походила на живой прототип. Сначала Цукка даже решила, что Палек просто приукрасил действительность, чтобы польстить Кансе. Но бросив на девушку пристальный взгляд, она поняла, что на самом деле он вытащил на поверхность ту красоту, что скрывалась от постороннего взгляда за маской внешней заурядности. Ну и ну! А ведь Лица никогда не станут рисовать такие портреты с тех, кто ему безразличен. Тем более – на бумаге. Неужто наконец-то пришла и ему пора остепениться? Но ведь за прошедшие периоды он ни словом не обмолвился, что у него серьезный роман!

Заметив ее оценивающий взгляд, Канса вспыхнула.

– И вовсе я не похожа на картинку! – решительно сказала она. – Лица просто нарисовал слишком красиво.

– Как есть, так и нарисовал, – пробормотал парень. – У меня фантазия скудная, я домысливать не умею. Дядь Ван, минута прошла. Опускаем.

Не дожидаясь ответа, он нажал на пульте пару кнопок и плавно чуть-чуть сдвинул один из рычагов. На плоских дисплеях на пульте замечались столбцы и линии непонятных графиков, потекли, изменяясь, цифры. Гравископ за окном пришел в движение. Его лепестки начали понемногу опускаться к земле, расходясь многолучевой звездой, и вся конструкция принялась складываться и одновременно расширяться, словно сплющиваемый сверху бумажный фонарик.

– Не торопись, Лица, – сказал Ван. – Опускай помедленнее.

– Да все нормально, – отмахнулся тот. – Шарнир мы выправили, телеметрия ничего критичного не показывает. Центральный блок остается в точке фокуса. Пронесло. Могло кончиться куда хуже.

– Дядя Ван, – спросила Цукка, – а все-таки – зачем вы такую конструкцию придумали? Сложно же! В первой установке сенсорный блок на мачте вверх-вниз перемещается, и все в порядке.

– Да что бы ты, Цу, понимала в механике! – фыркнул Палек. – Проще! Когда центральная ось в зенит смотрит, может, и проще. А если под углом наклонять? Ты хоть представляешь себе, что такое сделать телескопическую мачту, которая в любую сторону под углом в шесть-

десять градусов наклоняться должна и надолго в таком положении оставаться? Да еще и согласовывать свои перемещения с независимыми лепестками с точностью до миллиметра? Раз в неделю минимум перекалибровку проводить приходится. А здесь как бы лепестки ни перемещались, блок все равно в точке фокуса остается, если только его вертолетами не таранить. Что-то усложнили, да, но зато остальное упростили.

Конструкция гравископа закончила складываться, и концы лепестков точно легли в приемные узлы торчащих из земли опор.

– Ну, все. Управились, – облегченно вздохнул Ван. – Вовремя.

Он извлек пелефон и нажал кнопку вызова.

– Господин Цакуса, – произнес он, – мы готовы. Можно запускать зрителей. Сейчас начнется кутерьма, – добавил он после того, как дал отбой. – Давайте пока здесь подождем, а то затопчут.

– А сюда разве народ не придет? – поинтересовалась Цукка. – Как-то здесь все... захламяно, я бы сказала.

– Народ придет в главную пультовую, – пояснил инженер. – А тут вспомогательная. Ты разве сама не видишь? Собирали из всякого мусора. Здесь даже консоль управления столетней давности, хоть сейчас в музей технической истории сдавай. Она не предполагается к постоянному использованию, мы ее только для тестирования по ходу дела и задействовали, чтобы наверх лишний раз не бегать. Нет, никто сюда не придет.

Из невидимых из пультовой дверей потянулись ручейки народа. Тонкие поначалу, они густели и густели, и уже через несколько минут вдоль южной стены волновалось море из человеческих и орочьих голов, над которыми редкими горными пиками возвышались могучие тролличьи торсы. Увешанные объективами операторы с закрытыми контроль-щитками лицами торопливо устанавливали на штативы массивные блоки связи, над которыми торчали тарелочки параболических спутниковых антенн. Цукка удивленно смотрела на толпу.

– Откуда столько народу? – наконец спросила она. – Я думала, полсотни персон наберется из разных университетов и Академии, максимум сотня. Но здесь сотни три, не меньше. А то и четыре.

– Темная ты, Цу, – ехидно подмигнул ей Палек. – Сюда же сам министр науки и просвещения прибыл! У него одного свита персон на тридцать, если не больше. А сколько всякой чиновной швали налетело, надеющейся перед министром или камерой засветиться, вообще не сосчитать. Тех, кому по делу надо, здесь едва пара десятков наберется, остальных можно упаковать в ящики и в море утопить.

– Лика! – осуждающе нахмурился Ван.

– Да ладно тебе, дядя Ван! – отмахнулся парень. – А то я не знаю, что ты сам про них думаешь.

– Неважно, что я думаю, – назидательно откликнулся инженер. – Важно, что без вмешательства министра мы бы гравископ еще десять лет строили. Лика, унижаться перед бюрократами противно, я понимаю, но без того ты денег не получишь. Лучше прогнуться лишний раз перед толстой мордой, но дело сделать, чем гордо воротить нос и бездельничать с пустым карманом. Будь другом, вспомни, что ты улыбаться умеешь. Или хотя бы постарайся не кривиться от отвращения. О, вон и министр появился. Идемте.

Он двинулся было к двери, но остановился и хлопнул себя по лбу.

– Совсем забыл! – с досадой сказал он. – А кто гравископ включит? Я же хотел здесь кого-то из техников оставить...

– А вот она и включит! – Палек скользнул к Кансе, подмигнул ей, обхватил за плечи и слегка подтолкнул к Вану. – Каси, помнишь, что нажимать надо?

– Нет! – воскликнула девушка. – Лика, ты что? Я же не техник! Мне нельзя!

– Да кто тебя спрашивает! – усмехнулся парень. – Вся страна на тебя смотрит, так что настало время для подвига. Я что, зря тебе все тут показывал?

– А ты показывал? – подозрительно взглянул на него Ван.

– А то ж! – кивнул тот. – Чем мы, по-твоему, тут вечерами занимались?

– Знаю я, чем вы тут на диване вечерами занимались, – проворчал инженер. – Ладно. Канса, сценарий простой. По сигналу поднимешь лепестки до упора, покачаешь слегка цветок вправо-влево, потом выпрямишь и опустишь. Справишься?

Девушка растерянно оглянулась на Цукку. Та ободряюще кивнула.

– Я... я попробую... – нерешительно сказала она.

– Не надо пробовать, Каси, – твердо сказал Палек. – Надо просто делать. Не бойся, тут отладочные предохранители задействованы, даже если и захочешь, ничего не сломаешь.

Он склонился вперед и поцеловал девушку в губы. Потом погладил ее по волосам и быстро вышел в дверь. Ван возвел глаза к небу и последовал за ним.

– Не бойся, госпожа Канса, – успокаивающе сказала Цукка. – Лица хоть и шалопай, но совсем уж безответственным его назвать нельзя. Если он сказал, что ты справишься, значит, он в тебя твердо верит. Я пока останусь с тобой, но я по сценарию с речью выступить должна, так что мне уйти придется.

Канса недоверчиво взглянула на нее, но Цукка уже увидела в ее глазах то самое упрямое выражение.

– Спасибо, госпожа Цукка, – сказала девушка. – Я справлюсь. Не могу же я, в самом деле, нашего бездельника подвести.

Ее губы тронула слабая улыбка.

– Господа и дамы! – донесся из-за окна усиленный динамиками голос поднявшегося на импровизированный помост импозантного полного мужчины в демонстративно накинутом поверх пиджака белом халате. – Прошу внимания. Мы начинаем нашу церемонию открытия нового гравископа.

– Кто он? – спросила Цукка.

– Господин Интё Уцукусий, – почему-то шепотом пояснила Канса. – Директор обсерватории.

– А! – сообразила Цукка. – Ну да, я же видела его как-то раз.

– ...и предоставляю слово для торжественной речи блистательному господину Кагаке Дайдзину, министру науки и просвещения, – закончил на трибуне директор. – Прошу, господин Кагака!

– Спасибо, господин Интё, – поблагодарил неспешно взобравшийся по ступенькам на помост высокий седовласый мужчина в черном костюме с золотым шейным шнурком и с лицом, словно вырубленным из камня сильными резкими ударами. – Господа и дамы, с большим удовольствием приветствую вас здесь и поздравляю с тем, что наконец-то заверченный гравископ «Хана» вступает в строй. Процесс его строительства оказался нелегким...

– Ну все, зарядил надолго, – с досадой сказала Цукка. – Можно подумать, он его лично строил. Сейчас распушит хвост и начнет красоваться перед камерами, как кудзяка, часа два, не меньше. Госпожа Канса... могу я предложить без формальностей?

– Да, – пискнула девушка.

– Канса, слушай, а почему здесь все так убого? В пультовой, я имею в виду? Рычаги какие-то вместо нормальных контроль-интерфейсов...

– Так Лица же сказал, что здесь запасное помещение, – пожал плечами Канса. – Оно даже к общей сети не подключено. Рычагами удобней управлять, пока механика не отлажена. В главной пультовой все правильно сделано, а тут никто и не появится больше, когда все запустят.

– А! – кивнула Цукка. – Понятно. Просто я никогда такого управления не встречала. Поясни, пожалуйста, что чем управляет? В жизни таких штук не видела...

Министр, однако, проявил чудеса краткости. Уже через полчаса он плавно закруглил свою речь, и слово вновь взял директор обсерватории.

– А теперь, господа и дамы, – веско сказал он, – я предоставлю слово человеку, без которого наш проект не состоялся бы. Не секрет, что гравископы такого размера у нас в стране еще не строились, и в процессе строительства возникла масса всяческих сложностей, требовавших, не побоюсь сказать, воистину героических усилий со стороны наших строителей. Один из них перед вами. Господа и дамы, попрошу приветствовать главного инженера проекта господина Вана Сакидзакя, самоотверженно отдававшего все силы строительству, благодаря чему оно завершилось точно в срок!

Толпа зашумела и зааплодировала.

– Пойду я, – торопливо сказала Цукка. – Сейчас дядя Ван закруглится, и мне тоже придется пару слов сказать. Не волнуйся, Канса, все закончится хорошо.

Напоследок ободряюще подмигнув заметно побледневшей девушке, она выскочила в дверь и принялась пробираться к кучке людей возле помоста так, чтобы раньше времени не попасть в объектив одной из камер.

– Господа и дамы, – широко улыбнувшись, сказал Ван. – Разумеется, я благодарен и господину Интё за его высокую оценку наших действий, и вам, что решились-таки добраться в такую даль. Однако я должен заметить – господин Интё все-таки прав не до конца. Я лично отдавал строительству куда меньше времени, чем хотелось бы, и не могу сказать, что особенно напрягался. Я уже стар, и мне все труднее самому лазить по котлованам и каркасам, так что я предпочитаю наблюдать за ходом дела из уютного кресла своего кабинета. Основную тяжесть и по проектированию, и по управлению работами принял на себя совсем другой человек. Господа и дамы, я гордостью представляю вам своего ученика, талантливого инженера и выдающегося художника Палека Мурация!

Не поворачиваясь, широким движением руки он указал точно на стоящего сбоку от помоста Палека, и Цукка увидела, как тот напрягся от неожиданности. Толпа зашумела и зааплодировала с удвоенной силой. Несколько секунд парень стоял, растерянно осматриваясь, но быстро пришел в себя. Выступив вперед, он с преувеличенной важностью отвесил несколько поклонов, после чего помахал руками над головой и отступил на шаг.

– Да, птенцы рано или поздно оперяются и вылетают из гнезда, – с улыбкой сказал Ван, наблюдая за ним. – Думаю, дорога в будущее, по которой господин Палек сделал свой первый настоящий шаг, скоро приведет его к блистающим вершинам славы и почета. Вспомните мои слова, дамы и господа, лет через тридцать. Ну, а сегодня я закругляюсь. Результат нашей работы вы видите сами, а ожидающие впереди мероприятия наподобие торжественного фуршета куда важнее, чем любые слова, которые я могу сказать. Господин Интё?

– Да-да, – тряхнул головой директор обсерватории, похоже, несколько удивленный краткостью инженера. – А теперь с приветственным словом выступит представительница факультета астрономии Масарийского государственного университета госпожа Цукка Касарий.

Цукка взбежала по ступенькам помоста и низко поклонилась толпе.

– Господа и дамы! – звонко сказала она. – Я рада, что вы все проявили такой пристальный интерес к нашему гравископу. Установка, которую вы видите перед собой, не так велика, но на самом деле она – огромный шаг вперед для всего нашего мира. Она – шаг по пути, который ведет нас к звездам, и можно смело сказать: с сегодняшнего дня Вселенная станет к нам заметно ближе, чем раньше.

Она перевела дыхание.

– Гравископ – плод интеллектуального труда многих десятков людей. Математики рассчитали необходимую теоретическую базу, электронщики создали необходимые приборы, которые тестировали и отлаживали физики-экспериментаторы, инженеры проектировали и монтировали саму установку... В ходе его разработки мы узнали и придумали много нового,

и сейчас в нашей стране при личной поддержке господина Кагаки, – она слегка поклонилась в сторону одобрительно взирающего на нее министра, – спроектированы еще два таких же устройства, строительство которых завершится уже через три года. А в не таких уж и далеких планах – создание и запуск большого орбитального гравископа с разрешающей способностью в четыре раза большей, чем может дать любая наземная установка. И когда-нибудь космические корабли отправятся к открытым с помощью гравископов новым планетам, чтобы основать там колонии, открыв нам новые дороги во Вселенной! Спасибо вам всем!

Она снова поклонилась и под аплодисменты спустилась с помоста.

– Красиво говоришь! – прошептал Палек, склонившись к ее уху. – Вам с министром, случайно, не один и тот же писака речи ваял?

– Лица, заткнись! – уголком рта прошипела Цукка. – Ты просто не представляешь, сколько сил и времени ушло, чтобы заставить эту скотину проект поддержать! Если бы он сейчас не услышал, что хотел, больше бы даже пальцем ради нас не пошевелил! А то бы еще и палки в колеса ставить начал.

Палек хотел произнести что-то еще, но тут директор обсерватории воскликнул:

– А теперь, господа и дамы, главная часть сегодняшнего дня – торжественный запуск установки! Итак, да свершится чудо!

Цукка бросила быстрый взгляд в сторону пультовой. Интересно, как там Канса? Словно в ответ на ее беспокойство тонко завывла сигнальная сирена. Загудели, пробуждаясь большие сервомоторы, и лепестки установки принялись медленно подниматься, сближаясь и вознося к небесам перевернутый конус сенсорного блока. Толпа зашумела с удвоенной силой. Поднявшись под углом в сорок пять градусов к земле, лепестки замерли, после чего вся конструкция немного наклонилась вершиной к западу и принялась описывать ей правильную окружность. Сделав поворот, она снова выпрямилась, после чего лепестки медленно пустились на поджидающие их опоры, и сирена смолкла.

Присутствующие зааплодировали.

– Моя школа! – гордо сказал Палек Цукке. – Мы с Кансой неделю вечерами упражнялись, хотя и теоретически. Она у меня сообразительная и вообще умница. Хотя и дурочка – ты представляешь, она после школы даже в колледж поступать не захотела. Сразу в лаборантки пошла. Ну ничего, я ее еще заставлю в следующем году поступить если не в университет, то в колледж – точно.

– У тебя? – вопросительно подняла бровь Цукка. – Лица, ты на ней жениться, случайно, не задумал?

– Вот еще! – фыркнул парень. – Я еще слишком молод, чтобы хоронить себя в семье и заводить собственных спиногрызов! Хотя... лет этак через несколько, возможно, мы с Каси данный вопрос еще обсудим.

– Ну а теперь, – провозгласил с высоты помоста директор обсерватории, – торжественная часть завершена, и я предлагаю всем присутствующим пройти в конференц-зал, где нас ожидает фуршет!..

Много позже, когда гости, наконец, разъехались восвояси и в коридорах обсерватории не осталось посторонних, Цукка заглянула в пустой и тихий центральный операторский зал на втором этаже. Палек сидел за пультом в окружении сразу пяти слабо мерцающих дисплеев и что-то изучал, передвигая висящие перед ним в воздухе голографические ползунки. Из-за спинки соседнего кресла торчала рыжая девичья макушка.

– Ты молодец, – произнес Палек. – Я знал, что ты справишься. А ты боялась...

– Боялась, – согласилась невидимая Канса. – И сейчас поджилки трясутся, как вспомню. Я его поднимаю, а сама думаю – а вдруг сейчас что-то сломается на глазах у всех? Останется только пойти и со скалы броситься от позора.

– Глупости, – хмыкнул Палек. – Ну, сломалось бы. Ты-то при чем? Особенно после того, как его вертолет хвостиком пощелкал. Но ты все равно молодчина.

Он повернул оба кресла так, чтобы оказаться с девушкой лицом к лицу, и Цукка увидела, что ее лицо цветом мало отличается от волос.

– Ты у меня умница и красавица, – тихо сказал Палек. Он наклонился вперед и, взяв лицо Кансы в ладони, крепко поцеловал ее в губы.

Дальше Цукка подглядывать не стала. Даже в отношении Лики это невежливо. Особенно в отношении Лики. Интересно, что бы сейчас увидела в нем Яна? Она осторожно прикрыла дверь, на цыпочках отошла от нее на несколько шагов и отправилась дальше разыскивать Вана. Нужно окончательно утрясти с ним вопрос ее сегодняшней ночевки. А вдруг у них не найдется запасного спальника?

19.03.858, земледень. Крестоцин

– Вечер, Оса.

Начальник службы безопасности «Тёбицы» угрюмо кивнул, не поднимая взгляда.

– Вечер, Фухай, – буркнул он. – Опаздываешь.

– Запарка на работе, – пожал плечами контрразведчик, присаживаясь. – По Горагии работаем, сам понимаешь. Оканака сама на ушах стоит и нас подстегивает, все шпионов выискивают. Чем дальше, тем больший бардак. Я не я, если в Сэтате в ближайшее время заварушка не начнется. Принес?

– Прими с благодарностью, – Оса толкнул по столу конверт, немедленно исчезнувший во внутреннем кармане пиджака Фухая. Его скучающий тон решительно не соответствовал употребленной формуле вежливости. – Что с Ассамблеей?

– Будет вам закон о снижении акцизов, – тот бесцеремонно налил себе вина из стоящей перед Осой бутылки, даже для приличия не осведомившись о разрешении. – Удачно вы деньги вложили. Прогрессисты проголосуют за проект.

– Откуда... – вскинулся было Оса, но Фухай безразлично помахал ладонью перед лицом.

– Знаю, разумеется, – лениво сообщил он. – Должность у меня такая, забыл? Расслабься, дальше нас не уйдет. Ну что? Доволен?

– Главный директор наверняка обрадуется, – сумрачно откликнулся директор по безопасности. – За вино заплачено, можешь забрать всю бутылку.

Он поднялся из-за столика.

– Погоди, Оса, – остановил его контрразведчик. – Теперь у меня вопрос имеется. Консультация нужна. По чоки.

– Да? – настороженно повернулся к нему тот.

– Да ты сядь! – поморщился Фухай. – Скажи, эти ваши чоки – они насколько умны? У нас секретарши всякие как пробки тупые. Но, говорят, делают и поумнее. А?

– Разных делают, – задумчиво произнес Оса, оставаясь, однако, стоять. – Массовая продукция интеллектом не блещет. Незачем. Не любят потребители, когда слуги умнее их оказываются, да и вычислительная база систему удорожает. Но отдельные партии выпускают с достаточно серьезными мозгами – на заказ, например, для университетов, лабораторий. Хотя чаще, конечно, умных искинов в такое шасси не засовывают, необходимости нет. Им и простые пластиковые коробки годятся, на колесиках как максимум, если подвижность нужна.

– Понятно... – Фухай побарабанил пальцами по подбородку. – А можно сделать чоки, от человека неотличимого? Полностью неотличимого, ни по виду, ни по разговору, ни по движениям?

– Не проблема, – пожал плечами директор по безопасности. – За последние десять лет технологию вылизали почти до блеска. Для опытного взгляда характерные шаблоны в дви-

жениях заметны, но не слишком. В основном пока что с бегом проблемы остались, но при неспешном шаге от человека не отличить.

– А драться чоки научить можно? Так, чтобы с человеком мог врукопашную схватиться на равных?

– Фухай, – Оса внимательно глянул на контрразведчика, – ты бы туман на меня не навёл. Спроси явно, что ты понять хочешь, а не ходи кругами.

– И все-таки – можно? – не отступил тот.

Директор по безопасности повернул стул и уселся на него верхом, оперевшись локтями о спинку.

– Ты наверняка осведомлен, что все программы создания боевых чоки свернули пять-шесть лет назад. Глупость несусветная – стоили дороже танка, надежность – как у микроскопа, которым в футбол играют, а уязвимость выше, чем у ребенка в детском саду. Даже удовлетворительной проходимости не смогли добиться ни по топким грунтам, ни по бурелому. Это я про боевых роботов говорю, у которых со слугами, кроме двух ног, почти ничего общего. А научить обычного чоки драться... Программа защиты хозяина в них встраивается стандартно, обездвигать нападающего при определенном везении чоки сможет, но только простого человека, без рукопашной подготовки. Подвижность не та и реакция замедленная. И все-таки – почему ты спрашиваешь?

Контрразведчик поколебался.

– Ладно, спрошу прямо, – наконец сказал он. – Смежники из внешней разведки поделились, а начальство попросило у тебя выяснить, как у знающего человека...

– Начальство? – вскинулся Оса.

– Конечно, начальство, – снова поморщился Фухай. – Думаешь, я по своей инициативе тебе данные сливаю? Да я три четверти твоего конверта туда, – он показал глазами вверх, – отдаю. В общем, не дергайся и слушай. Неделю назад в Граше странная история случилась. Есть там такой небольшой городок на границе с западными джунглями, Кайган называется.

– Помню такой, – кивнул Оса. – Когда я в Службе работал, он у нас в особо важных объектах числился. Не весь, конечно, а усадьба Дракона. Одна из публичных штаб-квартир Оранжевого клана. Серьезный клан, армия на полтысячи стволов, годовой транзит товара в то время – миллиардов на тридцать, если все статьи вместе сложить и в маеры пересчитать. Сейчас, может, и больше. Наш резидент там до сих пор?.. Прости, не спрашиваю. В общем, помню. А что?

– Убили там Голову Оранжевого клана. Убили публично, в ресторане. Пришла девка, по виду – типичная блондинка-северянка из ЧК, голыми руками свернула шею здоровым телохранителям, вырвала сердце Голове – буквально вырвала, ребра разворотив – и спокойно ушла. Вслух высказалась в том духе, что не следует лезть на чужую территорию.

– Ну и? У вас с тем Головой какие-то завязки имелись? Случайно, не он вашим резидентом был?

– Шуточки шутишь... – проворчал Фухай. – Девке по ходу дела длинный нож в брюхо воткнули по самую рукоятку. Три официанта своими глазами видели. А она даже внимания не обратила. Потом его из себя вытащила – без единой капли крови! – и пришила им к стенке еще одного бандита. Вот я тебя и спрашиваю – можно сделать чоки, чтобы он так сработать мог и при том всю дорогу за человека сходить?

– Нет, разумеется, – покачал головой Оса. – Чушь какая-то из киношки про мадамукир. Пришла баба, голыми руками вырвала сердце и смылась...

– Сторонние свидетели остались, – напомнил контрразведчик. – Трое. И еще Старший Коготь клана присутствовал, хотя его уделали так, что на носилках из ресторана уволокли.

– Да тамошние аборигены по интеллекту от обезьян недалеко ушли, – скривился директор по безопасности «Тёбицы», вставая. – Даже наши серийные чоки их в десять раз умнее.

Тоже мне, свидетели... Что глазами не увидели, потом сами придумали. Извини, Фухай, мне пора.

Кивнув, он вышел из кабинета ресторанчика и вышел на улицу. Когда он садился в машину, на его лице сохранялось угрюмо-скупающее выражение, но сердце бешено билось. Восемь лет он пытался понять, что же случилось тогда в его кабинете. Восемь лет ушло на бесплодные попытки выйти на след Бикаты и таинственной чоки Калайи. Восемь лет подкупа и шпионажа за Фондом перспективных исследований, потраченных абсолютно впустую. Но у него связаны руки. Он – законопослушный гражданин Катонии... ну, почти, а потому ограничен в своих методах.

А теперь – теперь у него появился могучий потенциальный союзник. Вероятно, люди Дракона с интересом выслушают его рассказ об истории с невероятной чоки у него в кабинете. И с не меньшим интересом узнают, что у него в руках все-таки остались кое-какие ниточки. Осталась малость – понять, как с ними связаться. Одно дело – работать через длинную цепочку посредников, и совсем другое – встретиться лицом к лицу. Хм... а ведь он, похоже, знает, кого можно использовать для наведения мостика.

Одной рукой он вытащил пелефон и по памяти набрал код.

– Это я, – сказал он без предисловий. – Узнал? Сегодня в девять на обычном месте. Да мне плевать, что у тебя запланировано! Если хочешь и дальше вести со мной дела, явишься точно в срок. Нет – пеняй на себя.

Он сбросил вызов. Когда он убрал пелефон обратно в карман, его губы искривила злая улыбка. Как все же полезно иметь разнообразные знакомства!

21.03.858, небодень. Оканака, штаб-квартира национального телеканала «Планета»

– ...можешь ли ты, господин, привести конкретные факты, которые власти скрывают от широкой общественности?

Вай Краамс с трудом удержался, чтобы не зевнуть прямо в камеру. Он незаметно бросил взгляд на настенные часы. Еще три минуты. Нет, пора завязывать с прямыми эфирами – на записи, по крайней мере, можно перерыв сделать.

– Разумеется! – искатель инопланетян воинственно выпятил скудную бородку. – Широко известный пример – Лесная Долина. Скальные породы, оплавленные огнем дюз инопланетных кораблей, там обнаружили еще полвека назад! Однако власти...

– погоди, господин Оавата, – невежливо перебил его журналист. – Лесная Долина – это где?

– На севере Сахарных гор, – терпеливо, как умственно отсталому, объяснил ему иска- тель. – В Четырех Княжествах.

– Ты же только что говорил о властях Катонии?

– Да какая разница! – нетерпеливо отмахнулся Оавата. – Все они в сговоре. Так вот, там уже полвека назад обнаружили оплавленные скальные породы, которые нельзя объяснить иначе, чем посадкой инопланетного корабля. Даже не посадкой, а посадками – оплавленные площади очень велики, что неоднократно зафиксировано съемками независимых исследова- телей...

– Да ни при чем здесь инопланетяне! – не выдержал сидящий напротив представитель- но выглядящий мужчина в больших очках и с благородной сединой в волосах. – Там обнаружена глубокая оплавленная воронка! Какая еще посадка в воронку?

– А что мы знаем об инопланетной технике, господин Хампака? – возмутился иска- тель. – Может, у них корабли были величиной с полгорода! Может, они именно так и сажались, воронки после себя оставляя! Или ты хочешь сказать, что там тоже поработали забытые цивили- зации древности?

– Вне всякого сомнения, – важно кивнул Хампака. – С учетом того, что археологические экспедиции находили в тех краях остатки селений и домов, слишком хорошо распланированных для обитавших в районе Ручейницы диких скотоводческих племен, остатки артефактов, даже тайники с огнестрельным оружием необычной конструкции, свидетельствующие...

– Вот-вот! – подхватил Оавата. – Слишком хорошо распланированных! Слишком необычной конструкции! Это – типичные следы влияния инопланетян на первобытное общество...

– Чушь! – рявкнул сторонник древних цивилизаций, мгновенно теряя свою представительность и становясь похожим на взъерошенную ворону. – Приплетать сюда инопланетян – профанация, только компрометирующая серьезные исследования, ведущиеся энтузиастами науки...

– Господа! – вклинулся Вай. – К сожалению, время нашей передачи подошло к концу. Надеюсь, наши зрители с большим удовольствием узнали об альтернативных точках зрения на проблемы, само существование которых с таким упорством отрицает современная наука. А теперь пора прощаться. С вами был Вай Краамс, передача «Все, что вы хотите знать». До новых встреч, дорогие мои зрители!

Еще пару секунд он, скалясь, пялился в камеру, пока на той не потухла лампочка активности. Когда, наконец, оператор, подняв на лоб контроль-панель, ткнул в пол указательными пальцами, Вай поднялся с кресла и, сдирая с себя микрофон, вяло пошел к выходу из студии.

– Да какие там энтузиасты! – горячо говорил за его спиной искатель чужих, не замечая, что передача завершилась. – Вас ни один университет не поддерживает! И правильно делает – у вас не наука, а шарлатанство какое-то!..

– Шеф просил зайти, – проинформировал Вая стоящий у двери ассистент. – Срочно. Кажется, он не в духе.

– Сейчас зайду, – покорно согласился журналист, всовывая ему в руку микрофон. Он чувствовал себя разбитым и усталым. – Положи на место, будь другом.

Постепенно разгоняясь, он спустился на этаж ниже, прошел через огромный заполненный людьми зал, разбитый перегородками на отсеки, и без стука вошел в кабинет директора отдела информационных программ.

– Звал? – хмуро осведомился он.

– Звал, – согласился Косуй, отрываясь от дисплея. – Садись, что ли. Поговорить надо.

Вай плюхнулся в кресло и уставился в пол. Причина его дурного настроения объяснялась просто: сегодня утром во время бритья он обнаружил на левом виске седой волос. Сначала он почти не обратил на него внимания, но чем дальше, тем больше в голове крутились мысли о надвигающейся старости. О, разумеется, до нее еще долго – десять лет, пятнадцать, даже двадцать. Но все же первые ее солдаты уже начали штурм его бастионов...

– Я смотрел твой сегодняшний эфир, – мягко сказал Косуй. – Вай, я разочарован. Ты можешь такие вещи в десять раз веселее обставлять. Что с тобой случилось? Заболел?

– Все в порядке, – сухо ответил журналист. – Какой контингент, такое и шоу. Я и не рассчитывал, что они морду друг другу бить начнут.

– Допустим, – не стал спорить шеф. – Но я тебе давно хотел сказать, что в последнее время в твоих представлениях не хватает... – Он пощелкал пальцами в воздухе. – Искры какой-то не хватает, что ли. Да, вполне профессионально, материал на уровне, аудитория не жалуется – пока. Но рейтинги потихоньку падают. И запала в тебе прежнего не видно. Нет, ты мне все-таки скажи – с тобой все в порядке? Может, в отпуск давно не ходил? Смотайся недельки на три-четыре куда-нибудь на тихий курорт, передохни, расслабься. Вернешься – и с новыми силами за работу. А?

– Я подумаю, – нехотя кивнул Вай. Подобные рекомендации шефа, как он прекрасно знал, имели силу приказа, и не подчиняться – себе дороже. Он вытянул длинные ноги, закинул руки за голову и сладко потянулся.

– Надоело все, Коси, – пожаловался он. – Просто надоело. Из раза в раз одно и то же. Астрологи, искатели чужих, бесталанные поп-звездочки, мистики, чтецы будущего, религиозные пророки... Коси, мне уже сорок семь! Скоро полтинник разменяю. А чего я в жизни достиг? Славы хама и скандалиста?

– Это действительно только усталость, Вай? Или всерьез подумываешь чем-то более серьезным заняться? – остро глянул на него директор отдела. – Не вопрос. Если хочешь к политике вернуться, нам новые бойцы как раз нужны. Я тебе по секрету скажу – только чтобы дальше пока ни-ни – с Сэтатой, похоже, на сей раз серьезно дело обстоит. Зерапон потихоньку закипает, и совсем не так, как раньше. Есть у меня чувство, что в следующий раз они не один самолет пришлют, а как бы сразу не танковую армию. Да и княжичи недовольство демонстрировать начали. Хочешь, командировку в Басуэ организуем? Поживешь в тихом захолустье, подышишь горным воздухом, расслабишься, а заодно материал пособираешь. А если вдруг рванет, окажешься нашим специальным корреспондентом. А?

– Басуэ – оно здорово, – пробормотал Вай. – Может, и съезжу. На следующую неделю у меня расписание уже составлено, но дальше – подумаю. Все?

– Все, – согласился шеф. – Можешь идти.

Кивнув, Вай выбрался из кресла и вышел. Пробираясь по узким лабиринтам студийных проходов и уворачиваясь от встречных, он чувствовал странную апатию. Разговор с шефом заставил его встревожиться. «Отсутствие искры» являлось у Косуя одним из самых неприятных выражений. Несколько подобных предупреждений – и с работы можно вылететь, никакие былые заслуги не спасут. Впрочем, все равно. Он и сам уже не первый период подумывает об уходе, и если бы понимал, чем можно заняться, давно бы свалил. Даже если и уволят, серьезных долгов у него нет, денег скоплено достаточно, чтобы полным бездельником прожить пару лет даже в дорожной Оканаке, а в родной Масарии – и все пять, а там видно будет. Басуэ? Что делать в нищей «столице» безнадежно-захолустной Сэтаты? Смертная скука. Разве что действительно Зерапон наконец-то решится навести порядок... Впрочем, возможно, Косуй прав, и именно такая скука ему сейчас и нужна, чтобы расслабиться и отдохнуть. Надо обдумать.

В своем отдельном кабинете – привилегия звезды – он уселся в кресло и расслабился, бездумно глядя перед собой. Внезапно он встрепенулся. Пакет! Пакет, что пришел от Эхиры сегодня утром! Когда он в последний раз работал по ее наводке? Три года назад, четыре? Все-таки тонкая политическая интрига с полунамеками и многозначительными физиономиями – не его область, он человек простой и прямой. Но материал она всегда подсовывала первоклассный. Конечно, она совершенно не скрывала, что использует его как таран в каких-то своих играх, но он и не возражал. Честный обмен: ему рейтинг и всенародная популярность, ей – чего она там добивалась. И если она опять хочет привлечь его к подковерным интрижкам, он, пожалуй, совсем не станет возражать и на сей раз...

Он открыл ящик стола и вытащил из него пухлый пакет из плотного желтого пластика. Сорвав клапан, он извлек из него плоскую темную читалку без опознавательных знаков. Недоуменно осмотрев ее со всех сторон, он, наконец, обнаружил едва заметно светящийся силуэт большого пальца. Положив коробочку на стол, он приложил палец к силуэту, и в тот же момент в комнате зазвучал тихий голос Эхиры.

– Вай, говорит Эхира Марга. Прости, что запись без картинки, но мое лицо, надеюсь, ты помнишь и так. Перед тобой – досье с материалами, которые ты наверняка оценишь. Сразу предупреждаю – документы не подлежат копированию ни в каком виде. К книге невозможно подключить внешние устройства, и она немедленно самоуничтожится при попытке вскрыть корпус. Она также способна обнаружить направленную на нее камеру или микрофон и не ста-

нет функционировать под запись. Содержащиеся в ней материалы настолько секретны, что во всей Катонии доступ к ним имеет не более трех-четырёх десятков персон, и практически все они – высшие чиновники Министерства общественной безопасности, Министерства обороны и Управления делами Президента. Материалы защищены не от тебя, а от посторонних, причину такой секретности поймешь и сам, просмотрев досье. Они связаны... с тем, во что ты в свое время так удачно вляпался в Масарии. Ты не сможешь использовать материалы в своих шоу, потому что не сумеешь сослаться на источник, но, я полагаю, ты должен четко понимать подоплеку происходящего. Иначе есть шанс, что ты наступишь на такие больные мозоли, что твой язык кое-кому захочется укоротить. А это окажется весьма печальным. Ты прохвост, жулик, пронира и скандалист, но именно таким ты мне и нравишься, так что постарайся не влипнуть по глупости.

Невидимая, Эхира тяжело вздохнула.

– Вай, пока я не могу встретиться с тобой по веским личным причинам. Уведоми меня, когда все подготовишь. Сейчас же я хочу передать следующее: известная тебе персона, бывший владелец отеля «Маронова роща», доверил мне самой выбрать момент, когда тебе можно позволить реализовать твою мечту. В свое время он пообещал тебе, что однажды ты сумеешь сделать передачу, ради которой пришел в его дом. Ты долго копил материалы, и теперь время настало. Помимо досье в компьютере содержатся практические советы о том, как добиться максимально полного эффекта, но я доверяю тебе как профессионалу. Можешь оставить фильм в том виде, в каком он сделан, или подкорректировать нужным образом. Поступай так, как захочется, всю ответственность за последствия я беру на себя. Еще там приложено немного сведений, которые сами по себе в некотором смысле ничуть не хуже бомбы. Уверена, тебе они пригодятся – скандал выйдет такой, что небеса вздрогнут. Вряд ли слабее, чем в сорок третьем. Удачи, Вай. Надеюсь, твой звездный час окажется действительно звездным.

Щелкнуло, и на столе засветилась примитивная проекционная клавиатура: стандартные кнопки перемотки и навигации, ничего больше. Над книгой замерцал небольшой, не более двадцати сантиметров в диагонали, угольно-черный куб дисплея. Щелкнуло еще раз, и на темном фоне всплыли два знака старотролличьего письма, обрамленные ровными строками современных буквослогов. Вай знал, как такие знаки читаются – за последние пятнадцать лет он не раз воспроизводил в уме их угловато-надменные формы, тщетно пытаясь догадаться, что же под ними скрывается.

«Министерство общественной безопасности Республики Катония. Досье 000/000/000 «Камигами», – гласил текст. – «Заведено: 09.15.817. Допуск только с личной санкции Главного директора Службы общественной безопасности. Список допущенных: см. приложение 1. Полный список фигурантов: см. приложение 2. Перекрестные связи с другими делами: не устанавливаются в силу особых требований к безопасности».

Вай смотрел на строчки светящихся буквослогов, и его сердце мало-помалу начинало биться все сильнее. Досье «Камигами» – давнее пугало, наводящее ледяной страх на осведомленных о его содержании. Пугало и одновременно старый пиратский клад, скрывающий в себе несметные сокровища. Эхира никогда не отличалась склонностью к излишнему драматизму, и если она предупреждает о смертельной опасности, значит, клад стоит как минимум своего сундука.

Он стукнул пальцем по кнопке продолжения, нарисованной светом на столешнице. Титульный текст растаял, но вместо новой страницы на угольно-черном фоне внезапно замерцал весело оскаленный череп.

– Здесь Камилл, известный вам также как Скорпион. Я понимаю, что спецслужбы тихо сидеть не умеют, такое противно их природе, – заговорил уверенный мужской голос, в котором отчетливо проскакивали металлические нотки. – Как вас ни осаживай, все равно продолжите совать нос в дела, которые вас не касаются, и путаться под ногами. С момента создания

СОБ я отбивался от ваших ретивых ищеек, но сейчас вы меня окончательно достали. Похоже, настало время либо показательно сворачивать шеи, либо искать какие-то пути держать вас в узде. Поскольку некоторые мои коллеги по рабочей группе, в отличие от меня, не слишком одобрительно относятся к массовым истреблениям, а я их мнение ценю, попробуем провести эксперимент в рамках альтернативной стратегии. Я разрешаю собирать ограниченный набор материалов о нашей деятельности на вашей забавной планете, но только в этом досье. Остальные досье, и бумажные, и электронные, я уничтожил, за попытки их восстанавливать стану больно бить по рукам, а то и по голове, так что советую поостеречься. Поскольку вы не понимаете, что происходит, и не должны понимать, материалы вашего досье контролируются и удаляются без предупреждения. Не пытайтесь восстанавливать удаленное – последуют санкции.

Голос сделал небольшую паузу.

– Дополнительное предупреждение. Да, мы пришли извне. Мы не обладаем телами в вашем понимании. Вы не в состоянии причинить нам хотя бы минимальный вред с применением даже самого мощного вашего оружия, а все, что вы способны увидеть – солнечные зайчики на песке, созданные специально для общения с вами. Мы неуязвимы для вас – зато мы вполне в состоянии причинить вред вам. Персоны, фигурирующие в досье в качестве наших друзей и агентов, находятся под нашими покровительством и защитой, причем не всегда явно демонстрируемыми. Любые попытки причинить им вред в любой форме приведут к катастрофическим для вас последствиям. Мы пройдем по всей цепочке – от исполнителей до авторов гениально-идиотской идеи – и вышибем мозги всем, кто хоть как-то причастен к такой попытке. Сверх того Главный директор СОБ всегда несет персональную ответственность, чтобы лучше следил за слишком шустрыми подчиненными. Запомните: вы не нужны нам ни в качестве рабов, ни в качестве слуг, и наши долгосрочные цели находятся за пределами вашего понимания. Они никак вас не касаются, так что повода для конфликта нет. Я не требую от вас ничего, кроме одного – держаться как можно дальше. Вы играете в своей песочнице, мы играем в своей, и никто не пострадает. Конец сообщения.

Череп ярко вспыхнул и погас, и в дисплее появилась стандартная титульная форма. Вай тупо пялился на ряды ссылок, не понимая их содержания. «Мы пришли извне»? «Мы не обладаем телами»? С самого начала своей карьеры на телевидении он частенько прибегал к теме инопланетян как к хорошему средству поднять популярность передач в определенной среде. Но чтоб он сдох, если хоть когда-то принимал всерьез побасенки полусумасшедших искателей чужих и сторонников теории искусственного происхождения жизни! Неужели в их словах имелось рациональное зерно? Но тогда... Тогда...

Девианты. Двадцать лет назад, в тридцать девятом, когда первые детишки-телекинетики только начали в щепки разносить дома и превращать окружающих в ошметки окровавленного мяса, теория об инопланетном происхождении эффектора на некоторое время стала весьма популярной. Отдельные шизики доходили до того, что объявляли новооткрытые эффекторы самыми настоящими инопланетянами, вселяющимися в человеческие тела, чтобы паразитировать на них, медленно пожирая изнутри. Но теория так и не нашла никаких подтверждений, так что быстро отодвинулась на задний план и влилась в стройные ряды не менее нелепых и всеми забытых гипотез. Но если сопоставить Карину и Яну Мураций, таинственный отель «Маронова роща», не менее таинственную личность по имени Дзинтон Мураций, которую он видел лишь дважды в жизни, причем один раз мельком... Если вспомнить события сорок третьего года... Да. Похоже, здесь есть о чем задуматься. Но не сейчас. Позже. После того, как он наберет нужный материал для осмысления.

Он наугад ткнул в одну из ссылок.

«Инцидент 23.04.828. Г. Цукэра.

Задействованные персоны:

СОБ: Иванова Такараси [ЛИЧНОЕ ДОСЬЕ НЕДОСТУПНО], Собура Котака [ЛИЧНОЕ ДОСЬЕ НЕДОСТУПНО]

Фигуранты: Дзинка Особари (ч., м.)

Вовлеченные персоны: Хасира Атама (ч., ж.)

Резюме инцидента: Дзинка втайне от жены нарушил условия брачного контракта, вступив в связь с Хасирой. Предпринята попытка вербовки Дзинки в качестве осведомителя. Фатальные последствия в результате вмешательства Хасиры, раскрывшейся как маска Сущности «Стрекоза».

Протокол инцидента:

17.04. Раскрытие внебрачной связи Дзинки. Иванова намечает фигуранта в качестве цели вербовки. Инициирована стандартная проверка.

19.04. Завершение проверки фигуранта. Выдача разрешения на вербовку.

20.04. Первый контакт Ивановы и Собуры с фигурантом. Предъявлены исчерпывающие доказательства нарушения контракта. Фигурант попросил время на размышления. Завершение вербовки отложено до следующего дня.

21.04. Фигурант встретился с Хасирой. Двухчасовая встреча в изолированном гостиничном номере, протокол встречи отсутствует (внезапный выход из строя всего задействованного оборудования). Час спустя фигурант связался с Ивановой и сообщил об отказе от сотрудничества. Тем же вечером Хасира вошла в контакт с Ивановой, нанеся ему легкие физические повреждения и продемонстрировав высокую физическую силу. Предупредив о том, чтобы ее и любовника оставили в покое под угрозой серьезных последствий, бесследно скрылась. Хасира объявлена в негласный розыск.

22.04. Собура предпринял попытку переслать официальной жене фигуранта пакет доказательств нарушения контракта. В соответствии с неverified данными косвенных наблюдений ни одна из трех попыток успехом не увенчалась: сообщения необъяснимым образом исчезали в системе коммуникаций сервис-провайдера.

23.04. Иванова и Собура в течение всего дня не появлялись на рабочих местах и не отвечали на вызовы по личным телефонам. Оба обнаружены в своих квартирах в невменяемом состоянии. Медицинское обследование позволяет предположить сильный эмоциональный шок, вызванный неустановленными причинами. {Дополнительное примечание [03.07.828]: в ходе лечения в закрытой психиатрической лечебнице г. Цукэры оба пострадавших упоминали сводящие с ума кошмары, явившиеся им наяву. Суть кошмаров уточнить не удалось, оба отказывались вдаваться в детали. Данные первичного медицинского осмотра свидетельствуют о наличии на их телах незначительных повреждений – царапин и укусов, возможно, нанесенных животными наподобие крупных кошачьих (точная видовая принадлежность не установлена). Настойчивые расспросы временно вводили обоих в состояние, близкое к кататонии. По категоричному требованию лечащего врача дальнейшее общение временно прекращено до ликвидации эффекта психологического шока.}

24.04. По личному указанию Главного Директора СОБ дело закрыто, рабочие материалы и архивные копии безвозвратно уничтожены. Негласный розыск Хасиры прекращен.

{[Комментарий: Майя] Мальчики, раньше мне казалось, что именно в Катонии понимают слово «вежливость». Похоже, я ошибалась – ваших сотрудников вежливыми назвать никак нельзя. Я их по-хорошему предупредила, но раз не вняли – пусть пеняют на себя. Не волнуйтесь, оправятся рано или поздно.}»

Вай задумчиво хмыкнул. Мужика подловили на адюльтере, случается. Тридцать лет назад к брачным контрактам относились серьезнее, так что нарушением супружеской верности и в самом деле удавалось шантажировать. А сегодня попробуй-ка – на смех подымут или чокнутым посчитают! Но показательно. Значит, фигурирующая в деле Сущность, изображавшая красавицу (вероятно) девицу, решила развлечься с понравившимся мужичком и набила морду

тем, кто попытался его поймать на горячем. Мелковато как-то для могучих инопланетянок – любовные интрижки крутить и самолично морды бить, но кто их знает? Может, на их родной планете мужики как на подбор уроды. Кстати, они же бесплотные, если верить заявлению загадочного Камилла! Как же они трахаются?

Он полистал список дальше. «Визагон»? А они-то какое отношение имеют к чужим? «Инцидент 08.07.843. Г. Оканака (пригородный автономный анклав «Тихая долина»).

Вовлеченные персоны:

Корпорация «Визагон»: главный директор Оцуба Канасий (ч., м.), директор по безопасности Смил Вагений (ч., м.), первый заместитель директора по безопасности Фуками Сура (ч., м.)

Фигуранты: Секретарь (личность не установлена, использовалось имя Косома, ч., м.), Полевка (личность не установлена, использовалось имя Бойра, ч., ж.)

Независимые персоны: Джок Футотта (ч., м.), Кумер Тапара (ч., м.), Симон Кудасай (ч., м.)

Секретный сотрудник СОБ в «Визагоне»: Воробей [ЛИЧНОЕ ДОСЬЕ НЕДОСТУПНО]
Резюме инцидента: несостоявшаяся попытка похищения Полевки

Протокол инцидента:

04.04. Директор Смил получает от информатора предварительную информацию о лаборатории по производству чоки на территории частного владения «Сирогицунэ» в г. Дзитэра (см. описание). Владение оформлено на подставное лицо, настоящий владелец неизвестен. {Дополнительное примечание [12.09.843]: владение явно идентифицировано как база операций Сущности «Призрак»} {[[Комментарий: Камилл] Ребята, ну вы тупые! Пока вас носом в дерьмо не ткнешь, не разглядите! Последний раз предупреждаю: попробуете еще раз вломиться ко мне в гости незваными, с ордером или без, получите кучку трупов.}

14.04. Директор Смил получает данные наблюдений оперативной группы, косвенно подтверждающие начальную информацию, в частности о систематическом ввозе на территорию «Сирогицунэ» партий характерных материалов и комплектующих. Получены видеозаписи, свидетельствующие о наличии на территории чоки с характеристиками, существенно превосходящими таковые у чоки всех известных производителей. Служба безопасности «Визагона» проводит расследование с целью установить настоящего владельца.

24.04. Директор Смил признает бесплодность попыток получить информацию о хозяине владения, информирует о ситуации главного директора Оцубу. Главный директор приказывает любой ценой получить образец чоки из владения.

01.05. Первый заместитель Смила Фуками наносит личный визит во владение. В соответствии с его устным отчетом (носимая записывающая аппаратура вышла из строя в момент въезда на территорию владения) была проведена беседа с персоной (вероятно, человеком) неопределенного пола и возраста, вежливо, но категорично отказавшей в продаже хотя бы одного из образцов, а также в любом сотрудничестве с корпорацией. На прощание неопознанная персона настоятельно порекомендовала «Визагону» «прекратить действовать им на нервы и немедленно снять наблюдение под угрозой серьезных последствий лично для руководства корпорации». Поскольку в ходе беседы неопознанная персона, по утверждению Фуками, продемонстрировала необычайную осведомленность о внутренних делах компании, прямое наблюдение сняли в тот же день, однако удаленное наблюдение сохранили.

18.05. Служба безопасности «Визагона» подтверждает связь с «Сирогицунэ» пары Секретарь – Полевка. Секретарь (по внешнему виду – мужчина, примерно двадцати пяти лет) постоянно сопровождает Полевку (по внешнему виду – девочка, примерно семи лет). Пара совершает регулярные визиты в город, где Полевка проводит время на детских площадках и в парках развлечений. В промежутках предполагаемого удаления пары за пределы зоны слышимости посторонних зафиксировано использование ребенком нехарактерной для ее возраста

лексики, а также проявление высоких даже для взрослого эрудиции и уровня логического мышления. Информация доведена до сведения главного директора Оцубы.

23.05–01.07. Секретарь и Полевка покидают «Сирогичунэ» и последовательно меняют временные места жительства в пригородах Оканаки. Служба безопасности «Визагона» ведет за ними удаленное наблюдение.

01.07. Секретарь и Полевка останавливаются в съемном доме в автономном анклав «Тихая долина». Девочка активно знакомится с местными детьми, принимает участие в общих развлечениях.

04.07. Главный директор Оцуба отдает директору Смилу приказ о похищении ребенка с целью последующего давления на хозяина владения «Сирогичунэ». Несмотря на активные возражения директора Смилы Оцуба настаивает на своем. Под угрозой немедленного увольнения Смил поручает проработку операции своему первому заместителю Фуками.

06.07. Фуками через посредников входит в контакт с группой наемников (Джок, Кумер, Симон) и дает им задание похитить ребенка, не посвящая в детали.

06.07–07.07. Группа наемников проводит предварительную рекогносцировку местности и проработку вариантов похищения.

08.07 (ночь). Наемники проникают в дом с целью похищения ребенка. Что именно произошло внутри, неизвестно. Достоверно известно, что примерно через пятнадцать минут после вторжения Секретарь и Полевка спешно покинули дом на автомобиле (установлено по журналу службы охраны анклава), после чего исчезли в неизвестном направлении и больше нигде и никогда не были замечены. Через полчаса после этого в дом по вызову с неидентифицированного коммуникатора прибыли полиция и представители службы охраны анклава, обнаружившие всех троих похитителей в бессознательном состоянии. Двое имели травмы средней степени тяжести (сломанные ребра у одного, вывихнутая рука и сотрясение мозга у второго). Поскольку на месте привести их в сознание не удалось, всех троих переправили в реанимационное отделение Второй городской больницы г. Оканаки. Все трое пришли в сознание вечером того же дня и подверглись допросу экстренно вызванного следователя СОБ.

Показания всех троих радикально расходятся. Джок утверждает, что его избивали «пятеро огромных троллей с дубинами». Кумер не смог точно вспомнить происходящее, но несколько раз бессвязно упоминал об оживающих мертвецах (впоследствии данная деталь в его воспоминаниях не фигурировала). Симон заявил, что несколько часов охотился за девочкой по всему дому, но никак не мог ее поймать, постоянно попадая в подстроенные примитивные, но действенные ловушки из подручных средств. Несмотря на предъявленную ему хронологию событий, исключаящую подобное, упорно продолжал стоять на своем.

Вечером того же дня главного директора Оцубу и заместителя Фуками обнаружили мертвыми в своих рабочих кабинетах. Причина смерти не выяснена, официальный диагноз для обоих – острая коронарная недостаточность. Директор Смил не пострадал.

{[Комментарий: Камилл] «Не пострадал» – смотря откуда смотреть. Вряд ли нашу беседу с глазу на глаз он забудет до самой смерти. Поинтересуйтесь на досуге, откуда у него седина в сорок с небольшим. Но поскольку он активно протестовал против похищения, я решил, что пусть живет. Авось еще пригодится. }»

Вай поймал себя на том, что задумчиво грызет стило от терминала. Вот тут уже серьезно. Интересно, почему все-таки «Призрак» прикончил несчастного заместителя, но не тронул директора по безопасности? Уж заместитель-то в любом случае просто выполнял приказ. Или это месть за то, что обратил внимание на «Сирогичунэ»? Он поехал. «Обнаружены мертвыми в своих рабочих кабинетах» – и наверняка никто ничего не слышал. А ведь главный директор «Визагона» – персона, по своему могуществу мало уступающая Глашатаю Ассамблеи. И защищают его соответственно. Значит, инопланетяне способны ликвидировать кого захотят и когда захотят. М-да. Вот и связывайся с ними после такого...

Он вернулся обратно к списку документов. Так... А если вспомнить собственные приключения восьмилетней давности? Он вызвал панель поиска. Ага, вот оно – «Отель «Маронова роща». Рядом знак: символ особой важности. Он открыл документ.

«Отель «Маронова роща». Расположение: г. Масария, ул. Подгорная, 74. Внимание! Запрещена любая активность, связанная с данной локацией и любыми ее резидентами и визитерами, как постоянными, так и эпизодическими.

План местности и поэтажные планы здания: приложены.

Дополнительные обстоятельства: отель не функционирует, используется владельцем в качестве частного жилья. Расположен на удалении от основного жилого массива, окружен большой заброшенной рощей. Окрестности практически никогда не посещаются местными жителями в силу странных предубеждений, шум эффективно подавляется растительностью. Асфальтированная дорога подходит к главным воротам. Имеются несколько удобных пеших путей по грунтовым тропинкам, проходящим через рощу, а также дополнительный спуск в город по бетонной лестнице вдоль обрыва.

Особые пометки: одна из баз операций Сущности «Соловей». Текущий зарегистрированный владелец: «Фонд поддержки талантов». Предыдущий зарегистрированный владелец: Дзинтон Мураций (один из установленных псевдонимов Сущности «Соловей», см. приложение 1). Впервые статус запретной зоны установлен в шестом периоде 843 г. (см. описание связанного инцидента от 10.06.843). Статус запретной зоны формально подтвержден Главным директором СОБ 16.06.843.

Список постоянных резидентов (верен на 07.01.858): Саматта Касарий (см. приложение 2), Цукка Касарий (см. приложение 2), Яна Мураций (см. приложение 2).

Список полупостоянных резидентов (верен на 07.01.858): Карина Мураций (см. приложение 2), Палек Мураций (см. приложение 2), Эхира Марга (см. приложение 4).

Протокол посещений визитерами: не ведется.

Дополнительные комментарии: наличествует автоматическая охранная система с неопределенными возможностями, построенная на неопределенных технологиях. С высокой долей вероятности любое проникновение на территорию без явного разрешения или попустительства хозяев невозможно (см. описание связанного инцидента от 06.06.843). Отслеживаются любые попытки наблюдения, включая спутниковое, что обычно ведет к отключению или необратимому выходу оборудования из строя.

Список связанных инцидентов: ...»

Журналист откинулся на спинку кресла и задумался. Оказывается, не зря предупреждал его в свое время чуткий Тодзи. Отель, в который он беспечно поперся с дурацкими усами в качестве маскировки, – место, куда бояться сунуться даже всемогущие собы! Но главное – тот самый Дзинтон Мураций, с которым он запросто пообщался во время своего визита, самый натуральный инопланетянин! Вот, значит, в какую сторону пошла распутываться ниточка, за кончик которой он ухватился в Институте человека! Стоп. Думать станем потом. Не сейчас. Хватит выдергивать клочки из ваты, нужно читать с самого начала и укладывать материал в голову по системе, которую еще следует придумать. Интересно, означает ли запрет на копирование еще и запрет на ведение собственных заметок?

Что-то крутилось в голове, нечто важное. Что-то, что Эхира сказала в самом начале. А! Что-то про дополнительные приложенные материалы. Он поднялся на уровень выше. Действительно, еще папки. Тут что? Сценарий? Подождет. А вот какое отношение блистательный господин Ясупика и партия «нормальных» в целом имеет к инопланетянам? Ну-ка...

Он открыл документ и несколько минут внимательно вчитывался в текст. Чем дальше, тем сильнее округлялись его глаза. В конце концов Вай откинулся в кресле и громко заржал, до слез и колик в животе. Да, Эхира, как всегда, права. Бомба. Такой скандал, рядом с кото-

рым может померкнуть даже политический кризис сорок третьего! Правда, потребуются доказательства, но они уже не проблема.

Он протянул руку и включил настольный коммуникатор. Дисплей книги немедленно погас, но Вай не обратил на него внимания. Он набрал внутренний код директора службы поддержки.

– Цутама, – быстро сказал он, как только физиономия того появилась в дисплее. – Мне нужно срочно связаться с неким господином Ясупикой Токай. Ага, именно с главой фракции «нормальных». Да мне плевать на пресс-службу Ассамблеи, они и у озера пить не подадут! Найди обходные пути, ты умеешь. Да, только личный конфиденциальный контакт. Наплети ему, что хочешь. Например, что я намерен устроить шоу на тему всемирного заговора девиантов, и только он может в полной мере раскрыть детали. Да знаю я, какая у меня репутация – его самого ни в один приличный дом не пускают! Нет, не твое дело его убеждать – просто добейся встречи. Не обязательно завтра, но лучше побыстрее. Спасибо, я знаю, что ты настоящий друг!

Он отключился и несколько секунд задумчиво смотрел в потолок. Потом снова включил терминал и вызвал справочник кодов связи. Наверно, можно начать с раздела «Оборудование – Медицина»...

23.03.858, огнедень. Грашград

Маленького лысоватого восточника, обильно потевшего в знойном сухом грашградском воздухе, Малихан презирал. Он вообще презирал всех, кто не относился к его клану, но заморских контрабандистов – в особенности. О чести они не имели вообще никакого понятия, заботили их только деньги. Они боялись своего жалкого правительства, своей беспомощной полиции, хитрили, юлили и лгали – в том числе лгали Дракону. А Дракон такого не прощал. Пока еще не пришло время избавиться от посредников, так что без контрабандистов не обойтись. Но с новым Головой его клан станет достаточно сильным и на изнеженном Восточном континенте. Настолько сильным, чтобы взять свои дела в собственные руки и раз и навсегда избавиться от достойных лишь презрения навозных червей.

– Медная катанка, древесина суги, гвоздичный перец, чоки-слуги – все? И больше вы ничего не можете предложить в следующем периоде? – холодно осведомился он, продолжая изучать текущий под террасой Кронг. В городской черте могучая река казалась скорее коричневой от всяческой грязи, но блистала под полуденными солнечными лучами не хуже алмазов.

– Приборы ночного видения! – склонившись к нему поближе, доверительно прошептал контрабандист. – Секретные! Армейские приборы, используются только в спецчастях. Категорически запрещены к вывозу из Катонии и к продаже гражданским лицам. Мы готовы поставить партию до пятидесяти штук, четыреста тысяч вербов за каждый или же восемнадцать миллионов, если момбацу сан согласится взять партию целиком.

Малихан повернул голову и уставился на контрабандиста долгим немигающим взглядом. Тот заметно занервничал и заерзал на месте. Потом схватил свой стакан с сэйрэ и опорожнил его одним махом. Глаза его забегали.

– Но ведь вывозить такие вещи из страны очень опасно, – пробормотал он. – Нас могут даже обвинить в государственной измене...

Малихан продолжал смотреть на него, и тот, нервно потеряв стакан, резко выдохнул:

– Ладно. Пятнадцать миллионов за всю партию. Последняя цена.

Голос Дракона кивнул.

– Три тонны перца, сто двадцать стволов суги первой категории, пятнадцать тонн меди, тридцать чоки-служанок с женской функциональностью, пятьдесят приборов ночного видения, – монотонно перечислил он. – Деньги вам передадут как обычно. Когда и на каком корабле?

– «Дзинсока» выходит из Крестоцина одиннадцатого числа, – быстро сказал контрабандист. – По дороге он должен разгрузиться в нескольких портах ЧК, восемнадцатого прибудет в Тассар, если его ничто не задержит.

– Хорошо, – безразлично кивнул гулан. – Мы договорились.

Он бросил на стол смятую купюру и поднялся.

– Господин! – вскинулся контрабандист. Малихан снова обратил на него немигающий взгляд. – Господин! Есть еще один вопрос... одна проблема. Очень важно. Могу я занять еще минуту твоего времени?

– Слушаю, – Малихан постарался не допустить в голосе ни одной недовольной нотки.

– Господин, – заторопился контрабандист, – в Крестоцине есть человек... большой человек!.. он очень хочет поговорить с Головой Дракона твоего клана. У него есть очень важная новость, которую он хочет обсудить лично.

– Голова Дракона не поедет на восток, – дернул уголком рта гулан.

– Человек из Крестоцина готов приехать сам, – судорожно кивнул катониец. – Он просил передать, что у него... что у вас с ним есть общий враг. Он хочет мести, и он знает, что вы хотите того же!

– Откуда же он знает, чего именно хочет Дракон? – прищурился Малихан. – И почему он решил, что нам есть дело до *его* врагов?

– Я не знаю, момбацу сан, – развел руками контрабандист. – Он просто приказал мне передать, что знает, как отомстить женщине с белыми волосами.

Малихан склонился над ним и железной рукой неторопливо вытащил его из-за стола, не обращая внимания на испуганно заоглядывавшихся на него посетителей киссатэна. Другой рукой он медленно, с холодящим душу шипением стали извлек из ножен на поясе кинжал и приставил его к подбородку катонийца.

– Повтори, что ты сказал, – ровным голосом произнес он, с удовлетворением наблюдая, как панический ужас разрастается во взгляде восточника.

– Момбацу сан! – застонал тот. – Я всего лишь передаю его слова! Я не понимаю, что они означают! Он сказал, что знает, как отомстить женщине с белыми волосами, и все!

Голос Дракона отпустил контрабандиста и так же неторопливо вдвинул кинжал в ножны.

– Я передам твои слова Голове, – в его голосе лязгнул металл. – Если момбацу сана Шая заинтересует предложение, ты получишь код для связи, который перешлешь своему... большому человеку. И передай ему, что если он попытается предать нас или использовать нас в своих целях, то крупно пожалеет. Дракон очень не любит, когда его пытаются подставить. И не забудь про остальные договоренности.

Быстрым мягким кошачьим шагом он вышел из киссатэна, и рухнувший на стул контрабандист с облегчением вытер со лба обильный пот. В очередной раз он поклялся, что на сей раз точно завяжет всякое общение с высокопарными, но от того не менее хладнокровными и жестокими убийцами. В один прекрасный день с них станется и в самом деле перерезать ему глотку прямо на людях. Но сейчас главное, что он выполнил задание. Насколько он знает Дракона, код для связи он получит не позже сегодняшнего вечера.

Блистательный господин Оса Касадака из такого далекого сейчас Крестоцина останется доволен.

04.858, небодень. Крестоцин, Оканака, Катония

Звонок в дверь раздался, когда Карина только-только начала очередной абзац. Статья не давалась ей уже третий период и казалась словно заколдованной. Каждый раз, когда она заставляла себя усесться за нее и начинала первую фразу, на голову обязательно сваливалось

что-то срочное или неизбежное. Сегодняшний день, похоже, исключением не являлся. Подавив приступ раздражения, она подошла к двери и ткнула в клавишу домофона.

– Кто там? – спросила она, втайне надеясь, что кто-то ошибся кнопкой.

– Свои! – раздался веселый голос. На экране вспыхнуло изображение. Биката стоял у двери подъезда и приветственно помахивал ладошкой перед камерой. Рядом осадной башней воздвигался Дентор, где-то под мышкой у которого пристроилась Томара.

– Би! – ахнула Карина. – Дядя Дор, тетя Тома! Да что же вы без предупреждения! У меня же даже не прибрано!

– Ты нас пускать собираешься? – осведомилась Томара. – Или у тебя настолько не прибрано, что любой увидевший умирает от огорчения на месте?

– Ох! – спохватилась Карина. – Да, сейчас...

Она нажала вторую клавишу, и экран погас, а под ним загорелся зеленый огонек разблокированной входной двери. Карина заметалась по комнате, лихорадочно сгребая в охапку разбросанное белье и верхнюю одежду. Наученный горьким опытом Парс запрыгнул на стол, чтобы ненароком не попасться под ноги, и оттуда неодобрительно наблюдал за суетой. За полторы минуты, потребовавшиеся гостям, чтобы подняться на двадцать пятый этаж ее башни, она успела кое-как расчистить диван и одно кресло. Второе кресло, правда, полностью скрылось под грудой тряпок. С опозданием Карина сообразила, что можно было бы запрятать их и в стиральную машину, но тут в дверь снова позвонили. Обреченно вздохнув, она подошла к двери и щелкнула засовом замка.

– День, Кара! – весело приветствовал ее Биката, поспешно сбрасывая ботинки и отходя в сторону, чтобы дать место Дентору. Когда тот, пропустив вперед Томару, вдвинулся в проем, в прихожей сразу стало тесно. – Скажи, у тебя тут жара, потому что ты голая, или ты голая, потому что жара?

– Ой! – Карина сообразила, что после утреннего душа так и не собралась одеться. Да и незачем, в общем-то, было. – Забыла совсем. Сейчас кондиционер подстрою...

– Кара, да ты не суетись! – пробасил Дентор, придерживая ее за плечо. – Что ты волнуешься, словно к тебе Президент в гости заявился? Он сам после улицы вспотел, погода сегодня мерзкая – влажность едва не стопроцентная, дождь, все мокрые, как из ванной. Сейчас притерпится. Расслабься.

– Вот-вот, – поддержала его Томара. – На, лучше держи тортик. Пристрой его куда-нибудь, пока чай кипит.

Она сбросила туфли, поцеловала Карину в щеку и принялась вылезать из пальто.

– Холодно сегодня на улице, – пожаловалась хирург. – Дождь, слякоть... Хочу, чтобы тепло.

– Хотеть не вредно, – хмыкнул Дентор, помогая ей раздеться. – Не пройдет и полугодика...

– Привет, Парс! – сказал Биката, подхватывая зверьку со стола. – Как самочувствие?

– Пришел Биката, ума палата! – сообщил тот. – Парс не болеет, заряжается каждый день.

– Это что-то новенькое, – удивился инженер. – Такого я раньше не слышал.

– Лица ко мне пару периодов назад в гости заезжал, – от плиты объяснила Карина. Она настроила климат-контроль на пониженную температуру, набросила халат, чтобы не ежиться под струйками холодного воздуха, и сейчас наливала воду в чайник. – В очередной раз с программатором поигрался. Как чувствовал, что ты появишься. Надолго в Крестоцин?

– Да нет, на день-другой, – откликнулся инженер, опуская Парса на пол. – Развеяться немного, к тебе заскочить. Куклу новую испытать...

– Куклу? – непонимающе взглянула на его Карина. – Ты опять шасси кому-то из ваших чоки сделал?

– Не-а, – хитро сощурился Биката, плюхаясь на диван рядом с Дентором и блаженно вытягивая ноги. – Ты своим волшебным взглядом во мне ничего особенного не замечаешь?

– Особенного? – Карина включила чайник. – Тетя Тома, там ветчина есть и батон. Сейчас нарежу. Какой салатик сделать?

– Креветки есть? – осведомилась Томара, по-хозяйски заглядывая в холодильник. – Мне такой рецептик на днях подсказали – пальчики оближешь!

– Кара, не отвлекайся, – нетерпеливо произнес Биката. – Так ничего не замечаешь? Даже с эффектором?

Карина прищурилась, вглядываясь в него через сканер. Ничего особенного она не видела. Хотя...

– Би, что ты там сказал про куклу? – озадаченно спросила она. – Только не говори, что ты – не ты!

– Все-таки разглядела... – разочарованно произнес инженер. – А что не так?

– У тебя кишечник пустой. И мочевого пузыря – тоже. У людей такого никогда не бывает. Так, значит, ты не здесь?

– Не здесь, – согласился Биката. – Мамотира – он наш охранный искин – снова о безопасности нудить начал. Выдал настоятельную рекомендацию лично бункер не покидать. Ну, а я как раз закончил нового морфа ваять со стопроцентной имитацией, так что решил испытать в деле.

– Ничего не понимаю, – удивленно сказал полицейский. – Биката, что за кукла? Вы о чем?

– Я на самом деле сейчас в бункере под Туей в консольном коконе лежу, – пояснил инженер. – А вы видите дистанционно управляемую куклу-морфа, то есть с изменяемой внешностью. Я ее специально так ваял, чтобы даже томограф от человека отличить не сумел. Да, про то, что пищеварительная система всегда заполнена, я не подумал. Придется дорабатывать.

– А, все ваши мистические штучки... – проворчал Дентор. – Ох, доиграетесь! Не бойтесь, что в один прекрасный день СОБ вычислит отсутствие ваших драгоценных Демиургов?

– Дор, не брюзжи, – Томара бросила в кипящую воду яйца, несколько щепоток соли и погрозила ему пальцем. – Могли бы – давно бы вычислили. А раз все еще не вычислили, значит, и вообще не смогут.

– Да и пусть себе вычисляют, – пожал плечами Биката. – Дор, о Демиургах никогда слишком много народу не знало. А про искинов Камилла все, кому не лень, в курсе.

– То есть как? – удивилась Карина, поставив на стол нарезанную ломтиками ветчину, кусочек которой Дентор немедленно утащил в рот. – А я думала, что вы скрываетесь.

– Мы себя не афишируем, – поправил Биката. – Но связи у нас достаточно широкие. Очень многие знают, что есть такие правильные люди, к которым можно обратиться, чтобы свои проблемы порешать. Денег в долг взять под честное слово и без процентов, детей в хорошую школу пристроить без требуемых рекомендаций, к грамотному врачу попасть, разногласия с недругами уладить, должность получить, все такое. Не за просто так, разумеется. О том что искины Камилла – искины, правда, тоже никто не знает. Они маскируются, вроде как я сейчас, на людях кукол носят, каких от человека только с помощью гистологического анализа и отличишь... А поскольку к нашим услугам большие люди прибегают, и из полиции, и из СОБ, и из Ассамблеи, и даже из президентской администрации, то и прикрытие у нас достаточно серьезное, и на самом высоком уровне.

Он тоже сунул в рот кусочек ветчины и начал жевать. Потом прикрыл глаза от удовольствия.

– М-м-м! Идеально! Все тонкости вкуса чувствуются.

– А потом куда? – заинтересовалась Томара. – Там, внутри, переваривается? Или потом в исходном виде... хм, удаляется?

– Переваривается, конечно! – обиделся Биката. – Инженер я или куда? Такие куклы могут и химическую энергию использовать, не только аккумулятор Бойского. У них полный цикл пищеварения, от человеческого не отличишь, только без бактерий в кишечнике. Зато замкну-

тая система циркуляции каталитических ферментов, так что даже кору и дубленую кожу переварить может. Переваривать органику, конечно, далеко не так эффективно, как аккумуляторами пользоваться, но если есть подозрение, что собирающую паутину могут отследить, то безопаснее.

– А разве вы их маскировать не научились? – осведомилась Карина, перемешивая кукурузу с креветками. – Я, помнится, еще в пятидесятом у Бойры... у Калайи его отслеживала.

– В каком состоянии тогда маскировка была, в том и осталась, – вздохнул Биката. – Камилл проблемой заняться то ли не успел, то ли не захотел, а у нас знаний не хватает. У людей-технарей, я имею в виду. Конечно, если бы искины впряглись, то наверняка бы сумели, но ведь не впрягаются. Бойра прямо сказал... вернее, сказала – она сейчас опять женские роли отыгрывает: тебя проблема волнует – ты и занимайся. Не маленький, мол, чтобы постоянно маму за юбку дергать. Нет, столько лет я с ними провел, а так и не научился понимать как следует.

– А учебники у вас есть? – поинтересовался Дентор, с любопытством изучая Бикату. – Или самим до всего доходить нужно?

– У нас есть куча выдержек из чего-то типа монографий, – хмыкнул инженер. – Теоремы без доказательств, алгоритмы без описания структур входных данных, технологические схемы с пробелами в ключевых местах, иногда единицы измерения, со стандартными ничего общего не имеющие. И явное предупреждение: в каждом третьем материале принципиальная ошибка, а в каком – сами догадывайтесь. Я в одном месте чуть мозги не вывихнул, пытаюсь статью по физике понять, пока не догадался посмотреть, что там под «минутой» понимается. У Демиургов в свое время, оказывается, в минуте было шестьдесят секунд. А в часе – шестьдесят минут. А в сутках, чтобы совсем весело стало, двадцать четыре часа! Торжество двенадцатеричной системы, блин. И хоть бы где сноску поставили! Спасибо хоть секунда почти такая же, как у нас...

– Ну, положим, наша минута из пятидесяти четырех секунд тоже особой логичностью не отличается. Особенно на фоне восьмидесятиминутного часа. Цу, помнится, ругалась – если уж Демиурги нам в свое время остальные единицы измерения стандартизировали, почему меры времени такие идиотские оставили? Подумаешь, типа, что слишком глубоко въелись!.. Но я догадываюсь, почему так сделано, – задумчиво сказала Карина. – Все то же: не следует надеяться на старших да умных, взрослейте сами. Дорогу мы вам обозначили, а дальше ваше дело: то ли по ней идти, то ли свою искать. Цу рассказывала, что папа себя так же с ней вел. Выскажется туманно, а там как хочешь. Тетя Тома, ты засекала время, когда яйца варить поставила?

– Еще две минуты, – откликнулась та. – Би, а чем вы вообще занимаетесь в ваших... бункерах? Вам там не скучно под землей сидеть?

– Под какой землей? – удивленно посмотрел на нее инженер. – А... Бункер – не под землей, просто слово такое. Жаргон шуточный. Обычно мини-база расположена в большом доме, иногда на отшибе, иногда в самом центре города. Простое жилье, только защищенное. Главная проблема в том, чтобы собов отшить, а то они гостей иногда пасут. Некоторые нервничают. Ох, как хорошо на островах жилось! Тепло, море, чужих нет...

– Понятно, – кивнула Томара. – И все же – чем вы занимаетесь?

– Лелеем планы по захвату мирового господства, – фыркнул инженер. – Тома, ну откуда я знаю, что другие делают? У нас как-то не принято лезть под кожу, если сами не приглашают. Я лично схемотехникой занимаюсь, помогаю малышам обучать, чепухой всякой маюсь. Искины в основном, как мне кажется, какими-то политическими играми заняты, общество стабилизируют, только не спрашивайте меня, как, не социолог я. В общем, ничего интересного. Да только что мы обо мне да обо мне! Лучше расскажите, как у вас дела. Кара, я слышал, ты теперь в местном университете лекции читаешь?..

Следующие пару часов они болтали об обычных вещах, о которых всегда говорят в компании. В конце концов Карина даже порадовалась, что у них с Томарой и Дентором так удачно совпали расписания дежурств, что они все смогли собраться сегодня. А статья... ну, подумаешь, статья! Успеет она ее еще дописать.

И в этот момент Биката, бросив взгляд на часы, сказал:

– А теперь – главное, ради чего я приехал. Кара, я на днях разговаривал с госпожой Эхирой. Она очень просила меня вместе с тобой посмотреть сегодня одну передачу.

– Передачу? – поразилась Карина. – Что за передача?

– Не знаю. Какое-то шоу. Канал «Планета», ведущий – Вай Краамс. Что-то про девиантов в прямом эфире.

– Вай? – насторожилась Карина. – А... ну... почему именно он?

– Кто такой Вай Краамс? – поинтересовался Дентор.

– Есть такой скандальный ведущий, – пояснила Томара. – Базарный до невозможности, передачи – полная чушь пополам с горячечным бредом, но популярный. А еще в пятидесятом он во время предвыборной кампании за тогдашнего нашего мэра агитировал, помнишь? Вернее, не за него, а против остальных. Из пятерых альтернативных кандидатов четверо на него в суд подали, и ни один не выиграл, что самое любопытное.

– А, теперь вспомнил, – поморщился Дентор. – Сукин сын, каких мало. Скользкий, ехидный и наизнанку выворачивает. Значит, он за девиантов взяться решил?

– Не так, дядя Дор, – напряженно сказала Карина. – Не решил. Вернее, не сейчас. Он нами давно занимается. Помнишь кризис в сорок третьем? Когда Институт человека разгромили? Именно он тогда прямой репортаж вел. И еще он в пятидесятом хотел про меня и Яну репортаж сделать, даже в отель к нам приходил, но наше согласие получить не смог. Папа его сначала отшил, а потом к своим целям приспособил. Би, почему тетя Эхира мне ничего не сообщила?

– Не знаю, – пожал тот плечами. – Она вообще какой-то усталой выглядела. И постаревшей. Не то чтобы я с ней часто встречался, но... И еще она просила передать, чтобы ты не очень на нее сердилась. Она сказала, что вина всецело ее, но так надо.

– Вина? – глупо переспросила Карина. Она почувствовала, как в желудке образуется холодный камень.

– Кара! – Биката поднял руки, словно защищаясь. – Я знаю не больше тебя. Передача начинается через две минуты. Ох... только не говори мне, что так и не обзавелась телевизором!

– Я редко передачи смотрю, мне терминального дисплея хватает... – Карина прошла к рабочему столу и разбудила дисплей. – Сейчас подключусь. Значит, «Планета»?..

– Итак, господа и дамы! Мы начинаем сегодняшнюю встречу, которую все ее участники ждали с таким нетерпением! Сегодня! В прямом эфире! Передача «Доступно о главном»! И в роли специально приглашенной звезды – депутат, председатель партии и бессменный глава фракции «Нормальных людей» в Государственной Ассамблее блистательный господин Ясупика Токай!

Голос Вая слегка дрожал от возбуждения. Такого прилива адреналина перед камерами он не ощущал уже много лет. В тысячный раз он оказывается под прицелом объективов, но сегодня – словно в первый раз...

Запели фанфары, и под гром аплодисментов (по большей части записанных заранее) из-за кулис важно выступил блистательный господин Ясупика. Блистательный – в том числе и в буквальном смысле слова: его серый изящного покроя костюм (отменно маскировавший толстые жировые складки на талии, солидное брюшко и пухлые ляжки) в свете софитов переливался мелкой алмазной искрой. Сопровождаемый камерами, транслирующими картинку на два огромных плоских экрана на заднем плане, он неторопливо прошествовал к подиуму, под-

нялся к своему креслу и опустился в него, закинув ногу на ногу, даже не удосужившись поклониться залу.

– В качестве собеседника и оппонента господина Ясупики выступает великолепная госпожа Эхира Марга, заместитель исполнительного директора Фонда поддержки талантов! Поприветствуем!

И снова шквал аплодисментов. Эхира быстрым шагом прошла к своему креслу, сдержанно поклонилась и села. По сравнению с Ясупикой в своем повседневном брючном костюме она выглядела едва ли не деревенской простушкой. Вай с тревогой заметил, как она покачнулась, усаживаясь. Да что с ней? Когда он увидел ее сегодня перед шоу, он поразился, как плохо выглядит его давняя знакомая. Всегда выглядящая максимум на сорок с небольшим, а при желании – и на тридцать, за те полгода, что он ее не видел, она, казалось, постарела сразу на несколько десятилетий. Конечно, гримеры хорошо над ней поработали, но полностью убрать мешки под глазами и затаившуюся тяжелую усталость не смогли даже они. Интересно, сколько же все-таки ей лет на самом деле? Ну ладно. Главное, чтобы не померла во время передачи – не в том должен заключаться сегодняшний скандал.

– И, наконец, в роли независимого эксперта выступает господин Сай Хара, профессор и заведующий кафедрой нейрофизиологии медицинского факультета Оканакского государственного университета!

Профессор явно чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя порекомендовавшая его Эхира и уверила, что свою роль он сыграет, к публичности он явно не привык. Заметно вздрогнув и покраснев от несущихся из динамиков аплодисментов – он что, в самом деле полагает, что они дань его талантам? – он неловко поднялся по ступеням, споткнувшись и едва не упав, и почти рухнул в свое кресло. Вай хмыкнул про себя. Остается только надеяться, что говорит он лучше, чем движется.

Пройдясь по сцене – на сей раз журналист решил изменить своим привычкам и вести передачу на ногах – он поднял к потолку руки и провозгласил:

– Итак, господа и дамы, наше шоу – начинается!

Очередной шквал аплодисментов, фанфары – и закрутившаяся на экранах заставка передачи: вихрь фигур, предметов, переливающихся радуг, завершающийся фирменным символом: два темных человеческих силуэта,жимающих друг другу руки.

– Итак, господа и дамы, – воскликнул Вай, дождавшись завершения ролика, – тема сегодняшнего разговора – девианты и их возможности. Почти двадцать лет прошло с момента, когда мы впервые услышали о детях с особыми способностями. Почти двадцать лет отделяют нас от ужаса неопределенности тех дней. Разорванные на части трупы на площадях, разрушенные жилища, полиция, открывающая огонь по детям из автоматического оружия, жертвы, жертвы, жертвы – и паника в обществе. Откуда взялись их способности? Неизвестно. Каким образом они делают то, что делают? Современная наука способна лишь предполагать и строить догадки. Они молоды – самым старшим из них еще только предстоит отметить тридцатилетний юбилей. Они защищены Законом о тайне личности, об их способностях зачастую не подозревают даже близкие друзья, и общество раскололось в своем отношении к ним. Одни, как присутствующий здесь господин Ясупика, – Вай вежливо кивнул депутату, – предлагают низвести их до уровня парий. Другие, как госпожа Эхира, придерживаются иных точек зрения. Сегодня, дорогие мои телезрители, мы обсудим эту животрепещущую тему и сможем, наконец, окончательно установить, кто прав, а кто виноват.

Он соприкоснулся подушечками указательного и большого пальца левой руки, активировав тем самым приклеенный к ладони микроскопический пульт, и дождался, пока утихнут механические аплодисменты, на сей раз с энтузиазмом поддержанные и живой аудиторией.

– Прежде чем мы начнем дискуссию, господа и дамы, посмотрим небольшой ролик, посвященный истории вопроса. Итак, девианты!

Касанием большого и среднего пальца он послал команду режиссеру и отошел к боковому проходу в тот момент, когда на экранах пошли первые кадры фильма. Замелькали фотографии и ролики хроник.

– Впервые детей с особыми способностями обнаружили летом восьмьсот тридцать девятого года, – заговорил за кадром мужественный, хорошо поставленный голос диктора. – Первые несчастные случаи не привлекли особого внимания. . .

Вай краем глаза наблюдал за экраном, но фильм его интересовал мало. Как и все, что исходило от Эхиры, лента сделана вполне профессионально. Более того, она является вполне нейтральной, так что господин Ясупика не должен всполошиться раньше времени. Сейчас журналиста больше волновали люди, сидящие на сцене. Депутат Ассамблеи сидел, вальяжно развалившись в кресле, и с его полного обрюзгшего лица не сходила брезгливая гримаса. Эхира с полуприкрытыми глазами устало откинулась на спинку. Профессор с живым интересом смотрел фильм – похоже, раньше он его не видел. Как вести себя с женщиной, Вай прекрасно себе представлял. С депутатом тоже все просто – гладить по шерстке до тех пор, пока не придет пора врезать дубиной между ушей. А вот профессор? С умника станется начать нудеть и препираться по мелочам, снижая общее напряжение и усыпляя зрителя. Может, стоило вообще обойтись без приглашенного эксперта? Нет, вряд ли. Все-таки именно такие детали придают особый вес представлению.

Вая тронули за плечо и он обернулся. Под прикрытием стены прохода к нему склонился ассистент.

– Три государственных и пять местных, – прошептал тот. – На сайте семь миллионов подключений, и цифра все еще растет.

Ведущий едва заметно кивнул, давая понять, что услышал, и отвернулся.

Фильм шел десять минут, а сразу после него пустили двухминутную рекламу. Когда она закончилась, аудитория возбужденно переговаривалась, в зале стоял гул.

– Итак, господа и дамы, в эфире передача «Доступно обо всем»! – Вай снова вышел на середину подиума. – Мы продолжаем нашу передачу. Господин Ясупика, что ты можешь сказать по поводу увиденного?

– Что мы на пороге катастрофы! – хорошо поставленным баритоном проговорил депутат. – Человечество в опасности! Только что показанные кадры в очередной раз ее подтверждают. Представьте только – обычные люди постепенно оказываются изгоями в своей собственной стране! Количество девиантов все растет, и они проникают повсюду. За последние несколько лет мы провели большую работу и выяснили, что процент девиантов среди молодых госслужащих несоизмеримо выше, чем в обществе в целом. Достаточно сказать, что почти каждый десятый чиновник в возрасте до тридцати лет в той или иной степени обладает скрытыми способностями. . .

– И чем оно плохо? – вкрадчиво поинтересовался Вай.

– Как – чем? – удивился депутат. – Во-первых, они несправедливо используют свои способности в ущерб нормальным людям, таковыми не обладающими. Во-вторых, сам по себе факт, что какие-то инопланетяне или их детища начинают диктовать нам, как жить, является вопиющим!

– То есть, господин Ясупика, ты являешься сторонником инопланетной версии происхождения вирусного эффектора?

– Да это всем известно! – буркнул депутат. – Откуда же он еще мог взяться, кроме как с другой планеты?

Вай подавил неуместный смешок. Похоже, предводитель «Нормальных» относился к самой дремучей части ненавистников девиантов.

– Ну хорошо, предположим. Господин Ясупика, а каким образом девианты используют свои особые способности для проникновения в государственные структуры? Они угрожают руководителям физической расправой? Разве такое не является подсудным делом?

– Ну, прямо, разумеется, не угрожают, – самодовольно хмыкнул депутат. – Но сами подумайте – рискнет ли директор по кадрам отказать человеку, зная, что потом его могут найти в темном переулке с оторванной головой? Кроме того, у девиантов есть и другие способности, полученные от эффектора. Некоторые, например, обладают хорошей зрительной памятью или превосходно считают в уме. Разве справедливо, что другие люди, которым не посчастливилось случайно заполнить такой же эффектор, оказываются в проигрышном положении?

– «Посчастливилось»? – переспросил Вай. – Господин Ясупика, ты полагаешь особые способности счастьем?

– Ну, не счастьем, – скривился предводитель «Нормальных людей». – Случайностью. Но и это не главное. Исследования показывают, что особые способности прямо влекут за собой риск психических расстройств – от эмоциональной неуравновешенности до возможности внезапно сойти с ума. Представьте, что такой человек занимает ответственный пост, что от него явно зависят жизни людей. Разве долг каждого гражданина не в том, чтобы делать наше общество более безопасным?

– Понятно, господин Ясупика. Скажи, а ты можешь представить какие-то подтверждения своих слов? Результаты статистических исследований? Ссылки на авторитетные источники?

– Разумеется, – важно кивнул депутат. – На нашем сайте в Сети доступно огромное количество материалов, обосновывающих нашу точку зрения. В том числе там есть статьи, написанные авторитетными учеными.

– И какие же меры предлагает партия «Нормальных людей» в отношении девиантов?

– Ну, – депутат фальшиво улыбнулся, – разумеется, мы не собираемся настаивать на жестких карательных мерах. В конце концов, не вина заразившихся, что они превратились в чудовищ. Однако, безусловно, мы обязаны принять экстренные неотложные меры. Нашей фракцией подготовлен и уже внесен на рассмотрение Ассамблеи законопроект об ограничении права девиантов на занятие определенных должностей – пилотов, водителей, врачей, полицейских, государственных служащих и так далее. Мы настаиваем на гораздо более тщательном, чем сегодня, контроле за их перемещением, а также на частых медицинских освидетельствованиях. Необходимо избавиться от невероятной по своей нелепости градации девиантов по категориям и признать, что любые проявления особых способностей, даже самые незначительные, влекут за собой риск непоправимой катастрофы. Необходимо также переоснащение полиции и армии новыми средствами контроля за девиантами наподобие современных моделей импульсных блокираторов и активных средств подавления. И так далее. В отделениях нашей партии, присутствующих практически во всех городах Катонии, каждый желающий гражданин может подробно узнать, что именно мы намерены сделать для его безопасности и для ликвидации несправедливости. Там же можно сделать пожер...

– Большое спасибо, господин Ясупика, за такое четкое и недвусмысленное изложение своей позиции, – бесцеремонно перебил его Вай. Подчиняясь его незаметной команде, из динамиков полился шум аплодисментов, которые на сей раз поддержали только четверо или пятеро человек во всем зале. Про себя ведущий поразился наглости депутата – надо же так беспардонно рекламировать свою партию в его передаче! Он хоть знает, сколько стоит здесь минута рекламного времени?! – А теперь мы обратимся за консультацией к нашему уважаемому эксперту. Господин Сай, только что господин Ясупика сообщил, что, по его мнению, девианты являются агентами инопланетян или носителями их технологии. Что думает по данному поводу современная наука?

– Современной науке мало что известно о вирусном эффекторе, – слегка растерянно улыбнулся профессор. – Мы знаем лишь, что его носителем является каждое разумное существо на нашей планете.

– Я не ослышался? – переспросил ведущий. – Каждое разумное существо?

– Да. Каждое. Другое дело, что далеко не у всех эффектор хоть как-то проявляется – у троллей, например, он не проявляется вообще, а потому о данном факте часто забывают. Как правильно замечено в показанном фильме, эффектор у человеческого ребенка способен активироваться только в возрасте от восьми до десяти лет. Известны единичные случаи его активации как раньше, так и позже, но такие девианты ни разу не поднялись выше неуверенной пятой категории без дополнительных способностей.

– Есть ли какие-то основания предполагать, что эффектор на Текиру занесли инопланетяне?

– Наука не имеет аргументов ни за, ни против такой версии, – пожал плечами профессор. – Нам не известна ни одна чужая цивилизация, чтобы мы могли делать хоть какие-то выводы. Принципы его функционирования далеко превосходят все, на что способна современная технология. Однако следует напомнить, что исторические хроники довольно часто содержат сообщения, невероятные с современной точки зрения. Я имею в виду то, что обозначается как «Сила» или «колдовство». Если буквально верить тому, что написано в документах, то еще три сотни лет назад колдовать умели достаточно многие, чтобы данное явление считалось вполне обыденным. Между тем, описание некоторых магических способностей удивительно напоминает способности современных девиантов. Так, например, перемещение предметов взглядом совершенно очевидно походит на действие силовых манипуляторов, способность видеть ложь – на эмпатические способности, метание огненных шаров – на способность к концентрации атмосферного электричества, и так далее.

– То есть девианты встречались и раньше? Но что же тогда привело к их исчезновению?

– Тоже неизвестно. По времени их пропажа приблизительно совпадает с так называемым Пробуждением Звезд, которое некоторые астрономы и историки склонны трактовать буквально – как появление звезд на до того темном небосклоне. Высказываются гипотезы, что Пробуждение Звезд описывает какие-то реальные космогонические процессы, например, выход нашей звездной системы из плотного космического пылевого облака, которое обнаружено неподалеку... по космическим меркам, конечно, неподалеку. Современной астрономической науке оно известно как «Большая Стена». В таком случае можно предположить какие-то флуктуации в окружающем пространстве, о природе которых можно лишь догадываться, приведшие к временному подавлению деятельности эффекторов. Двадцать лет назад условия снова стали для них благоприятными, и они начали проявляться вновь. Так что даже если эффектор – произведение инопланетян, в соответствии с данной гипотезой мы жили с ним столетия, если не тысячелетия. И, я подчеркиваю, речь идет всего лишь о гипотезе – одной из многих.

– Понятно, господин профессор. А что можно сказать об утверждениях о повышенной ментальной нестабильности и риске сойти с ума?

– Так скажем, – профессор развел руками, – мне не известны никакие серьезные исследования, подтверждающие данную точку зрения. Я не психиатр, но достаточно часто имел дело с девиантами, в том числе с сильными – первой и второй категории. По опыту общения с ними я не заметил никаких особых психических отклонений. Хотя я вполне могу согласиться с тем, что девианты – тоже люди, а потому могут и с ума сходить, и, что называется, срываться с нарезки при сильном стрессе. Настороженное отношение общества, ведущее к необходимости скрывать свои способности, вполне может способствовать повышенной частоте таких стрессов у девиантов.

– Могу я вмешаться? – наклонилась вперед Эхира, и Вай кивнул ей. – Я хочу добавить, что у меня есть данные, прямо опровергающие заявления господина Ясупики о нестабильности девиантов. Ранее они не публиковались, потому что основной цикл исследований и обработка собранной информации завершились буквально на днях, и я думаю, что нашей аудиторией окажется интересным о них узнать.

– Нам известно о шарлатанских подтасовках любителей девиантов! – буркнул депутат. – Их глупости неоднократно опровергали ведущие эксперты. . .

– . . . нанятые и оплаченные «Нормальными», – невозмутимо парировала Эхира. – Ни один независимый эксперт ни разу их не опроверг. Итак, у меня на руках данные двух разных исследований. Одно выполнено Фондом поддержки талантов, который я имею честь здесь представлять. Как известно, наш Фонд предоставляет льготные кредиты на обучение в университетах и колледжах любой персоне, удовлетворяющей определенному набору критериев. Разумеется, основным критерием являются интеллектуальные способности. Однако те, кто получил кредит, обязаны ежегодно проходить медицинское обследование в ведущих больницах и клиниках Катонии и предоставлять нам его результаты. Список таких медучреждений известен, включает около тысячи наименований и может быть проверен любым желающим. Они полностью от нас независимы, так что мы на результаты проверок влиять не можем. Итак, за последние восемь лет наш Фонд выдал кредиты примерно семи с половиной тысячам персон по всей стране. По результатам обследований подтверждены особые способности примерно восьмисот соискателей – семисот тридцати человек и семидесяти орков, что на три порядка, то есть в тысячу раз, превосходит среднее количество девиантов в обществе. При том ни у одного соискателя не выявили никаких существенных психических отклонений. . .

– Да это чепуха! – взорвался депутат. – Ваш Фонд известен своими подтасовками в пользу девиантов. . .

– Господин Ясупика! – властно сказала Эхира, и неожиданно глава «Нормальных» ступил под ее взглядом. – Я не мешала выступать тебе. Теперь позволь закончить мне. Так вот, ни у одного соискателя не выявлено никаких существенных психических отклонений, а тип личности в подавляющем большинстве случаев – второй или третий, что не подразумевает склонности к необдуманным или безответственным выходкам. На их эмоциональную стабильность мало влияют даже упомянутые господином Саем эмоциональные стрессы – в конце концов, их с детства приучают контролировать свои эмоции и не поддаваться на провокации. Далее, вторая имеющаяся у меня статистика принадлежит Фонду перспективных исследований. В рамках своей деятельности, вполне коммерческой, смею заметить, никакой благотворительности, Фонд финансирует ряд программ по изучению особых способностей и разработке аналогичных им технологий. В ходе исследований его специалисты обработали данные Службы охраны детства. Известно, что Служба отвечает не только за начальное и среднее образование, но и за контроль за детьми с особыми способностями. В частности, именно она проводит регулярные обследования детей опасного возраста, чтобы заранее обнаружить пробуждающийся эффектор и принять меры по предотвращению ущерба. А еще она проводит регулярные обследования школьников на предмет умственного развития. И собранная статистика убедительно показывает, что вероятность пробуждения эффектора у ребенка прямо пропорциональна коэффициенту его интеллекта. У детей с высоким коэффициентом вероятность пробуждения эффектора минимум в десять раз выше, чем у детей с низким уровнем. То есть можно констатировать, что пробуждение эффектора скорее сделает ребенка умницей, отнюдь не идиотом. Да и утверждение о повышенной эмоциональной нестабильности девиантов в исследованиях ФПИ не находит абсолютно никакого подтверждения.

– Нонсенс! – депутат в своем кресле, багровея, грохнул по подлокотникам сжатыми кулаками. – Подтасовка фактов! Наглая ложь, призванная. . .

– Молчать! – резко сказала Эхира, и депутат осекся. – Господин Ясупика, если ты еще раз попытаешься обвинить меня во лжи и подтасовках, я подам на тебя в суд. Не забывай, что мы в студии, и все сказанное записывается, не говоря уже про миллионы свидетелей. Господин профессор, что ты можешь сказать по поводу моих данных?

– Я еще не видел материалы, но и Фонд поддержки талантов, и Фонд перспективных исследований – достаточно серьезные организации, чтобы огульно отметать их слова, – нахмурился медик. – У меня самого есть трое студентов, два человека и орк, обучающиеся по программе Фонда поддержки талантов. Правда, я не заметил за ними особых способностей, но я и не интересовался, по правде говоря. И все трое – очень и очень умные ребята. Хотелось бы только указать, что заявление о благотворном влиянии эффектора на интеллект является спорным. Может, эффектор делает человека умнее. Может, наоборот, высокий уровень интеллекта повышает вероятность пробуждения эффектора. А может, и то, и другое является следствием факторов, нами пока не обнаруженных.

– Спасибо, господин Сай, – кивнула женщина. – Уточнение принимается. А раз речь зашла о эмоциональной нестабильности и насилии со стороны девиантов, я хочу напомнить телезрителям, что именно партия «Нормальных людей» в течение по крайней мере десяти лет создает боевые организации, занимающиеся избиениями и похищениями девиантов...

– Клевета! – прохрипел вишнево-багровый депутат, о которого, казалось, можно зажигать сигареты. – Все такие организации – самозванцы! Мы всегда официально заявляли, что не поддерживаем неорганизованное насилие и самосуд как методы борьбы...

– А что ты скажешь о пожертвованиях в размере десятков миллионов маеров, которые «Тэппо» регулярно осуществляет в бюджет твоей организации? – в упор спросила его Эхира. – Ты станешь утверждать, что крупнейший производитель полицейского оборудования не имеет никакого отношения к законам об усиленном контроле за девиантами? Ты, помнится, что-то сказал про импульсные блокираторы и активные средства?..

– Клевета! – на сей раз депутат не захрипел, а заорал во всю глотку, вскакивая на ноги. – Наглая клевета! «Тэппо» никогда не жертвовала нам деньги! Да я на тебя сегодня же в суд подам!

– Господин Ясупика! – успокаивающе проговорил Вай, внутренне ухмыляясь. Молодец Эхира. Уже такого достаточно для крупного скандала. Интересно, сумеет ли она подтвердить свое заявление документами? Ну ничего. Очень скоро господину депутату станет совсем не до судов. – Господин Ясупика! Очень прошу тебя держаться в рамках вежливости. Пожалуйста, сядь. А теперь обратимся к аудитории. Итак, господа и дамы, я ставлю на голосование вопрос: а как вы лично относитесь к девиантам? Варианты ответа вы и телезрители видите на экране. А пока идет голосование – реклама!

Две минуты спустя прозвучали аккорды заставки, и Вай вскинул голову.

– Итак, голосование завершено, уважаемые зрители. Напоминаю, что для участия в передаче персоны отбираются случайным образом из списка тех, кто заранее оставил заявку на нашем сайте. Можно полагать, что результаты голосования окажутся близки к среднестатистическим. Как можно видеть на экранах, тридцать восемь процентов согласны с тем, что не испытывают никаких отрицательных эмоций по отношению к девиантам. Еще семь процентов и сами не отказались бы от особых способностей. Двадцать четыре процента чаще всего испытывают по отношению к ним неприязнь и еще три процента согласны с господином Ясупикой в том, что всех девиантов необходимо изолировать или ограничить в правах. Обращаю внимание, что больше четверти присутствующих со своим отношением определиться не смогли. Ну что же, показательный результат.

Он повернулся к Эхире.

– Госпожа Эхира, и все-таки вернемся к нашему разговору. Ты упомянула о боевых организациях «Нормальных людей»?..

– Да. Напомню, что в конце сорок девятого года суд Первого округа города Крестоцина признал доказанной прямую вину местного отделения партии... извиняюсь, тогда еще общественного объединения «Нормальных людей» в похищении девушки-девианта с целью последующего демонстративного убийства, что классифицируется Уголовным Кодексом как терроризм. К сожалению, главный обвиняемый попытался сбежать при задержании, напав на полицейских, и оказался убит на месте...

– Мы официально распустили крестоцинскую ячейку после того случая! – снова взвился депутат. – Ее руководитель действовал по собственному почину, без согласования с центральными органами!

– То есть если твои товарищи по партии, господин Ясупика, проявляют... как ты выразился? «эмоциональную неуравновешенность»?.. это случайность и самозванство, а если кто-то из девиантов ненароком сойдет с ума, то система? – холодно осведомилась Эхира. – Мне такой подход почему-то кажется лицемерием. Особенно с учетом того, что количество обвинительных приговоров персонам, связанным с «Нормальными» и напавшим на девиантов безо всякого повода, с тех пор превысило два десятка. Однако не о боевых организациях речь. Есть еще кое-что, ставшее известным совсем недавно.

– А именно, госпожа Эхира? – учтиво осведомился Вай.

– Я так думаю, что профессор Сай расскажет лучше меня, – зловеще улыбнулась та. – Господин профессор, что ты можешь сказать про недавние обследования взрослых? До меня доходили слухи, что университет имел к ним отношение...

– Взрослых? Ах, да! – медик поправил очки. – Надо сказать, что в последние полгода по заказу Министерства здравоохранения Оканакский университет проводил статистические обследования взрослых людей. Как уже неоднократно упоминалось сегодня, эффектор у людей пробуждается в возрасте от восьми до десяти лет. Однако известно также, что зачастую нельзя с уверенностью отнести особые способности к пятой категории из-за их крайне неуверенного проявления. Министерство профинансировало исследование взрослых людей, на момент начала пандемии уже пересекших черту десятилетнего возраста. За последние полгода сотрудники университета провели обследование семи... Прошу прощения, точнее, они помогли сотрудникам клиник и больниц специальным образом донстроить медицинскую аппаратуру, в частности магнитно-резонансные томографы. На модифицированной аппаратуре прошли обследование примерно семь тысяч добровольцев, и результаты оказались довольно интересными... – Он замолчал и задумался, его взгляд расфокусировался.

– И какими же, господин профессор? – подтолкнул его Вай.

– Ах, да. Ну, скажем так: примерно у пятнадцати процентов прошедших через установки выявились особенности «спящего», казалось бы, эффектора, позволяющие довольно уверенно отнести их к пятой категории.

Аудитория взорвалась гулом. Люди переглядывались друг с другом и возбужденно обсуждали новость. На лицах большинства читалось недоумение, а у некоторых – страх. Такое же недоумение Вай заметил на лице выглядывающего из бокового прохода ассистента, не посвященного заранее в сценарий шоу. Да уж, хмыкнул он про себя. Не так-то здорово внезапно превратиться из стороннего наблюдателя, пусть и сочувствующего, в потенциальное чудовище.

– Ты уверен именно в таком количестве, господин профессор? – осведомился ведущий.

– Абсолютно, – кивнул Сай.

– Значит, речь идет даже не о десятках и сотнях тысяч...

– А о десятках миллионов потенциальных девиантов, – снова кивнул ученый. – Результат, разумеется, поразителен, хотя вряд ли стоит рассчитывать на массовое проявление особых способностей у взрослых. Только у пары десятков обследованных силовая функция проявилась достаточно сильно, чтобы стать хоть чуть-чуть заметной, и даже перемещение спички

требует от них непомерной умственной концентрации. Тем не менее, в соответствии с принятой градацией их пятая категория несомненна.

– Более того, господин Вай, – вступила Эхира, – по заказу Фонда перспективных исследований на физическом факультете Оканакского университета собрали специальную передвижную установку для обследования взрослых. Ее протестировали и убедились, что она работает. Так случилось, что совершенно случайно сегодня я прихватила ее с собой. Не возражаешь, если мы устроим эксперимент прямо здесь, в студии?

– Удивительное совпадение! – широко ухмыльнулся Вай. – Грех им не воспользоваться.

Он подал сигнал, и ассистент с заметной натугой выкатил из-за кулис плоскую тумбу на колесиках, на которой размещались две вертикальных широких параллельных пластины и пульт с несколькими клавишами. За установкой тянулись силовой и коммуникационный кабели.

– Спасибо, господин Вай, – кивнула Эхира. – Профессор Сай, могу я попросить тебя показать телезрителям, как она действует?

– Да-да, – пробормотал профессор, поднимаясь из кресла. Он торопливо подошел к пристроенному на тумбе пульте и включил его. – Все просто. Нужно лишь встать между пластинами, оператор нажимает кнопку – вот эту – и через несколько секунд компьютер выдает результат. Э-э-э... мне нужен доброволец.

– А можно я? – вызвался ведущий. Не дожидаясь ответа, он вскарабкался на тумбу и приподнялся на цыпочки, чтобы разглядеть закрытого пластиной ученого.

– Господин Вай, стой спокойно и не двигайся, – резко сказал Сай. – Сейчас...

Он нажал на кнопку, и на экранах на стенах студии вспыхнула картинка: черная клякса на синем фоне. Границы кляксы слегка колебались. Ее контуры обвела желтая линия, замигающая и покрасневшая в нескольких местах. Под рисунком появились строчки текста и чисел, зазмеился непонятный график.

– На экране демонстрируется визуализация эффектора, сделанная компьютером, – пояснил профессор. – Господин Вай, ты можешь спуститься. Компьютер проверяет довольно много параметров, но сейчас они не так уж важны. Общий вывод, однако, прост: ты и близко не девиант. Еще добровольцы?

– Я готова, – Эхира поднялась из кресла и прошагала к установке. Понимаясь на помост, она слегка покачнулась и тяжело оперлась об услужливо подставленную руку ведущего, но тут же выправилась. – Господин Сай?

– Да, госпожа Эхира, – кивнул тот. – Постой спокойно... ага, все. Можешь выходить. Нет, тебя к девиантам мы тоже причислить не можем.

Он повернулся к аудитории.

– Еще добровольцы есть? – строго спросил он, глядя на статистов поверх очков, как смотрел, наверное, на нерадивых студентов в своем университете.

Несколько секунд в зале стояла мертвая тишина. Потом в пятом ряду поднял руку светловолосый мужчина лет сорока в узких штанах и тонком сером свитере, рельефно обрисовывающем грудную мускулатуру.

– Я доброволец, – решительно сказал он, спускаясь к подиуму.

– Похвально! – одобрил Сай. – Прошу сюда...

Девиантом не оказался и этот мужчина, но его поступок словно прорвал плотину нерешительности. За следующие десять минут половина аудитории прошла обследование. Из двадцати восьми человек пятерых – четырех женщин и одного мужчину – установка объявила девиантами пятой категории, и те, смущенно улыбаясь и растерянно оглядываясь, вернулись на свои места, сопровождаемые взглядами соседей – когда одобрительными, а когда и не очень.

– Итак, уважаемые телезрители, – резюмировал Сай, – как мы видим, ситуация гораздо менее однозначна, чем нам казалось еще недавно. Если раньше у нас имела четкая грань,

отделявшая девиантов от простых людей, то сейчас она оказалась размытой. Господин Ясупика, – обратился он к угрюмо вжавшемуся в кресло депутату, – ты можешь как-то прокомментировать результаты нашего маленького эксперимента?

– Чепуха! – буркнул тот. – Шарлатанская установка. И потом, что за количество такое – семь тысяч обследованных? В Катонии, между прочим, сто пятьдесят миллионов человек живет, да еще и орков двадцать миллионов! Не доказывает ничего ваше обследование.

– Вот как, господин Ясупика? – вкрадчиво осведомился Вай. – Ну, если так, ты наверняка согласишься и сам пройти его, чтобы подтвердить свою... хм, нормальность?

У депутата отвисла челюсть, и он снова начал багроветь.

– Или ты боишься, что установка докажет наличие у тебя особых способностей, господин Ясупика? – Вай добавил в голос тщательно отмеренную порцию ядовитой иронии.

– Ничего я не боюсь! – рявкнул депутат, вскакивая на ноги. – Я, в отличие от некоторых, совершенно нормальный человек, и тем горжусь!

Размашистым шагом он подошел к установке и поднялся на нее. Скрестив руки на груди, он повернулся к аудитории.

– Ну? – требовательно спросил он. – Убедились?

– Убедились, – согласился Вай, тщательно изгоняя из голоса любые намеки на ехидство. – Я не очень понимаю, что именно мелкими буквослогами пишет наша забавная машина, но, кажется, она точно уверена, что у тебя особые способности имеются.

Депутат обернулся, и его лицо, до того налитое нездоровым багровым румянцем, побледнело так резко, словно его облили известкой.

На экранах ворочалась большая черная клякса. Обводящая ее желтая черта сразу в десятке мест отливала красным – как раз там, где нервно пульсировали длинные отростки частично пробудившихся силовых манипуляторов.

– Судя по всему, – ровным тоном добавил Вай, – установка диагностирует у тебя еще и дополнительные способности. Профессор Сай, что там такое?

– Я бы предположил, что эйдетическая память, хотя и слабо развитая, – откликнулся из-за своего пульта ученый. – По крайней мере, общий шаблон соответствует. Господин Ясупика, я тебя поздравляю. Ты первый из взрослых девиантов, у которого подтверждены дополнительные способности сверх силовых. Можно сказать, ты уникальный случай.

– Такого не может быть... – серыми губами прошептал депутат. – Такого не может быть...

Грянувший в аудитории смех резанул его по ушам. Первые робкие смешки почти мгновенно переросли в грохочущую лавину общего хохота. Некоторые пытались сдерживаться, но не выдерживали и присоединялись к общему веселью. Хохотали и сторонники девиантов, и их противники. Депутат неловко спрыгнул на подиум и дико оглянулся. Ни одного сочувствующего лица не замечал он вокруг. Смеялись статисты. Под своими зеркальными контроль-панелями скалились телеоператоры. Ехидная ухмылочка кривила лицо ведущего, и ледяная улыбка брезгливого презрения застыла на лице Эхиры. Она знала! Каким-то образом она заранее знала то, в чем он не осмеливался признаться даже самому себе. Он чувствовал, что с ним что-то не так, чувствовал – но боялся даже задумываться. И вот теперь его обманом заманили в ловушку. Позор. Позор на всю страну. На весь мир...

Он повернулся и побрел за кулисы, едва переставляя чугунные ноги, а вслед ему неслась лавина хохота и задорного свиста.

– Прошу тишины в студии! – громко сказал Вай, когда спина депутата скрылась из вида. – Прошу тишины!

Он выждал, пока волна шума уляжется.

– Несколько неожиданный результат, – как бы про себя пробормотал он. – Что-то мне подсказывает, что господину Ясупике недолго осталось пребывать на посту председателя партии «Нормальных»...

Он поднял руку, прерывая снова плеснувшие смешки.

– Итак, уважаемые телезрители, после того, как мы убедились, что не все так просто, усложним ситуацию еще немного. Партия «Нормальных людей» постоянно убеждает нас, что девианты – эмоционально неуравновешенные и психически ненормальные личности. Более того, любимым изречением безвременно покинувшего нас господина Ясупики являлось «Покажите мне хоть одного полезного обществу девианта!» До сего времени его противникам было нечего возразить. Действительно, ни один развитый девиант первой, второй или хотя бы третьей категории так и не засветился в прессе – ни плохим, ни хорошим образом. Знаменитая Двдцатка из Института человека словно канула в воду, и найти их так никто и не смог, чему немало поспособствовал Закон о тайне личности. Но сегодня госпожа Эхира наконец решила предоставить нам документы о жизни некоторых наиболее выдающихся представителях людей с особыми способностями. Они скромно, не афишируя себя и не требуя почета и славы, все прошедшие годы упорно учились, выросли и трудились, пользуясь своими возможностями на общее благо. Мы, разумеется, не сможем рассказать вам о всех, поэтому отобрали только три персоны...

...далеко от Оканаки, сидя в своей квартире-студии, Карина вздрогнула и обратила напряженный взгляд на соседа по дивану.

– Биката! – звенящим голосом спросила она. – Ты не...

– Тс-с! – оборвал тот. – Сиди и слушай. Я не ясновидящий. А догадываться ты не хуже меня умеешь...

– ... и первая из них – врач-хирург Первой городской больницы города Крестоцина, старший ассистент кафедры госпитальной хирургии Крестоцинского государственного университета, ведущий эксперт по особым способностям при Министерстве здравоохранения Катонии, одна из Двдцати, девиант первой категории госпожа Карина Мураций!..

– Ты уже в третий раз за ясурагу хватаешься, – Томара наклонилась через столик и едва ли не силой вытащила у Карины из рук пузырек с темной жидкостью. – Хватит, милая, с тебя успокоительных, пусть даже мягких. У тебя завтра, между прочим, четыре операции, и одна весьма серьезная. Хочешь спросонья манипулятором промахнуться?

Карина подняла на нее затравленный взгляд.

– Ну и что мне теперь делать? – дрожащим голосом спросила она.

– Наслаждаться мировой славой, – хмыкнул Биката. – Что тебе не нравится? Теперь тебя лучшие клиники Оканаки друг у друга переманивать начнут. Жалование раз в пять выше, чем сейчас, предлагать начнут. Или в десять. Или в пятьдесят. А уж сколько автографов у тебя попросят! Требуй не менее десятки за штуку, и к концу следующей недели точно разбогатеешь.

– Издеваешься, да? – безнадежно спросила Карина. – Не смешно, между прочим. Мне же теперь на улицу не выйти. В больницу кустами на пузе пробираться придется, а в университете вообще перебежками от кафедры к аудитории передвигаться. Ну, доберусь я до вашего Вая! Я ему все выступающие части тела оборву, с особым садизмом!

– Забыла, что госпожа Эхира передавала? – осведомился Биката. – Ее ведь затея. Ей, надеюсь, ты ничего оборвать не хочешь?

– Но почему она не отвечает? – вскинулась Карина. – Передача же давно закончилась!

Она схватила со стола пелефон и судорожно ткнула в кнопку повторного набора. Секунду спустя аппарат в очередной раз выдал на дисплей сообщение об отсутствии пути до адресата и отключился. Карина бросила его на диван, застонала и ухватилась за голову.

И тут же ее пелефон зазвонил.

– Кто там? – она быстро схватила аппарат и уставилась на дисплей. – Код незнакомый... Слушаю!

– Госпожа Карина Мураций? – осведомился хорошо поставленный баритон. – Я Тук Кисья, специальный корреспондент газеты «Новое время». Не согласишься ли ты...

Карина резко оборвала вызов и обвела присутствующих тоскливым взглядом.

– Видите? – спросила она. – И когда он только успел мой код найти? И как, самое главное?!

Пелефон снова зазвонил, и на сей раз она нажала кнопку отбоя сразу.

– Все, – вздохнула она. – Теперь житья точно не будет. Придется отключать и срочно номер менять. Дядя Дор, ты у нас все знаешь. Можно как-нибудь так новый код получить, чтобы он ни в каких справочниках не значился?

– Можно, – пожал плечами Дентор. – Но дополнительных денег стоит. А можно проще.

Он отобрал у нее пелефон и с полминуты копался в настройках, попутно трижды дав отбой настойчивым вызовам.

– Вот, – сказал он, возвращая аппарат. – Я включил режим запрета. Теперь он примет звонки только от тех, кто внесен в адресную книгу. Вызовы с неизвестных номеров автоматически сбрасываются. Новых допущенных руками указывать надо: сначала внести код в адресную книгу, а потом пометить как разрешенный. Между прочим, Кара, ты и в самом деле можешь подать в суд на журналогу. Закон о тайне личности – вещь серьезная. Кстати, а откуда я помню... как его... третий по счету, который великий художник? Вроде бы живописью я никогда не интересовался, тем более современной.

– Квер Танакис? Помнишь, три года назад мы с тобой в Масарию ездили? – задумчиво потерла лоб Томара. – В гости? Там куча рисунков с его именем на стенах висела. Кара, я правильно помню?

– Правильно, – уныло подтвердила та. – Он у нас несколько раз в гостях бывал. С Палеком спелись не разлей вода – оба лентяи и разгильдяи на одну морду. Турниры рисовальные устраивали, весь дом исчерканной бумагой завалили – Лика тогда еще на бумаге рисовал. Кверу-то публичная реклама – самое то, он со своих рисунков да картин живет. А мне что теперь делать?

– Тоже жить, – усмехнулся Биката. – Раньше же жила. Вот и продолжай в том же духе. Не помирать же теперь, в самом деле. Да ты что, журналистов испугалась? С твоей-то силой? Уронишь одного-другого неудачно головой о фонарный столб, остальные в стороне держатся начнут. Не реагируй на них, не давай интервью, и все нормально. Так, две великолепные дамы и один блистательный господин, есть предложение. Пойдемте прогуляемся, что ли. А то здесь наша Кара точно с ума сойдет. И журналоги сюда нагрянут с минуты на минуту, если уже в засаде у подъезда не сидят.

Не обращая внимание на слабое сопротивление Карины, он за руку вытащил ее с дивана и подтолкнул к гардеробу.

– Одевайся, если только не намерена в халате по улице разгуливать, – решительно заявил он. – В халате не советую, холодно, особенно для нежного тропического растения вроде тебя. Давай-давай, не смотри на меня такими большими грустными глазами, пока я сам не заплакал.

– Давай, Кара, – поддержала Томара, и Дентор согласно кивнул головой. – Надо тебе прогуляться и отойти от потрясения. Я даже знаю, куда отправимся. Океанариум новый открылся на Квадратной площади. Говорят, там просто потрясающая живность. Дор, такси вызови.

– Не надо такси, – вздохнула Карина, сдаваясь. – Тут пешком полчаса идти. По крайней мере, в себя приду.

Она дотянулась манипулятором до валяющегося на диване пелефона и еще рез вызвала Эхиру. Убедившись в бесполезности попыток, она сбросила халат и принялась одеваться.

Несмотря на середину весны, на улице стояла ледяная сырость. За три года, что Карина постоянно жила в Крестоцине, она так и не сумела толком привыкнуть к местному климату. Зима казалась ей слишком промозглой, весна начиналась позже, чем дома, а лето заканчивалось раньше. А зимой даже иногда шел снег. Сейчас дома, в Масарии, уже всю зеленели

листья на деревьях, кое-где начинали цвести вишня и сирень, газоны белели бусинами судзурана. Здесь же из набухших почек только-только робко выглядывали острые язычки, покрывая кроны деревьев легкой зеленой дымкой. С океана налетали порывы резкого сырого ветра, заставляя ежиться даже в теплой куртке. Карина зябко передернула плечами и накинула на голову глубокий капюшон – не только ради тепла, но и чтобы укрыться от нескромных взглядов, которые, как казалось, бросали на нее прохожие.

В выходной день на улице было людно. Дентор шагал впереди, рассекая толпу словно лодка воду, а остальные держались у него в кильватере. Биката с Томарой и Дентором беззаботно болтали, и Карина, поддавшись успокаивающе-мерному ритму ходьбы, почувствовала, что тоска и ужас постепенно отпускают ее. Спокойной неприметной жизни пока что настал конец, да. Но ненадолго – если она станет игнорировать журналистов, через период-другой они найдут себе новую сенсацию и забудут про нее. В конце концов, Закон о тайне личности никто не отменял, и пусть они только попробуют писать свои статейки без ее согласия! Но тетя Хи... как она могла устроить такое, да еще и без предупреждения? Ведь она же прекрасно знает, что Карина относится к публичности лишь как к неизбежному злу! И почему она не отвечает на вызовы? Может, ее тоже достали журналисты?

Постепенно она расслабилась настолько, что стала способна слушать, о чем разговаривают друзья. Биката, как выяснилось, рассказывал про забавный случай с группой уличной шпаны, попытавшейся коллективно изнасиловать Касуху, искина третьей страты, носившей в то время женскую куклу. Группа из трех юных мерзавцев привязалась к ней поздно ночью в Окияме, маленьком городке где-то на Восточном побережье. Городок считался тихим и благополучным, так что Касуха, занимавшаяся какими-то своими таинственными делами, не озаботилась мерами предосторожности. Когда она поняла, что троица вроде бы случайно приставших к ней подростков держит в уме совершенно определенные намерения, то не стала применять к ним силовых мер. Она просто завела их в лесок на окраине города и в полном смысле слова изнасиловала, обездвигив воздействием на нервные узлы, а заодно вызвав многочасовую неспадающую эрекцию – возможно, приятную поначалу, но чем дальше, тем более болезненную. К утру все трое плакали горячими слезами, умоляя их отпустить, и когда Касуха смилостивилась, уползали они буквально на четвереньках – стоять на ногах они не могли.

Томара смешливо фыркала, когда Биката рассказывал об особо пикантных подробностях, а Дентор только качал головой. С одной стороны, как страж порядка и добропорядочный гражданин он не мог не радоваться понесенной молодыми подонками каре. С другой – кажется, он искренне сочувствовал им как мужчина. Карина тайком улыбалась под своим капюшоном.

Биката рассказывал действительно смешно, и она с удовольствием слушала его голос. Конечно, сплетничать невежливо, но, в конце концов, те трое сами виноваты. За прошедшие с их первого знакомства годы Биката сильно изменился. Молодой застенчивый и закомплексованный парень превратился в уверенного в себе мужчину в расцвете сил. Конечно, сейчас здесь не он, а имитирующая его кукла, но в прошлые их встречи он присутствовал сам... наверное. Он возмужал, его взгляд стал спокоен, движения из порывистых и резких превратились в выверенные и плавные. Определенно, ему пошло на пользу пребывание среди искинов Камилла и принятых ими в компанию людей. Она вспомнила, как в пятьдесят втором еще раз побывала на островах. Тогда он уже расстался с Бойрой (точнее, та убрала наскучившее шасси Калайи в дальнюю кладовку) и сошелся с Каллой – или с Руссой? – в общем, с кем-то из живых девушек-воспитательниц. Карина, погостив у него пару часов, внезапно испытала такой приступ ревности к его подруге, что торопливо попросилась и попросила Бойру переправить ее обратно домой. Потом она, разумеется, совладала с собой, даже слегка удивившись остроте нахлынувших чувств. Но налет сожаления остался. Возможно, именно Биката мог стать тем самым мужчиной, с которым она провела бы десяток-другой лет. Впрочем, он жил своей жизнью, она своей, и оба они изменяться не собирались. Нет, не судьба им сойтись. Не судьба.

Но все же приятно видеть его рядом и знать, что есть у нее друг, которому при нужде можно довериться, не скрывая ни своей сущности, ни своих знаний о мире. Определенно, искины правильно сделали, когда решились-таки покинуть свои острова...

В какой-то момент Биката прервался и заглянул ей под капюшон. Карина подмигнула ему, и он облегченно улыбнулся в ответ.

– Ну что, отошла немного? – осведомился он. – Вот и замечательно. А то на тебе лица не было, одни глаза страдальческие. Ну, где там ваш океанариум?

– Почти пришли, – откликнулась Томара. – Вон, видишь высокий дом саженях в трехстах? Он на краю Квадратной площади. Рядом с ним океанариум.

Чтобы попасть внутрь, пришлось выстоять изрядную очередь – сперва за билетами, а потом ко входу. Но, как оказалось, оно того стоило. Океанариум оказался просто шикарным. Он состоял из пяти больших залов, три из которых имели в качестве стен гигантские аквариумы. В одном из них резвилась группа дельфинов, казалось, изучавших посетителей с не меньшим интересом, чем посетители – их. В другом ходили кругами две здоровых, в сажень, крапчатых акулы. В третьем валяжно помахивали лапами несколько больших, диаметром в полсажени, морских черепах, задумчиво обкусывавших водоросли и глядящих перед собой загадочными черными глазами. В аквариумах поменьше крутились стайки ярких рыб с коралловых рифов, ползали крабы, волновались в потоках воды разнообразные морские растения. Колыхались заросли жгучего морского волоса, в которых прятались мелкие рыбки-погремушки, желтые в оранжевую крапинку. Изображали из себя куски черной скалы морские гребни, практически неотличимые от придонных камней, к которым они прижимались. Скаты лежали на дне, а иногда беспокойно трепыхались, обследуя стекло аквариума от дна до самого верха. Высовывались из узких нор мурены с тупыми бессмысленно-злыми выражениями на физиономиях... Несмотря на то, что последние пятнадцать лет она жила на морском побережье, в океанариум Карина попала впервые в жизни, так что с большим интересом всматривалась в подводные чудеса. Правда, иногда она нервно вздрагивала и начинала озираться по сторонам, но тут же брала себя в руки. Вряд ли кто-то из остальных посетителей пришел сюда сразу после передачи. А журналистам ее здесь не выследить.

Два часа спустя, вдоволь набродившись по залам, Карина, Биката, Дентор и Томара вышли на улицу. Дентор с сомнением глянул на часы.

– Ну что, девочки, пора прощаться, – задумчиво сказал он. – У меня сегодня ночное дежурство, в шесть я должен появиться в управлении. А уже почти полшестого. Пойду-ка я от вас, пожалуй. Тома, ты домой? Проводить?

– У тебя времени нет, – махнула рукой Томара. – Да что я, маленькая, чтобы меня провожать?

– Ты? – сверху вниз глянул на нее муж, превосходящий ее ростом по крайней мере сантиметров на тридцать. – Ну, как тебе сказать... Видывал я и покрупнее.

– Топаи уж, ехидина-переросток, – шутливо хлопнула его по руке Томара. – Без тебя доберусь. Кара, давай-ка лучше я тебя до дому провожу.

– Спасибо, тетя Тома, – улыбнулась ей Карина, – но не стоит. Там наверняка толпа журналистов уже собралась. Увидят нас вместе – не отвяжутся от тебя. Би, ты где остановился? Можешь у меня переночевать.

– У тебя? – с сомнением потер подбородок Биката. – Вообще-то я собирался своего чоки домой отправить. Поезд через полтора часа. Хотя могу и задержаться до завтра. Поставлю куклу в уголок и отключусь. Будет она на тебя всю ночь пялиться в качестве моральной поддержки. Завтра утром пробью тебе дорогу в толпе журналистов, а потом выполню заранее продуманный маневр отступления. Угу?

– Угу! – согласилась Карина. – Ладно, тетя Тома, тогда до завтра. Ох, что в отделении будет... Наверняка все сегодняшнюю передачу смотрели. Даже на работу идти боязно.

– Не думай о всяких глупостях, – решительно сказала хирург. – Ничего особенного не случится. Все нормально. И выпей снотворного на ночь, а то опять не уснешь. Проворочаешься всю ночь, завтра явишься зеленая от недосыпа, как лягушка.

Помахав на прощание, Дентор с Томарой скрылись в толпе. Карина посмотрела на Бикату и вздохнула.

– Ну что? – грустно спросила она. – Пошли прорываться до дома? У тебя в кармане ненароком пулемет не завалялся?

– Ты сама себе пулемет, – усмехнулся Биката. – Сколько ты там выжимаешь своими манипуляторами? Полтонны?

– Сто двадцать девять килограмм, – поправила Карина. – Уже три года как вес не увеличивается. Видимо, достигло предела. Но манипуляторы не годятся. Их только я и вижу, и то плохо. А пулемет всем заметен. Впрочем, журналоги всегда безумны, их и пулеметом, наверное, не пугаешь. Ну пошли, пошли, а то я и в самом деле так себя накручу, что не рискну домой вернуться.

Вопреки ее ожиданию море журналистов у подъезда не колыхалось. Навстречу им бросился всего десяток личностей, обвешанных записывающей аппаратурой, и еще два оператора торчали на другой стороне улицы, бесстрастно фиксируя происходящее объективами камер.

– Госпожа Карина, как ты можешь прокомментировать сегодняшние заявления...

– Госпожа Карина, верно ли, что твое похищение партией «Нормальных людей» в сорок девятом...

– Госпожа Карина, пару слов о правах девиантов для наших читателей...

Не обращая на них внимания, Карина с каменным выражением лица прошла к двери подъезда, попутно сдвинув в сторону манипуляторами особо нахальную личность, не пожелавшую уступить дорогу. Сунув в прорезь пластинку ключа, она пропустила вперед Бикату и двинулась было за ним, но, поколебавшись, остановилась и повернулась к выжидательно замолчавшим журналистам.

– Я не намерена комментировать сегодняшнюю передачу, – ровно сказала она. – Материалы обо мне господин Вай Краамс использовал самовольно, разрешения на публичное разглашение тайны моей личности он не получал. В силу нашего давнего знакомства я не собираюсь преследовать его по закону. Однако любого другого журналиста, попытавшегося влезть в мою жизнь без моего согласия, раздену по суду до нитки. А согласия я не дам никому. Выражаю всем глубочайшую признательность за понимание.

Она решительно повернулась и вошла в подъезд, и тяжелая дверь с лязгом захлопнулась за ней.

Два человека, сидящие в автомобиле с затемненными стеклами на противоположной стороне улицы, переглянулись.

– Он? – холодно спросил один, с кожей которого почти сливались темные очки, которые он носил несмотря на вечер.

– Он, – дернул щекой второй. – Господин Сай...

– Шай! – резко оборвал его первый. – Если хочешь со мной сотрудничать, человек с Востока, научись для начала правильно выговаривать мое имя.

– Приношу свои извинения, господин Шай ах-Велеконг, – скрипнул зубами второй. – Да, он. Посмотри на фотографию. За восемь лет, разумеется, люди меняются, иногда сильно, но это он, я уверен. Теперь ты понимаешь, что я вам не лгал?

– Мне не нужен мужчина, – все так же холодно сказал первый. – Мне нужна женщина. Где она?

– Откуда я знаю? – пожал плечами второй. – Сейчас ее с ними нет. Может, она давно его бросила, после столько-то лет. Но он должен знать, где она. Я могу подсказать, к кому в нашем городе можно обратиться, чтобы без лишнего шума украсть человека...

Первый мужчина медленно повернул к нему голову и неторопливо снял очки. И тут же господин Оса Касадака почувствовал, как его горло стискивает невидимое упругое щупальце.

– Дракон не обращается за помощью, – медленно, без малейшего намека на западный акцент, произнес Голова Дракона. – Дракон берет то, что хочет, и платит, если сочтет нужным. Не беспокойся, момбацу сан Оса, мы сами разберемся, когда и как поговорить с ним.

– Однако Дракон вряд ли откажется выслушать разумный совет, – через силу проговорил директор службы безопасности «Визагона». – А я могу дать очень хороший совет. И помо... оказать дополнительные услуги, которые вам наверняка понадобятся.

Ощущение давления на горле исчезло, и он облегченно вздохнул.

– Я услышал твои слова, – безразлично сказал Голова Дракона. – С тобой свяжусь.

Не произнеся больше ни слова, он открыл дверь и выбрался из машины. Нет, не так: только что он сидел в пассажирском кресле, слегка наклонившись вперед, и вот уже целеустремленно шагает по тротуару в одном ему известном направлении, непринужденно лавируя между пешеходами. Господин Оса проводил его взглядом и вздохнул, машинально потирая горло. Возможно, использовать Дракона для сведения старых счетов – не такая уж и хорошая мысль. Особенно с учетом того, что бандит неожиданно оказался девиантом, и почти наверняка – первой категории. Гиперметаболизм – ну надо же! А если они с той девкой стукнутся? Но лавина уже пошла по склону, и единственный способ не угодить под нее – как можно быстрее бежать впереди.

Он плавно тронул автомобиль с места и несколько секунд спустя затерялся в потоке машин, идущем по улице.

06.04.858, перидень. Крестоцин

Утром Бикаты в квартире не оказалось. Накануне вечером он действительно посадил имитирующего его чоки в угол, подмигнул Карине на прощание и отключился. Карина вздохнула, отключила домофон на случай, если кому-то из репортеров или посмотревших передачу сумасшедших вдруг взбредет трезвонить ночью, и села за статью. Сначала взбудораженные мысли металась из стороны в сторону, перескакивая с предмета на предмет, но постепенно работа захватила ее. В конце концов, регенерант нового поколения с избирательным действием оказался настолько интересной и эффективной штукой, что она с большим удовольствием отслеживала его работу на прооперированных пациентах, согласившихся поучаствовать в клинических испытаниях. А разработчики из корпорации «Якугака» с большим энтузиазмом восприняли ее предложение поотслеживать его действие на ткани на уровне, доступном разве что паталогоанатому. Доктор Ракугава оказался очень приятным мужчиной, эрудированным, обходительным и весьма профессиональным, так что работать вместе им понравилось. А когда радуешься своей работе, как не поделиться радостью с другими?

Через два часа она с сожалением отключила терминал, потеряла глаза и отправилась в кровать. Статью она завершила наполовину – на неделе можно успеть ее закончить. Но Томара права – завтра перидень, тяжелый, как и любой другой перидень, и перед ним следует поспать хотя бы часиков шесть.

Забравшись в постель, она на всякий случай помахала рукой кукле, сдвинула в сторонку Парса, забравшегося к ней на кровать и немедленно всей тяжестью придавившего ноги, и приналась расслабляться и успокаивать дыхание. И, вопреки ожиданиям, почти мгновенно уснула.

Утро следующего дня началось с Парса, ровно в пять часов начавшего издавать ужасное дребезжание. Когда Карина спросонья попыталась до него дотянуться, он ловко увернулся от ее руки, спрыгнул на пол и заявил:

– Кара – засоня, проспала, проспала!

– Как – проспала? – Карина рывком села на кровати и схватила с тумбочки часы. – Ох, Парс... Только не говори, что у тебя начало собственное чувство юмора прорезаться. Оно еще хуже, чем у Лики!

Она сладко зевнула, потянулась и поплелась умываться.

Вернувшись из ванной, она внезапно поняла, что куклы Бикаты на месте нет. С недоумением оглядев комнату, она заметила, что терминал включен и помигивает огоньком напоминания. Она подошла к нему и двинула рукой в сенсорном поле, активируя.

В дисплее медленно покачивалась записка. «Карина, – гласила она, – извини, что ушел не попрощавшись, но меня срочно сдернули с места. Старая история – помнишь, как Калайю «Тёбица» похищала? – возникли новые непредвиденные последствия. Тебе ничего не угрожает, но мне нужно срочно исчезнуть, чтобы не эскалировать конфликт, пока не время. Внешность куклы я меняю, чтобы не узнали, а зрелище это малоаппетитное, так что я не стал его тебе демонстрировать. Да и какое тебе удовольствие прощаться с совершенно незнакомой девицей? Я позаимствовал твои шорты и майку, потом верну, а то гулять голышом по такой погоде слишком подозрительно. Потом позвоню, еще поболтаем. Пока. Б.»

Чуть ниже шла приписка:

«Между прочим, идея использовать имя отца в качестве пароля для доступа к сетевому хранилищу не слишком хороша. Ты бы лучше сменила пароль побыстрее».

Карина с нарастающим недоумением перечитала записку дважды. «Непредвиденные последствия»? Восемь лет спустя? Ну ничего себе... Ну ладно, потом она с ним свяжется и выяснит подробности.

На утренней пробежке журналистов она не заметила. Ранним утром на улице не наблюдалось ни души, только в припаркованной неподалеку от подъезда машине с затемненными стеклами сидел какой-то тип. Он полагал, что снаружи его не видно, но Карина заметила его через сканер. Впрочем, тип скользнул по ней равнодушным взглядом, нахохлился и отвернулся. Вот интересно! Может, частный детектив, кого-то выслеживающий? Кого, интересно?

...а не Бикату ли?

Она хмыкнула и отставила шпионские мысли в сторону. Десять саженей спустя она свернула за угол, и машина напрочь вылетела у нее из головы. Мельком она вспомнила о ней, только когда возвращалась – но машина уже исчезла. Глупости, конечно – дождался человек, кого надо, и уехал.

Однако дома ее ожидал сюрприз. Дверь стояла распахнутой настежь, хотя она точно помнила, что захлопнула ее. Воры? Скорее всего. Но замок на ее дилетантский взгляд не казался взломанным. Как его открыли? Ведь фирма гарантирует... Или прав был дядя Дор, утверждавший, что никакая реклама надежности настоящую надежность не заменяет? И что же, интересно, украли?

Пелефон она нашла на своем месте. Бумажные деньги в ящике письменного стола остались нетронутыми. А что еще можно у нее взять? Диагност? На месте. Терминал на месте – в дисплее все еще покачивается текст записки Бикаты – а почему, кстати, он до сих пор не отключился автоматически? Картинки Палека, включая ее портрет, на своих местах на стенах, хотя как раз они-то для понимающей личности и являются самым ценным в квартире. Ее одежда? Да какой вор в здравом уме станет таскать из дома дешевые тряпки? На всякий случай она проверила – шорты, юбки, блузки, куртка и две пары плотных брюк висели в гардеробе как и прежде. Парс?..

Где Парс?!

Она быстро осмотрелась. Ее надежного шестилапого друга нигде не замечалось. Так, спокойно. Не паникуй. Он не мог покинуть квартиру без твоего разрешения. Она осмотрелась еще раз, задействовав сканер. Потом нырнула под кровать и вытащила оттуда кибернетического зверька.

Парс оставался совершенно неподвижным, словно выключенным. Да что же с ним сделали такое? И зачем? Она лихорадочно ошупала его живот в поисках кнопки перезагрузки. Крохотный бугорок легонько щелкнул под пальцами, и несколько бесконечно долгих секунд спустя Парс шевельнулся, приподнял голову и огляделся.

– Парс просыпается, – сообщил он. – Доброе утро, Кара.

Он вывернулся у нее из рук на пол, встряхнулся и ожидающе уставился на нее. Карина чуть не расплакалась от облегчения.

– Парс – самотестирование – суммарный отчет! – приказала она.

– Парс в порядке, – сообщил зверек, подумав. – Сбоев не обнаружено. Последнее критичное событие: аппаратная инициализация после зависания системы по неопознанной причине. Предпоследнее критичное событие: вторжение чужого на охраняемую территорию. Полиция не оповещена из-за общего сбоя системы. Оповестить полицию?

– Чужого? – Карина стиснула зубы. – Парс, сбрось запись мне на пелефон.

Несколько секунд спустя на дисплее появилось движущее изображение. Двое в глухих масках вошли в открывшуюся дверь. Картинка дернулась и сместилась – вероятно, Парс решил укрыться. По изображению побежали строчки протокола – зверек начал инициировать вызов в полицию. Но тут один из неизвестных вытянул руку со странно выглядящим оружием, и ролик кончился. Так. Скорее всего, Парса обработали чем-то, нейтрализующим электронику. И что же хотели воры? Или не воры?

Записка! А если вчера они отследили Бикату и сегодня хотели его поймать? Нужно срочно ему сообщить. Закусив губу, она набрала его номер – тщетно. Отсутствие пути до абонента. Ладно, это терпит. Раз он изменил внешность своей куклы на совершенно непредсказуемую, его не найдут. Точнее, куклу не найдут, а его – тем более. Что дальше? Вызвать полицию? Она бросила взгляд на часы. У нее в обрез времени, чтобы успеть на утреннюю планерку. А полиция – удовольствие на пару часов. В конце концов, ее можно вызвать и позже. Или даже сначала посоветоваться с Тришши – как искать тех двоих, если даже их лиц не разглядеть?

Ничего не пропало. Найти тех двоих невозможно. Значит, и затевать историю с полицией не стоит. С Дентором посоветоваться определенно следует, но разговор вполне можно отложить до вечера. А пока что времени в обрез на то, чтобы позавтракать...

Из-за вечерней лекции Парса она оставила дома. Выбравшись из автобуса и с тоской вспомнив те золотые времена, когда она могла добираться до работы пешком из дома госпожи Докусинны, она в глубоко надвинутом капюшоне куртки прошла по аллее, настороженно оглядываясь, и вышла на широкий тротуар посреди газона перед хирургическим корпусом. Предчувствия ее не обманули. Возле входа клубилась небольшая толпа, сдерживаемая полицейским кордоном. Некоторые совершенно определенно казались журналистами, но остальные, скорее всего, должны оказаться страждущими пациентами. Она вздохнула. Все. Теперь житья не станет от истеричных дамочек, придумывающих себе невесть какие болезни только потому, что накануне вычитали их упоминание в модном журнале. Обычного вахтера в приемном покое наверняка окажется недостаточно. Разумеется, через какое-то время волна схлынет, но до того еще дожить надо. Может, через заднюю дверь? Нет. Незамеченной здание все равно не обогнуть, а там кордона может и не стоять. И тогда превосходящие силы противника ворвутся в больницу на плечах в панике отступающей армии в ее лице...

Она посильнее надвинула капюшон, глубоко вдохнула и расхлябанной походкой двинулась к входу. Она знала, что в таком виде вполне сходит за пятнадцатилетнего подростка.

Сегодня она намеренно оделась так, чтобы усилить впечатление, и сейчас оставалось только гадать, сработает ли маскировка.

Капюшон закрывал почти весь обзор, но она задействовала сканер и через него наблюдала, как медленно, но неотвратно надвигается на нее толпа. Впрочем, не такая уж и толпа. Если приглядеться, то там человек десять репортеров и примерно столько же остальных. И, возможно, далеко не все из них намерены попасть к ней на осмотр. Может, они просто автографы попросить хотят... Чтоб ему ногу сломать, этому Ваю! Ведь теперь даже за Законом о тайне личности не очень-то укроешься – ее личность теперь широко известна всем, и вряд ли суд встанет на ее сторону, если она начнет подавать иски против каждого, кто попытается сделать про нее репортаж.

Маскировка сработала на удивление хорошо. Неузнанной она прошла до самого кордона и остановилась только тогда, когда один из полицейских положил ей руку на плечо.

– Эй, парень! – сурово сказал он. – Куда? Тебе назначено?

Карина приподняла капюшон и подмигнула ему. Господин Мава, молодой улыбочивый парень, был одним из тех, кого она тренировала в зале полицейского управления. Конечно, теперь, когда ее сделали помощником инструктора в зале мастера Теовара Грома, она появлялась в управлении не слишком часто, но все-таки знала в лицо и по имени не менее полусотни патрульных, детективов и бойцов спецотряда. Мава тоже узнал ее и блеснул зубами в озорной ухмылке. Он подмигнул ей в ответ, склонился к уху и шепнул:

– Госпожа Карина, не волнуйся. Мы их не пустим. Кстати, я смотрел вчера передачу. Ты молодец. Но с тебя автограф.

– Договорились! – шепнула в ответ Карина, проскальзывая мимо. Да уж, знакомым точно придется подписывать книжки, открытки и клочки бумаги. Ну ничего, их куда меньше, чем сторонних зевак. Авось руки не отвалятся.

Но почему она никак не может дозвониться до тети Хи? Или та тоже скрывается от журналистов, а потому отключила пелефон? Но почему тогда не позвонила сама?

Поздоровавшись с дежурными и вахтером, она миновала приемный покой, переобулась и взбежала по лестнице на второй этаж. Утренняя семичасовая планерка вот-вот должна начаться, и в ординаторской уже собрались и ночная дежурная смена, и хирурги, появившиеся для плановых обходов и операций. Когда она вошла в дверь, на мгновение наступила тишина, тут же взорвавшаяся одобрительным ропотом и аплодисментами вразной. Ее тут же окружили, смеясь и тормоша.

– Привет, знаменитость! – хлопнул ее по плечу Вакай, молодой хирург, младше ее на два года. – Классную кинушку про тебя вчера замутили! Мне понравилось. Теперь всем стану говорить, что работаю с самой Кариной Мураций. Все девчонки мои будут!

– Классную, классную... – проворчал доктор Кулау, протискиваясь мимо нее к кафедре. – Мне сегодня с пяти утра названивают, интересуются, как к тебе на прием записаться, звездочка ты наша неугасимая. Не только знакомые названивают, но и совершенно чужие. Я уже устал отвечать, что ты сама прием не ведешь, что к тебе только по направлениям других врачей. И откуда только мой номер узнают? Господа и дамы, есть предложение обсудить посторонние события после того, как закончим собрание. Не забывайте, дежурные, в отличие от вас, ночью не спали. Рассаживайтесь же, в конце концов!..

После планерки Карине еще полчаса пришлось отбиваться от вопросов коллег. Разумеется, все знали про ее способности – про нее как про легенду отделения новых сотрудников и интернов просвещали едва ли не с порога. Многие из врачей даже злоупотребляли ее терпением, то и дело приглашая к своим пациентам подтвердить диагноз или посмотреть, как идет заживление. Однако она по своей давней привычке не рассказывала о себе ничего сверх абсолютно необходимого, а потому про Институт человека никто, кроме Томары и Кулау, не знал. Равно как никто не знал про ее работу в комиссии Минздрава, занимавшуюся изучением спо-

собностей девиантов. Когда ей, наконец, удалось отделаться, сперва намекнув, а затем заявив открытым текстом, что их всех вообще-то ждут пациенты, она уже чувствовала себе вымотанной. А ведь день только начинался!

С пациентами оказалось не лучше. Трое прооперированных на днях чувствовали себя прекрасно и, разумеется, коротали дни отнюдь не за чтением книжек или изучением чего-то полезного, а за просмотром всех телепрограмм подряд. И все трое пытались выразить ей свое восхищение даже тогда, когда она их осматривала.

– Знаешь, госпожа Карина, я с таким волнением смотрела фильм про тебя! – рассказывала ей госпожа Хакуба, немолодая полная тетка, которой за два дня до того Карина убирала камни в желчном пузыре (под неглубоким общим наркозом раздробить их манипуляторами и осторожно вывести через желчный проток – на пятнадцать минут дел с ее способностями и на полчаса как минимум – с традиционной техникой). – Я так боялась, так боялась, когда рассказывали про твой побег из Института! Скажи, душечка, как там у меня внутри? Все в порядке? Признаться, я как-то совсем не верила поначалу, что ты мне можешь помочь, не протыкая живот, но теперь-то я понимаю, как ошибалась! Ведь все в порядке, да? – спрашивала она, заглядывая Карине в глаза, когда та осматривала через свой сканер прочищенный желчный пузырь.

– Все в порядке, госпожа Хакуба, – кивнула Карина. – Осложнений не предвидится, готовься к выписке. Сегодня тебя отпустят домой...

Остальные двое вели себя не лучше, и когда она добралась до первого пациента, назначенного сегодня к операции, то чувствовала, что находится на грани белого каления. Ну неужели нельзя держать свои чувства при себе? Как она должна оперировать, накрученная?

Впрочем, операций на сегодня хотя и назначили сразу четыре, три из них предстояли очень легкие – точнее, легкие для нее. Работай она традиционными методами, все оказалось бы куда хуже.

Первого пациента она обработала за пятнадцать минут. Он давно страдал сахарным диабетом, на фоне которого у него начала развиваться невропатия. Пока, к счастью, в слабой форме – кубитальный синдром был выражен не очень сильно, онемение мизинца на правой руке возникало нечасто и обычно во сне. Воспаление кубитального нерва в лучезапястном канале пока оставалось слабым, и все, что ей следовало сделать – разделить связку и фиброзное покрытие, чтобы улучшить циркуляцию крови. Скорее всего, продолжительного эффекта операция не даст, но на какое-то время притормозит развитие процесса – а там уже можно определяться с долгосрочной стратегией. Традиционные методы потребовали бы тонкой нейрохирургической операции, но ее сканер в сочетании с наноманипуляторами позволял ей выполнить декомпрессию нервного волокна почти мгновенно.

Вторая операция, как и у госпожи Хакубы, была на камнях в желчном пузыре. Как и в прошлый раз, она заняла минут пятнадцать, причем большая часть времени ушла на осторожное, чтобы случайно не повредить проток, выведение образовавшегося песка.

Третья операция состоялась на колене пациента, профессионального бегуна, травмировавшегося в ходе каких-то состязаний. В другой ситуации разрыв внутренней части латерального мениска потребовал бы долгой и сложной эндохирургической операции на коленном суставе, вследствие которой пациенту, возможно, даже пришлось бы уйти из спорта. Но Карина уже делала такие операции и ранее – срастить разорванные ткани наноманипулятором для нее особого труда не составляло. Правда, скорость срачивания ткани мениска оставляла желать лучшего, так что ей пришлось с каменной физиономией сидеть над погруженным в неглубокий сон – исключительно чтобы не крутился и не действовал на нервы – пациентом почти час.

И нейрохирургия, и ортопедия вообще-то были совершенно не по профилю хирургии Первой городской, специализировавшейся в основном в торакальной и абдоминальной сферах. Как правило, подобного рода операции выполнялись здесь только в качестве сопутствующих –

например, когда доставляли пострадавших в автокатастрофах. Да и то частенько для их проведения приглашали хирургов из Третьей и Пятой больниц. Но этих двоих Карине сосватали коллеги по университету, прослышавшие об ее способностях. Хотя доктор Кулау хмурился и ворчал, что нельзя объять необъятное и что лучше делать немного, зато хорошо, Карина, в общем-то, не возражала. Если можно помочь людям без особых усилий, почему бы и нет? Ей несложно. Заодно и опыта набирается.

К десяти часам она закончила третью операцию и пошла переодеваться в операционную пижаму. Четвертой намечалась ликвидация пилоростеноза у новорожденного мальчика. Раньше на пилоромиотомии она только ассистировала, а сегодня впервые, хотя и под присмотром Томары, намеревалась выполнить операцию самостоятельно – разумеется, собственными методами. С грудным ребенком Карина работала впервые, так что изрядно нервничала даже без внезапно свалившейся ей на голову нервотрепки с известностью. Она не раз ругала себя, убеждая, что в двадцать восемь лет ей, довольно опытному хирургу и мастеру Пути, испытывать такие же эмоции, как и в двадцать, просто неприлично. Организм, однако, убеждениям не поддавался.

Впрочем, все прошло на удивление гладко. Хотя Томара все же ввела лапароскоп в брюшную полость ребенка, готовая в любой момент вмешаться, этого не потребовалось. Карина, зажмурившись, чтобы не отвлекаться на визуальные образы, уверенно провела рассечение привратника желудка своим манипулятором в соответствии со всеми канонами. Зарастив внутреннюю рану и разрез для лапароскопа и удостоверившись, что ребенок в норме, она с облегчением вздохнула, стянула перчатки и ушла в ординаторскую – приходит в себя от напряжения, а заодно и заполнять истории болезни.

Когда она закончила разбираться с текучкой и пообедала в больничной столовой, до лекции осталось полтора часа. Час добираться до университета – и полчаса на что? Бездельничать на кафедре? Впрочем, бездельничать не получится – в университете придется пройти через тот же шквал вопросов, изумлений и недоумений, что и здесь, в больнице. Лучше, чтобы на них осталось побольше времени, иначе она появится на лекции вконец издерганной и замотанной. Она осторожно выбралась из больницы через задний выход, о котором, к счастью, тусующиеся у больницы посторонние еще не догадались, и обогнула здание на максимальном удалении от центрального входа. Уже на автобусной остановке она облегченно расслабилась – здесь ее под капюшоном никто не узнает. Но долго ли она сможет так маскироваться? И вообще, бегать от проблемы – не лучший метод ее решения. Придется все-таки научиться не замечать журналюг и прочих приставал. А там, глядишь, им и самим надоест за ней таскаться.

На кафедре к ней, вопреки ее ожиданию, цепляться не стали. В комнате сидели только двое младших ассистентов, с которыми она никогда не была слишком близка, так что она забилась в дальний угол, включила терминал и начала просматривать в дисплее конспект лекции, восстанавливая в памяти ключевые моменты. Но тут в помещение заглянул завкафедрой, профессор Ян. Увидев ее, он прямо-таки расплылся в улыбке облегчения. Он подошел к ней, поздоровался, несколько секунд помялся и наконец произнес:

– Госпожа Карина, тут такое дело...

– Да, господин Ян? – вежливо осведомилась Карина.

– Ну... могу я попросить тебя пройти в мой кабинет? Там... моя тетушка сидит. У нее обнаружили геморроидальные узлы в прямой кишке, и она... хм, она полагает, что врач, ставивший диагноз, ошибся. Она видела вчерашнюю передачу, и... Ты не могла бы... хм, осмотреть ее по-быстрому?

Карина подавила искушение немедленно отказаться. Тетушка. Тетушка начальника. Раз та вынудила деликатнейшего завкафедрой просить ее о личном одолжении, о характере новой пациентки остается только догадываться. «Полагает, что врач, ставивший диагноз, ошибся»? Ой, мамочки... Она отключила терминал и, сдержав вздох, поднялась.

– Конечно, господин Ян, – вслух произнесла она. – С удовольствием осмотрю.

Ее наихудшие ожидания оправдались. Тетушка, дородная женщина лет пятидесяти с небольшим, царственно восседала в гостевом кресле крохотного кабинета заведующего. На ее обрюзгшем лице явно читалось неудовольствие.

– Здравствуй, госпожа, – вежливо сказала Карина. – Меня зовут Карина. Рада знакомству, прошу благосклонности.

– Уси, – буркнула тетка. – Пожалована. Вот что, милочка, раз ты такая выдающаяся, объясни мне, что мой врач за дурацкие диагнозы ставит? Ведь я же ему совершенно определенно сказала, что...

– Прошу прощения, госпожа, – ледяным тоном перебила ее Карина, – но я не думаю, что квалифицированный врач может поставить диагноз, описывающийся словом «дурацкий». Я могу подтвердить или опровергнуть его слова, но сначала мне потребуются детали. Прошу, опиши мне, что с тобой происходит.

– Я прочитала в «Современной женщине», что в наше время рак прямой кишки особенно свирепствует, – величественно поведала тетка. – И симптомы там написали совершенно определенные. Как раз то, что у меня происходит. Боли в... ну, ты сама понимаешь, где. И вообще все как при раке. А мой врач уже полтора периода меня усиленно от геморроя лечит, лечит, и все никакого толку. Ты уж посмотри, будь добра, что у меня там на самом деле.

– Госпожа, – Карина сменила ледяной тон на терпеливо-спокойный, – я не могу поставить диагноз просто так. Мне потребуются анализы, как минимум гистологическое исследование и анализы крови, которые назначаются при подозрении на рак. Делали ли их тебе?

– Откуда я знаю? – удивилась госпожа Уси. – Что-то он мне назначал, но, между нами, я думаю, что он просто за анализы денег побольше содрать хотел.

– Понятно, – Карина вздохнула. – Госпожа, я прошу понять меня правильно. Я не могу сейчас поставить точный диагноз – это слишком большая ответственность, особенно при подозрении на рак. Но я просмотрела твою прямую кишку, и я не вижу там ни малейших его признаков. Типичные геморроидальные узлы присутствуют, но я не вижу показаний к срочной хирургической операции. Консервативное лечение может оказаться ничуть не менее эф...

– Милочка, ты много умных слов говоришь, а я всего лишь старая глупая женщина, – перебила ее тетка, складывая руки на животе и неодобрительно поджимая губы. – Но в «Современной женщине» ясно сказано: при таких симптомах нужно срочно хирургическое вмешательство. Иначе и помереть можно.

– Тетушка, – нервно вмешался завкафедрой, – я думаю, что госпожа Карина права, и она полностью согласна с твоим лечащим врачом. Незачем доводить до...

– А ты всегда был слишком мягкотелым, племянничек, – фыркнула госпожа Уси. – Да какое мне дело, что считает какой-то докторишка, только вчера университет закончивший, а уже себя светилом считающий? Небось, в газеты не глупее его люди пишут. Так что, госпожа Карина? Когда операцию делать будешь?

– Я?! – Карина опешила. – Приношу свои нижайшие извинения, госпожа, но про операцию речи не идет. По крайней мере, я не могу тебя оперировать. Если ты настаиваешь на хирургическом вмешательстве, твой лечащий врач наверняка...

– Что значит – «не могу оперировать»? – грозно нахмурилась тетка. – Яни вполне определенно сказал, что ты при необходимости убереешь мне там все, что мешает, и без всяких там скальпелей.

– Тетушка, я совсем не то... – открыл было рот завкафедрой.

– А ты молчи! – рыкнула тетка. – Выучили тебя на свою голову, слишком образованным стал! Не с тобой разговариваю!

– Госпожа! – торопливо сказала Карина. – Я не могу тебя оперировать, еще раз приношу свои извинения. У меня очередь плановых операций расписана на несколько периодов вперед,

и я, так сложилось, в основном занимаюсь случаями, когда мои способности могут принести наибольшую выгоду пациенту. Я работаю только по направлению лечащего врача и только если главврач отделения сочтет целесообразным. Прости, госпожа, у меня лекция через несколько минут, мне нужно сосредоточиться.

Коротко кивнув на прощание, она выскочила из кабинета. Тетка что-то возмущенно заговорила у нее за спиной, но Карина ее уже не расслышала. Несколько секунд спустя доктор Ян снова зашел в помещение кафедры.

– Извини, госпожа Карина, – развел он руками. – У моей тетки... властный характер. Нет, разумеется, у нее рака, я смотрел ее историю, но я полагал, что когда она услышит подтверждение от тебя... – Он тяжело вздохнул.

– Да ладно, господин Ян, – через силу улыбнулась Карина. – Не страшно. Я понимаю, с родственниками всегда непросто.

Профессор признательно улыбнулся ей в ответ и вышел. С полминуты Карина тупо смотрела в дисплей, но потом тряхнула головой и закрыла конспект. Все равно в голову уже ничего не лезло. Ладно, выкрутится. Она встала, подошла к окну и какое-то время смотрела вниз, на университетскую площадь, по которой в разных направлениях спешили люди, под сырым весенним ветерком зябко кутаясь в теплые плащи и куртки. Да, за три года она так и не смогла привыкнуть к холодной местной весне. Может, стоило все же остаться работать в одной из больниц дома, в Масарии? С другой стороны, Масарийский университет, конечно, не может сравниться с Крестоцинским ни по размерам, ни по оборудованию, ни по опытным преподавателям, у которых всегда можно что-то почерпнуть для себя... Она едва слышно вздохнула. Все аргументы за и против она уже тысячу раз прокручивала в голове, да и к крестоцинской погоде давно уже приуровнилась, благо здесь столько хороших друзей. И все-таки... все-таки дома, в Масарии, лучше.

Она бросила взгляд на часы и торопливо вышла из комнаты. Спустившись на два этажа ниже, она вышла в коридор – и замерла, пораженная. В двадцати шагах перед ней возле двери аудитории стояла группа человек из двадцати, над которой реяли неровно, от руки написанные плакаты. «Девиантам – нет!» – гласил один из них. «Не допустим неравенства!» – утверждал второй. «Девиантов – вон!» – требовал третий. Толпа состояла в основном из юношей лет восемнадцати-двадцати, но замечались в ней и вполне взрослые мужички и тетки. С полдюжины журналистов крутились вокруг – кто-то щелкал камерами, кто-то брал интервью, кто-то просто что-то быстро вбивал в свой пелефон. Чуть в стороне пристроились два телеоператора, увешанные объективами камер, с лицами, закрытыми зеркальными щитками контроль-панелей. Объективы хищно поблескивали линзами, автоматически подстраивая фокус. Перед толпой стоял директор медицинского факультета, профессор Карака, и что-то яростно втолковывал пузатому мужичку в неопрятном сером костюме, неслышный за общим гулом. Мужичок отмахивался. Рядом неуверенно переминались три человека в форме университетской охраны. Вдоль стен выстроились с интересом глазющие на происходящее юноши и девушки, в некоторых из них Карина опознала своих студентов.

Пока она переваривала увиденное, ее заметили.

– Вот она! – взвился вопль, и все лица и объективы повернулись к ней. Гул голосов разом стих. От неожиданности Карина даже немного попятилась, но тут же взяла себя в руки. Вот, значит, как? Она глубоко вздохнула и решительно двинулась вперед.

Когда до толпы осталось несколько шагов, ее передние ряды начали откатываться назад. Карина остановилась, уперла руки в бока и обвела всех взглядом.

– Ну и что здесь происходит? – почти ласково осведомилась она.

– Госпожа Карина! – немедленно ринулся вперед один из журналистов. – Как ты можешь прокомментировать народное возмущение твоим присутствием в университете?

– Очень просто, – Карина обратила на него ледяной взгляд. – У меня через пять минут лекция, и эти личности очевидным образом ее срывают. Похоже, они не задумываются, что однажды могут попасть на операционный стол к врачу, пропустившего лекцию по их вине. Господин Карака, я полагаю, следует вызвать полицию.

– Вот! – затряс пальцем в воздухе пузатый мужичок. – Вот! Смотрите – она еще и смеет затыкать рот простым людям, которые пришли выразить ей свой протест!

– Протест против чего? – осведомилась Карина. – Против того, что государство два года измывалось надо мной, десятилетней девочкой, в Институте человека, пока «простые люди» полеживали дома на диванах? Или против того, что я лечу людей от болезней, от которых не может вылечить больше никто?

– Мы протестуем против того, что человеку с такими мерзкими способностями доверяют учить... – завершал было мужичок, но директор факультета решительно его оборвал:

– Ну вот что, хватит! Или ты немедленно покинешь университет вместе со своими молодчиками, или я вызову полицию.

– Да, пошел вон! – поддержал его звонкий юношеский голос. Один из студентов отлепился от стены и шагнул вперед. – Мы сами разберемся, кому доверяем, а кому нет!

– Правильно! Верно! – поддержали его другие голоса, и студенты и студентки начали со всех сторон угрожающе придвигаться к пришлым. – Катитесь отсюда, пока по башке не получили!

Мужичок растерянно оглянулся и скривился:

– Да, мы уйдем! Но ты, – он ткнул пальцем в Карину, – не надейся, что мы тебе это спустим! Убирайся из университета, который содержится на народные деньги, тварь!

Он демонстративно плюнул на пол, развернулся и пошел сквозь расступившуюся кучку приспешников. Те нестройно потянулись за ним, оглядываясь. В их глазах читались злоба и угроза. Журналисты немедленно окружили Карину плотной стеной.

– Госпожа Карина, как ты можешь прокомментировать случившееся? – резко спросила женщина средних лет в серой блузке и короткой черной юбке. – Ты считаешь оскорбления незаслуженными?

– Я считаю, что у меня уже лишь три минуты до лекции, – огрызнулась Карина. – И опаздывать на нее я не собираюсь. Прошу, позвольте мне пройти.

Она решительно протиснулась между двумя журналистами – только для того, чтобы оказаться нос к носу с директором факультета.

– Не обращай на них внимания, госпожа Карина, – сумрачно сказал он. – Сейчас их отсюда выведут. Вы трое! – он обернулся к растерянно мнущимся охранникам. – Проследите, чтобы посторонние покинули здание. Тоже мне, служба безопасности! Извини, госпожа, у меня тоже лекция, но если что, не стесняйся звать меня и охрану.

Карина посмотрела, как охранники подталкивают в сторону лестницы вяло сопротивляющихся журналистов, досадливо покачала головой и повернулась к выжидающе смотрящим на нее студентам.

– Господа и дамы, прошу в аудиторию, – ровно произнесла она. – Пора начинать занятие.

В аудитории она, однако, обвела взглядом несколько десятков пар уставившихся на нее глаз и вздохнула.

– Приношу извинения за случившееся, – устало сказала она. – Боюсь, что случай не последний. Я очень признательна вам за моральную поддержку, но прошу – не ввязывайтесь.

– Госпожа Карина! – немедленно вскочила с места миниатюрная черноволосая и черноглазая девица. – А правда, что ты вылечила от рака триста пятьдесят человек?

– Нет. Не знаю, откуда господин Вай взял эту цифру, – фыркнула Карина. – В фильме, если вы заметили, она не фигурировала – его, к счастью делала куда более компетентная особа. Три с половиной сотни – плюс-минус пара десятков, я не считала – количество пациентов,

которых я оперировала своими методами. Я делала самые разные операции, но настоящих раковых больных среди них оказалось всего двенадцать. И из них только трое дошли до стадии, когда традиционная медицина не могла помочь. Рак сегодня обычно выявляют на самых ранних стадиях, а методы лечения с помощью современных химических препаратов позволяют давать благоприятный прогноз даже в запущенных случаях, которые еще лет пятнадцать-двадцать назад считались безнадежными. Так что опухоль, выявленная на финальных стадиях, сегодня огромная редкость. Нет, в безусловный плюс я могу записать всего троих – двоих здесь, в Крестоцине, и одного в Масарии.

– А ты действительно умеешь видеть людей насквозь с помощью эффектора, госпожа? – поинтересовался серьезный, сумрачного вида юноша. – А сложно с его помощью оперировать?

– Могу, – усмехнулась Карина. – А сложности почти никакой. Эффектор – очень умная машина, он нуждается только в общих указаниях. Остальное он делает сам. Моей заслуги здесь, если честно, нет практически никакой.

– Машина? – удивленно осведомился Мотиира – девиант из «особой группы». – Но я не... То есть, каким образом он может быть машиной? Он же невидимый!

– Машины бывают разные. Эта вот невидимая, однако не менее умелая, чем те, что можно пощупать руками. Только не спрашивай меня, каким образом она работает, я не знаю. Пспрашивай лучше у физиков в известной тебе лаборатории, может, они в курсе. Так, народ, тишина в аудитории! Время идет, незачем его на пустяки тратить. Тема ближайших лекций – патологии поджелудочной железы. Тема чрезвычайно обширная, подробно она будет рассматриваться на соответствующем спецкурсе в следующем семестре. В рамках данного же курса она затрагивается лишь в общих чертах. Итак, первый раздел сегодняшнего занятия – повторение пройденного. Начнем с функциональной анатомии поджелудочной железы...

Когда по коридорам факультета прокатился звонок, возвещающий конец лекции, студенты задвигались и зашумели. Карина отошла в преподавательский угол и тяжело уселась на стул. Она чувствовала себя полностью вымотанной – и физически, и морально. Она оперла локти о столешницу и спрятала лицо в ладонях, пальцами массируя глаза.

– Госпожа Карина!

Она подняла голову. Рядом со столом стояла небольшая группа студентов. Никого из них она в лицо не помнила.

– Госпожа Карина! – произнес сумрачный юноша – тот, что спрашивал про эффектор в начале занятия. – Я... мы не хотим быть невежливыми, мы не станем приставать. Мы только... ну, хотели сказать, чтобы ты не беспокоилась. Если те придурки появятся снова, мы им так наваяем, что встать не смогут. А не появятся, так пусть себе болтают, что хотят. Дураков много. Мы, если у тебя проблемы возникнут, и к главному директору университета пойти можем. Вот, в общем...

Он неловко поклонился, и вся группа развернулась, чтобы уйти.

– Постойте! – сказала Карина. Она со слабой улыбкой оглядела молодых ребят и покачала головой. – Я очень ценю ваше отношение. Не привыкла я к поддержке, если честно, так что вдвойне благодарна. Только очень прошу – не пытайтесь никому... э-э-э, «навалить», особенно с учетом того, что у меня самой такое искушение возникает. Достаточно того, что неприятности у меня самой, чтобы еще и вас вытаскивать. Не забывайте, – она неожиданно весело подмигнула, – что у меня все-таки первая категория, не говоря уже про зеленую ленту, так что навалить я смогу и сама.

Последовала волна ответных смешков, и студенты, поклонившись, двинулись к выходу. Карина задумчиво смотрела им вслед. Кстати, раз уж речь зашла о лентах. Сегодня нужно обязательно дойти до спортзала окружного управления. А то она там уже неделю не появлялась. Пусть даже у нее нет формальных обязательств, но все равно так невежливо. И потом, нужно обязательно с кем-нибудь посоветоваться по поводу утреннего вторжения в квартиру.

Она решительно поднялась, вышла из аудитории и по стремительно пустеющим коридорам двинулась в сторону кафедры. Нечего расклеиваться! А ну-ка – раз-два, раз-два...

07.04.858, огнедень. Горагия, автономная область Сэтата

Последовавший за передачей Вая Краамса скандал имел все шансы стать крупнейшим политическим событием текущего года. Уже на следующий день, в перидень, партия «Нормальных людей» публично заявила об исключении из своих рядов господина Ясупики, а Глашатай Ассамблеи принял его заявление о сложении с себя депутатских полномочий. «Нормальные» изо всех сил пытались преуменьшать значение данного события, но на их потуги никто не обращал внимания. Развивающийся скандал носил откровенно глумливый характер, и количество анекдотов и карикатур на тему «нормального»-девианта в Сети перехлестнуло все мыслимые границы. Однако чувствовалась в происходящем и настороженно-опасливая нотка. Если раньше каждый человек, переступивший десятилетний порог и не заметивший за собой особых способностей, автоматически мог считать себя «не-чудищем», то сейчас все мгновенно и радикально изменилось.

Разумеется, за девятнадцать лет, прошедших после выявления первых девиантов, общество успело привыкнуть к ним, как привыкают к уродливой, но, в общем-то, безопасной бородавке. Вопреки паническим заявлениям «нормальных», предрекающих ужасные беды из-за самого факта существования особых способностей, ни в какие серьезные неприятности девианты не попадали. Во всяком случае, массово. Да, случалось, что полиция ловила воришек и грабителей, применявших свои способности в криминальных целях, но ни разу эти способности не превышали третью категорию. Дети-девианты первых двух категорий сразу после подтверждения способностей словно проваливались сквозь землю, и ни разу ни один журналист не сумел раскопать, где они находятся и чем занимаются. Во всяком случае, официально – за явное нарушение Закона о тайне личности можно было поплатиться весьма серьезно, неважно, о девиантах речь шла или о ком-то другом. Так что особые способности в общественном сознании постепенно заняли ту же нишу, что и недержание мочи: человек, в общем-то, не виноват, что им страдает, и до тех пор, пока намеренно не привлекает к своей проблеме внимания, может жить спокойно. Разговоры о них оказались отнесены к разряду невежливых, так что девианты если и обсуждали свои возможности, то только в узком кругу близких родственников и доверенных друзей.

Однако такое оставалось возможным, пока особые способности относились к разряду редких отклонений. Объявленная профессором Саем статистика о пятнадцатипроцентной вероятности их обретения во взрослом возрасте радикально изменила расклад. Не имело значения, что такие способности можно разглядеть разве что под микроскопом. Важен был принцип – а также тот факт, что, по большому счету, никто так и не знал, откуда появился вирусный эффектор и на что он вообще способен. Пятнадцать процентов населения с пятой категорией – следствие применения новых технологий обследования? Или самостоятельного и никому не заметного развития эффекторов? А если последнее – до какого уровня эффектор может развиваться у взрослого человека? Люди начинали заметно нервничать. На форумах в Сети количество переосмысливших свои прежние взгляды резко возросло, и дискуссии об особых способностях вспыхивали особо жарко.

Однако запущенному Ваем Краамсом скандалу оказалось не суждено стать главной темой сезона.

Еще в достославные времена Тысячелетней империи Майно свободный город Зерапон являлся одним из основных очагов сопротивления экспансии Камилла. Разумеется, его жители знать не знали ни об Игре, ни о навязанных ею ограничениях на размеры подконтрольного ему пространства и населения – как не знали о том, что он твердо намерен не нарушать огра-

ничения как можно дольше. Не знали – а потому сопротивлялись Империи со всей яростью людей, защищавших свою свободу от полудиких южан, к каковым относили всех, родившихся далее полутора сотен верст от своей родной бухты. Холодная кровь северных горцев закипала от одного только имени Майно, и наемники стекались в город с половины континента, чтобы вставать под флаги и паруса небольшой, но хорошо тренированной и отважной армии.

В стратегическом плане положение Зерапона являлось практически идеальным. Очень похожий на далекого южного брата-близнеца город Крестоцин, он располагался на крутых берегах широкой океанской бухты с узкой извилистой горловиной. Могучие цепи перекрывали в нее вход, оберегая от атак с моря, в то время как узкие горные проходы не позволяли имперцам использовать численное преимущество своей армии для вторжения. Ситуация усложнялась тем, что город являлся практически единственным портом на участке побережья в полтысячи верст – и к северу, и к югу от него побережье представляло собой хаотическое нагромождение острых скал, непрестанно изнуряемых бешеным прибоем, сквозь который пробиться было нелегко даже маленькой верткой рыбацкой лодчонке, не говоря уже про неуклюжие торговые суда. Взять город блокадой удалось бы только при условии, что вся торговля в окрестностях оказалась бы парализованной на многие периоды, а то и годы. Подобная ситуация неизбежно привела бы к взрыву на окружающих теоретически покоренных территориях, что могло повлечь за собой цепочку восстаний и отделений огромных областей по всей северной границе Империи. А подобная ситуация резко снизила бы финальный счет Игры. Так что до поры до времени игравший роль Майно Камилл не трогал Зерапон, предпочитая худой мир доброй ссоре и позволяя ему оставаться одним из главных очагов сопротивления. В конце концов, если он не намеревался заканчивать Игру, ему так или иначе пришлось бы оставлять кого-то за пределами своей Империи – особенно с учетом планируемой экспансии на Западный континент.

Но когда Камилл окончательно решил остаться повелителем Текиры на веки вечные и провел необходимые, как ему казалось, модификации в механизмах Станции, контролирующей пленочную границу локального континуума, а заодно и местные законы физики, нужда в осторожности отпала. Так что в шестьсот двадцать пятом году он с интервалом в сорок с небольшим дней в ходе тщательно спланированных операций захватил сначала Зерапон, а потом и Крестоцин. Однако через несколько дней после падения Крестоцина Демиург Джао, выступая в роли Арбитра, спровоцировал Камилла на уничтожение Станции, тем самым доказав его психическую неадекватность, и принудительно прекратил Игру. Предоставленной самой себе, Империи Майно стало не до освоения новых территорий, так что и Зерапон, и Крестоцин менее чем за год снова превратились в свободные города. Даже несмотря на прошедшее десять лет спустя буйство цунами оба города быстро вернулись к процветанию. Благодаря удачному береговому ландшафту, почти полностью блокирующему энергию ударов гигантских океанических волн, они остались крупными морскими портами, захватившими практически полную монополию на морские перевозки. Хотя межконтинентальная торговля прекратилась на почти полтора столетия, вдоль восточного, южного и западного побережья Восточного континента бойко сновали торговые кораблики, перевозя солидные объемы грузов гораздо быстрее, чем могли обеспечить медленные обозы на лошадиной и ослиной тяге.

Однако спустя столетие после окончания Игры, в семьсот тридцать втором, Крестоцин, в отличие от Зерапона, принял-таки предложение Республики Катонии о вхождении в ее состав. Возможность беспешинной торговли с большей частью материка оказалась слишком привлекательной, чтобы против нее могла устоять исторически сложившаяся неприязнь к Республике со стороны расчетливых крестоцинских купцов. К тому времени на материке появились первые железнодорожные линии, по которым чугунные паровые чудовища тянули пока еще куцые грузовые составы. Мудрые головы в городском совете Крестоцина, заглянув в будущее, осознали, что роль ведущего морского порта вскоре станет куда менее важной, чем крупного железнодо-

рожного узла, и ради грядущих выгод единодушно приняли решение присоединиться к бывшему врагу.

В отличие от Крестоцина Зерапон оказался куда более упрямым в своей неприязни. Обширная горная страна не очень-то предрасполагала к прокладке железных дорог, по крайней мере, с применением строительных технологий восьмого века от рождения Империи. Караваны мулов и ослов в каменистой гористой местности оказались куда более сподручными, чем паровозы. Железная дорога пришла в эти края почти одновременно с двигателем внутреннего сгорания, установленным на неуклюжую железную раму примитивного грузовика, и динамитом, использовавшимся для прокладки тоннелей. Она не играла особой роли вплоть до самого начала девятого века. Поэтому прибрежное судоходство продолжало играть здесь главенствующую роль.

Кроме того, местные народности сохранили свою обособленность. Если на территории Империи Камилл обеспечивал тщательное перемешивание и ассимиляцию племен и народов, чтобы свести к минимуму риск возникновения сепаратистских движений, то на северной ее границе люди продолжали жить так, как жили их деды и прадеды: на той же земле и по тем же обычаям. Память об угрозе с юга передавалась там по наследству, не самым лучшим образом влияя на отношения со стремительно крепнущим Югом. Разумеется, после почти двух с половиной столетий относительного мира, нарушаемого как максимум небольшими локальными стычками, жгучей ненависти они не испытывали. Да и жить с богатым и сильным южным соседом следовало в мире. Однако отсутствие ненависти не означает автоматического наличия любви, так что небольшие государства Северного пояса, и в первую очередь – Горагия, столицей которой со временем стал Зерапон, не упускали возможности продемонстрировать свою самостоятельность. Четыре Княжества пользовались сложившейся ситуацией для дипломатических и шпионских игр с опорой на «нейтральные» площадки, так что в Зерапоне сформировалась самая крупная резидентура ЧК, а сама Горагия частенько использовалась в качестве плацдарма для проведения больших разведывательных операций против Катонии. Правительство Горагии прекрасно о том знало и не возражало: помимо прочего такое положение позволяло горагийским фирмам брать кредиты в банках ЧК под обеспечение и на условиях, недопустимых для коммерсантов других стран. Знали о горагийской резидентуре ЧК и спецслужбы Катонии. Однако они, во-первых, мало что могли с ней поделать и, во-вторых, отыгрывались, содержа ничуть не менее развитые резидентуры в северных пограничных грашских городах. Поскольку Грашград с Каменным островом традиционно любили друг друга ничуть не больше, чем Зерапон с Оканакой, Глаза Великого Скотовода предпочитали не замечать катонийских нелегалов.

Такая игра велась десятилетиями, и ее правила вполне устраивали все вовлеченные стороны, честно отработывающие свое немаленькое жалование. Однако кое-что в отношениях отравляло спокойную жизнь как Горагии, так и Катонии. Речь шла о горной долине Сэтата, центр которой, город Басуэ, находился примерно в ста верстах севернее катонийской границы. В свое время Сэтата, население которой составляло примерно восемьсот тысяч человек, двадцать тысяч орков и полторы тысячи троллей в трех горных общинах, являлась северной провинцией Империи Майно и в значительной степени привыкла считать себя ее частью. Однако после распада Империи, брошенная на произвол судьбы, она вынужденно искала у одних воинственных соседей защиту от других. Извилистые пути политического лавирования в конце концов привели ее в объятия Зерапона, однако значительная часть населения считала себя катонийцами. Не менее трети местных жителей имели катонийские паспорта, что заметно облегчало торговлю области с Катонией. С учетом того, что от основной части Горагии Сэтату отделяли высокие горные хребты с немногочисленными перевалами, многим местным политикам нравилось считать Сэтату независимым – или хотя бы автономным – государством и

искать покровительства Оканаки. Такое категорически не нравилось Зерапону, но до поры до времени тамошние политики старались сдерживаться, чтобы не будить старые склоки.

В восемьсот тридцать третьем году мэр Басуэ оказался уличенным в коррупции. Не то, чтобы они и его верные соратники не брали на лапу до того – просто на сей раз размер подношения, которое он потребовал у зерапонской фирмы за продление аренды на землю под винодельческим заводом, оказался воистину императорским (мэр выдавал замуж третью дочь и обнаружил, что на приличествующее приданое ему не хватает средств). А третьей частью акций фирмы и двумя местами в совете ее директоров через подставных лиц владел племянник министра юстиции Горагии, о чем мэр не догадывался. Возмутившийся племянник нажал на все рычаги и кнопки, и его подкрепленное значительными суммами негодование, как оказалось, очень хорошо легло в рамки главной политической тенденции сезона.

В последнее время обстановка и так накалилась, поскольку выбранный за полгода до того новый президент Горагии решил, наконец, восстановить попорченную на территории Сэтаты законность. В результате в область посыпались указы и приказы, основной смысл которых заключался в том, что мэр должен уйти в отставку, прихватив с собой руководство муниципальной милиции. Вскоре после зимников в город даже прилетели новый директор милиции и временный городской управляющий, которые при поддержке двух рот полицейских спецотрядов намеревались восстановить в городе порядок. Однако они не учли, что за прошедшие годы местная милиция фактически превратилась в личную гвардию мэра и прекрасно вооружилась, в том числе пулеметами и гранатометами. Военный транспортный самолет с полицейскими блокировали грузовиками прямо на взлетно-посадочной полосе и, предупредительно шараясь из гранатомета немного в сторону, заставили развернуться и улететь восвояси. Правда, ему позволили дозаправиться: мэр счел, что если самолет с пустыми баками разобьется в горах, это окажется не слишком красиво с политической точки зрения. После такого конфуза активность Зерапона временно приостановилась, но вся Сэтата напряженно ждала: что-то обязательно случится.

Заявление, официально поданное винодельческой фирмой в прокуратуру и неофициально подкрепленное невидимыми ниточками связей и денег, оказалось превосходным поводом для того, чтобы припомнить излишне самостоятельному мэру сразу все и при том не потерять лица из-за обвинений в политической расправе. Получивший извещение о возбуждении уголовного дела дерзкий мэр публично порвал его перед телекамерами. На следующий день государственная полиция Горагии сделала попытку арестовать его прямо в мэрии. Это оказалось самой крупной ошибкой, допущенной Зерапоном за последние полвека. Примчавшиеся через несколько минут муниципальные милиционеры навешали люлей своим коллегам, обезоружили их и с позором выставили их на улицу. Через пару часов возле мэрии собралась густая толпа численностью не менее двух тысяч человек (орки и тролли от человеческой политики предпочитали держаться подальше). И когда пехотная армейская рота, вооруженная слезоточивым газом, прибыла на место, чтобы устранить беспорядок, ее встретили градом сначала камней, а потом и бутылок с зажигательной смесью, спалившей восемь грузовиков из десяти. Обошлось без жертв, но армии пришлось позорно ретироваться. Вскоре в город вошли регулярные части с расположенной неподалеку от города военной базы, однако тут уже на борьбу поднялись все жители Басуэ независимо от их отношения к мэру. После того, как в городе вспыхнули перестрелки, армейское командование благоразумно приняло решение об отступлении. С тех пор единоличная власть в городе фактически перешла к мэру, подкрепленная решениями городского совета, формально независимого, а фактически купленного с потрохами, певшего с голоса мэра и собственного мнения не имевшего.

Армейские части Горагии в республике остались, но оказались фактически запертыми на территории двух баз далеко за пределами Басуэ. Наверное, со временем их выдавили бы совсем, но северные и западные поселения в Сэтате населяли люди, крайне прохладно отно-

сившиеся к мэру и его клике. Причиной такого отношения являлось давнее соперничество племен. Мэр происходил из кумеров, в то время как северо-запад населяли менее многочисленные кассары, к тому же традиционно тяготевшие к Зерапону. Отличия между племенами сумел бы заметить далеко не каждый этнограф, что, тем не менее, не умаляло традиционную напряженность в отношениях между ними. Именно эта напряженность в конце концов привела к тому, что кассары, контролировавшие перевалы и дороги в сторону Зерапона, не позволили кумерам перерубить пути снабжения военных баз.

Последние два десятилетия в области Сэтата между кумерами и кассарами сохранялись хрупкий мир и тотальная неопределенность. Случалось, то одна, то другая сторона постреливала из кустов в сторону деревень, но обычно обходилось без жертв и даже без раненых. По следам стрелков немедленно отряжались поисковые партии, которые в случае успеха обстоятельно и со вкусом били диверсантам физиономии. Однако и здесь, как правило, обходилось без смертей и тяжелых увечий, как максимум – треснувшими ребрами и вывихнутыми конечностями. С течением времени молодежь, которой в бедной горной местности было, в общем-то, заниматься нечем, кроме охоты да еще и – на южной границе – контрабанды, привыкла относиться к такого рода приключениям как к чему-то само собой разумеющемуся. А с учетом местных воинственных традиций оружие, в том числе автоматическое, имелось в каждой семье – так что вопрос «из чего бы пострелять?» не возникал никогда.

Спусковым крючком для кризиса, который впоследствии окрестили «Противостоянием пятьдесят восьмого года», послужила именно такая шалость. Впоследствии источники разошлись, кто именно сделал роковой выстрел – кумеры или кассары, но сути дела национальность стрелка не меняла. Вечером седьмого числа четвертого периода группа юношей, возвращаясь с охоты, несколько раз выстрелила в сторону деревушки своих извечных соперников. Стрельба велась неприцельно, да и сгущающиеся сумерки не располагали к точности. Однако по роковому стечению обстоятельств шальная пуля настигла десятилетнюю девочку, игравшую во дворе. Через несколько минут девочка умерла на руках у родителей, и вскоре все мужчины селенья, вооружившись, двинулись в сторону ближайшего села своих уже не недругов, а кровных врагов.

Междоусобица вспыхнула на обширной территории, словно пожар в высушенной солнцем степи. Люди, столетиями мирно жившие бок о бок, убивали друг друга, не имея никакого представления о том, с чего все началось. Они знали лишь, что на них предательски напали под покровом ночной темноты. Очень скоро расвирепевшие кумеры и кассары принялись убивать не только мужчин, но и женщин и детей врага. Под нож шли целые селенья, а в небесах полыхало багровое зарево от горящих домов. Много позже исследователи подсчитали, что в течение одной ужасной ночи погибло не менее тридцати тысяч человек и еще не менее двухсот пятидесяти тысяч остались без крова и средств к существованию.

Утром армия Горагии попыталась вмешаться. Министр обороны по указанию президента отдал частям, до того носа не высывывавшим с территории своих баз и насчитывающим в совокупности не более семи тысяч человек, «немедленно обеспечить прекращение огня и остановить кровопролитие». Командование баз схватилось за головы, но послушаться категорического приказа не посмело, и солдаты двинулись в сторону ближайших деревень, чтобы попытаться его выполнить.

Эффект вмешательства армии оказался примерно таким же, какой ведро керосина оказывает на полыхающий дровяной сарай. За оружие схватились даже те люди, что жили далеко от охваченной бойней зоны. В течение нескольких часов обе военные базы без единого выстрела прекратили свое существование, смятые толпами потрясающих охотничьими ружьями и автоматами бородачей. Воинские части растаяли на просторах долины словно снежный комок в кипятке (впоследствии освободились или были освобождены и перебравшись в Горагию не более четверти их личного состава), а мэр Басуэ направил в Министерство иностранных дел Като-

нии истерический запрос о военной помощи «против кровавой агрессии со стороны горагийских войск, приведшей к массовым жертвам среди мирного населения». Министерство обороны Катонии, давно втихую прорабатывавшее планы «оказания помощи братскому народу Сэтаты», с энтузиазмом восприняло призыв. Уже к вечеру седьмого числа в рамках «миротворческой операции» входящие в состав Третьей танковой дивизии две танковые бригады, мотострелковый полк и три роты полевой связи перешли границу Сэтаты. На безнадежно отставшие тылы и вспомогательные подразделения, включая полк ПВО, никто внимания не обращал. Предполагалось, что на первых порах поддержку, в том числе продовольствием, окажет рукоплещущее местное население, а там видно будет.

Однако оказалось, что рукоплескать население, ничего не знавшее об инициативе мэра, мягко говоря, не собиралось. Уже через тридцать верст после границы танковая колонна оказалась обстрелянной из противотанковых гранатометов местными жителями, не ставшими разбираться, кто и откуда громыкает по их дорогам. Возможно, в более спокойной обстановке кумеры, благосклонно относившиеся к Катонии, с радостью приняли бы «спасителей». Но сейчас в результате действий засады два танка остались гореть на шоссе, а открытый по лесу ураганный огонь стоил жизни восьми местным жителям. Кроме того, несколько снарядов из танковых пушек долетели до селения, в котором жили гранатометчики, и хотя там никто не погиб, горную долину молнией облетела очередная новость: армия Катонии вторглась в Сэтату и убивает тех, кто ей сопротивляется. Когда новость дошла до мэра Басуэ, он в ярости сломал нос ни в чем не повинному секретарю и отправил в Катонию не менее истеричное заявление с требованием немедленно вывести войска. Однако было уже поздно – в результате стремительного марш-броска танки вошли в Басуэ.

До самого города дивизия сопротивления не встречала. Однако когда передние машины начали втягиваться в город, по ним без предупреждения открыли огонь гранатометчики, засевшие на крышах домов. Первые восемь танков мгновенно оказались выведенными из строя, а у переднего взрывом боекомплекта сорвало башню и уничтожило весь экипаж. Поскольку такой прием стал для танкистов, вежливо выражаясь, неожиданностью, именно взорвавшаяся машина принадлежала командиру бригады, в соответствии с уставом возглавлявшему колонну на марше. Колонна встала на месте, и пока командиры рот в панике пытались понять, что им делать, гранатометчики методично, словно в тире, подбили еще пятнадцать машин, в совокупности уничтожив четверть бронетехники, пересекшей границу. В конце концов заместителю командира первой бригады и командиру второй бригады удалось отдать приказ по колонне немедленно развернуться и отступить, что танкисты и сделали. Однако, отступая, они поливали крыши домов из зенитных пулеметов в надежде подавить огонь противника, что привело к многочисленным жертвам среди жителей этих домов, в любопытстве прикипших к окнам.

Чтобы окончательно усугубить сумятицу, именно теперь над городом на бреющем полете прошли три штурмовика ВВС Горагии, направленные для того, чтобы оценить численность вторгнувшихся сил, и разъяренные танкисты сосредоточили пулеметный огонь и на них. Самолеты шли довольно высоко, так что зацепить удалось лишь один, зато повреждения оказались фатальными. Пилот успел катапультироваться, а самолет врезался в землю и взорвался в пятнадцати верстах от городской границы. Уцелевшие штурмовики, сделав широкий разворот, ушли обратно на базу, по пути оповещая диспетчеров о том, что попали под обстрел противника. Танки и БТР отошли от города на тридцать верст, после чего, подчиняясь приказу из штаба, в наступившей темноте сошли с шоссе и заняли круговую оборону. Всю ночь по ним стреляли из ружей откуда-то из темноты, а поскольку штаб категорически запретил отстреливаться, ответный огонь танкисты и пехота не открывали, до рассвета проторчав в своих машинах.

Тем же вечером послу Катонии в Зерапоне была передана официальная нота, обвиняющая Катонию в неспровоцированном вторжении на территорию Горагии. В ноте содержался

ультиматум, требующий немедленного вывода катонийских войск из Сэтаты под угрозой официального объявления войны. Той же ночью армию Горагии подняли по тревоге, хотя военное положение в стране пока не объявляли. Мотострелковые дивизии выдвинулись к перевалам на границе Сэтаты, готовые в любой момент войти и вмешаться в происходящее. Правительство и президент Горагии совещались всю ночь, и наутро соответствующий приказ все же был отдан. Три дивизии походными колоннами прошли по горным перевалам и спустились в долину – только для того, чтобы оказаться под перекрестным огнем сражающихся кумеров и кассаров, окончательно переставших разбираться в том, кто и зачем пытается появиться на их территории. Сходу потеряв до десяти процентов личного состава убитыми и ранеными, вскоре армейские части оказались вынуждены прервать продвижение и уйти в глухую оборону, занимая любые мало-мальски подходящие для того позиции. Разумеется, если бы речь шла о полноценной общевойсковой операции, разъяренное, но неорганизованное местное ополчение не сумело бы им противостоять. Но командиры, получившие категорический приказ провести операцию с минимальными жертвами, оказались морально не готовыми утюжить артиллерийским огнем поселки и деревни, а потому просто не понимали, что им делать. На все запросы оставшиеся за пределами Сэтаты штабы, практически не владеющие оперативной информацией, отвечали одно: на провокации не поддаваться, ответный огонь не открывать.

Ни у той, ни у другой стороны не осталось ни малейшей возможности скрыть свой позор. Уже несколько дней Басуэ наводняли журналисты, слетевшиеся со всего мира на запах жареного. И теперь они с восторгом передавали по спутниковым каналам прямые трансляции боев и стычек, виды горящих селений и подбитой техники – и катонийской, и горагийской, ужасные зрелища трупов, местами лежащих буквально горами, картинки заполонивших Басуэ толп беженцев... Весь мир, затаив дыхание, припал к экранам телевизоров и сетевых терминалов, временно забыв про остальные проблемы. МИДы Катонии и Горагии вступили в яростную перепалку, обвиняя друг друга в происходящем и гибели мирных жителей. Не остались в стороне и Граш с Четырьмя Княжествами, в соответствии со своими давними предпочтениями поддерживавшими Катонию и Горагию соответственно. До прямых стычек отрядов регулярных войск, к счастью, не дошло – катонийские войска окопались на юге, а горагийские – на северо-западе долины. В противном случае открытая война между Горагией и Катонией оказалась бы неизбежна.

Восьмого числа президент Катонии выступил по телевидению. В выступлении, транслируемом всеми национальными телеканалами и новостными сайтами в реальном времени, он обвинил Горагию в военных преступлениях против собственного народа и объявил о готовности армии в любой момент прийти на помощь катонийским гражданам, проживающим на территории Сэтаты.

Девятого числа Министерство обороны Катонии начало призыв резервистов.

09.04.858, древодень. Крестоцин

– Он пропал, момбацу сан Шай.

Голос говорящего казался сухим и невыразительным. Шай медленно перевел на него бесстрастный взгляд.

– Помнится, Батаронг, – лениво проговорил он, – ты утверждал, что выследить человека для твоих бойцов не составляет труда даже здесь, за океаном. Ты мне солгал или просто ошибся?

Молодой Голова Дракона сидел в кресле на широком балконе люксового номера отеля и изучал раскинувшийся под ним город. Батаронг чувствовал, что поджилки у него дрожат, словно у бурундука перед черным гуаром. Шай ах-Велеконг, как он успел убедиться, не любил, когда его подводили. В свои сорок с небольшим лет в иерархии Дракона Батаронг смог под-

няться только до положения Младшего Когтя, пусть и при самом Голове, и должность Старшего Когтя ему уже точно не светила. Но одно дело, если он до конца жизни так и останется в младших помощниках, и совсем другое – если Шай убьет его за неудачу. А с Шая станется...

– Так солгал или ошибся? – переспросил Голова Дракона. Голос его оставался ровным, но Батаронг вздрогнул.

– Я оказался излишне самоуверенным, момбацу сан, – прошептал он, склоняясь в глубоком поклоне. – Я виноват. Я готов понести наказание.

– То есть ты ошибся, – подытожил Голова, снова переводя взгляд на город. – Я разочарован. Я взял тебя с собой в надежде, что ты окажешься мне полезен, но ты меня подвел. Я теперь должен сам искать его? А, Бата?

– Я виноват, момбацу сан, – снова проговорил Батаронг, радуясь, что его голос не дрожит.

– Виноват, – согласился Шай. – Хорошо, что ты понимаешь. Впрочем, есть здесь и моя вина.

Батаронг удивленно сглотнул. Чтобы Голова вот так запросто признал свою ошибку перед младшим в иерархии? Определенно, новому лидеру Оранжевого клана еще есть чему поучиться в обращении с людьми. Впрочем, если он научится, захочет ли терпеть рядом с собой свидетелей прошлых ошибок?

– Мне нравится твой изумленный взгляд, Бата, – холодно усмехнулся Шай, снова переводя на него глаза изготовившейся к броску змеи. – Чтобы Голова вот так вот просто признался в своих промахах? Небо рухнет на землю, точно?

Он негромко засмеялся, и от его смеха по коже Младшего Когтя пошли мелкие мурашки.

Движения Шая, как всегда, увидеть он не успел. Вот тот сидит в кресле – и вот уже стоит вплотную, прижимая к глотке Младшего Когтя длинный кинжал.

– Знаешь, почему я не боюсь признать свои ошибки? – тихо спросил он. – Да потому, что я, в отличие от надутых стариков, владею настоящей силой. Это им нужно делать вид, что они непогрешимы, иначе младшие могут и засомневаться в их праве приказывать. Как думаешь, кто-то может отказать в праве приказывать МНЕ?

Он неторопливо убрал кинжал в ножны, скрывающиеся на левом предплечье под широким свободным рукавом зеленого хантэна, и нарочито медленно опустил в кресло.

– Посмотри вокруг, Бата, – прежним ровным тоном произнес он. – Посмотри внимательно и восхитись. Город огромен. Он в два раза больше Грашграда и почти такой же большой, как Каменный Остров, столица Четырех Княжеств. А ведь Крестоцин – даже не столица, всего лишь один из многих больших городов! Да, Бата, он просто восхитителен. Какие небоскребы! Какие улицы! Какие здесь вечерние и ночные огни и как прекрасна бухта на закате дня! Да, просто замечательно...

Батаронг промолчал. Он не понимал, куда клонит Шай.

– Да, просто восхитительно, Бата. Но есть у него один крупный недостаток. Знаешь, какой? Его жители. Больно видеть, как такой ожиревший народ, потерявший всякое понятие о чести, владеет сокровищами, в общем-то, ему не нужными. Посмотри только на великолепно... или блистательно?... никак не запомню местные титулы. В общем, посмотри на сана Осу Касадаку. Большой человек, да. Целый директор службы безопасности огромной богатой корпорации. Под его началом только в здешней штаб-квартире находится не менее трехсот вооруженных охранников. Не каждому Старшему Когтю Дракона довелось командовать таким большим отрядом. И что же? Когда его обижают, он сначала восемь лет грызет сухие кости обиды у себя в берлоге, а потом бросается звать на помощь чужаков – то есть нас – чтобы те помогли отомстить. Разве мужчины так поступают? А, Бата?

– Мужчины так не поступают, – презрительно скривился Младший Коготь. – Он не мужчина, момбацу сан Шай. Нужно убить его, когда в нем пропадет нужда.

– Нет, Бата, мы его не убьем, – фыркнул Голова Дракона. – Пока, во всяком случае. Он еще очень и очень нам пригодится. Он еще не понял, насколько глубоко увяз, позвав нас. Оранжевому клану пора расширять свои операции в Катонии, и местные контрабандисты нам только помеха. Опираясь на него и его могущество, мы сумеем хорошо укрепить здесь побеги нашего дерева. Сегодня я встречался с... правильными людьми, и мы уже нашли общий язык. Думаю, уже в ближайшее время мы сможем увеличить поставки маяки сюда по крайней мере в два раза.

– Другие Головы могут не одобрить поспешных действий, – осторожно заметил Младший Коготь. – Они могут возмутиться, что мы действуем, не спросив их. Заговорят о нарушении баланса сил...

– Пусть говорят, – усмехнулся Шай. – Старая собака еще может лаять, но укусить сил уже нет. Все изменится, Бата, все очень скоро изменится. Дракон слишком долго оставался многоглавым. А когда каждая голова смотрит в свою сторону, туловище недалеко уйдет, каким бы сильным оно ни было. Настало время перемен. Пора Дракону обрести единственную голову – такую, которая видит перед ним дорогу в будущее.

– Момбацу сан, но начнется война, – от неожиданности Батаронг не удержался от неосторожности. – Другие Головы так просто не сдадутся! Оранжевый клан падет под натиском объединенных кланов...

– Я знаю, – оборвал его Шай. – Не бойся, Бата, войны мы избежим. Междоусобица только ослабит Дракона и порадует наших врагов. Есть и другие способы.

Он снова засмеялся, и от безумных ноток в его голосе Батаронга мороз продрал по коже.

– Не смотри на меня так, Бата, я не сумасшедший, – отсмеявшись, сказал Шай. – Нет ничего приятнее, чем вырезать сердце у врага, ты и сам знаешь. Но я не намерен подставлять клан под удар. Через десять лет Оранжевые станут первыми среди кланов и поведут их за собой. Сначала Сураграш, потом Граш, а потом, чем боги не шутят, и Четыре Княжества. Не обязательно при нашей жизни, Бата. Возможно, лишь наши внуки увидят, как Западный континент становится единым Средним Царством, но увидят обязательно. А потом придет очередь и Восточного континента. И знаешь, Бата, что это означает?

– Нет, момбацу сан, – тщательно контролируя голос, ответил Батаронг.

– Что мне потребуются люди. Много проверенных верных людей, которые не предадут и не ударят в спину. Такие, как ты, Бата. Нашему клану предстоит править – но мне не нужны неудачники. И если ты подведешь меня еще раз, я сам перережу тебе глотку. Ты понял, Бата?

Его голос, резко возвысившись, ударил Младшего Когтя словно хлыстом, и тот вздрогнул.

– Да, момбацу сан Шай ах-Велеконг, – почтительно поклонился он.

– Хорошо, – кивнул Шай, прищуренно его рассматривая. – Но, как я уже сказал, я допустил ошибку. Я не учел, что ты и твои люди еще никогда не действовали в таком большом городе, как Крестоцин. Никогда не сталкивались с такой городской суетой, с незнакомыми обычаями, незнакомой жизнью. Неудивительно, что вы упустили Бикату. Но так я говорю, хорошо обдумав случившееся. Здесь твоя ошибка, Бата, но и моя тоже. А теперь расскажи мне, что ты намерен делать дальше.

– Мои люди продолжают искать Бикату в городе. Оса Касадака поможет, у него есть неформальные связи в Службе общественной безопасности – она как в Граше Глаза Велико...

– Я знаю, что такое СОБ, – оборвал его Шай. – Бата, иногда все же нужно пользоваться головой. Если его не нашли до сих пор, почему ты думаешь, что найдут потом? Ты забыл про записку на терминале женщины, с которой он спал? Он откуда-то знает, что мы его ищем. Скорее всего, он давно покинул город. Ты намереваешься искать его по всей Катонии?

Батаронг опустил голову.

– И не забывай, мы в конечном итоге ищем не его, – безжалостно добил его Шай. – Мужчина – лишь ниточка к беловолосой женщине, которая нам нужна на самом деле. Нет, Бата, пора использовать голову вместо грубой силы. Карина Мураций, если верить Касадаке, тоже была знакома с беловолосой, скрывавшейся под именем Калайи. Следовательно, она тоже может дать нам ниточку. Мы возьмем ее с собой, и тогда Белесая Смерть, если у нее есть хотя бы капля чести, просто будет вынуждена прийти за ней.

– Женщина? Придет за женщиной? – Батаронг удивленно посмотрел на Голову Дракона. – Но зачем?

– Ах, Бата! – вздохнул Шай. – Если бы в небодень ты не завалился в местный киссатэн, а посмотрел телевизор! Полезно иногда узнавать, что делается в окружающем мире, знаешь ли. В Катонии все наоборот. Мужчины здесь как женщины, а женщины – как мужчины. Момбацу сама Карина Мураций, пожалуй, лучше многих мужчин знает, что такое честь. И ее друзья – такие же. Во всяком случае, я очень на то надеюсь. Белесая Смерть придет ей на выручку, и тогда я сражусь с ней – и убью. И после ни одна голова Дракона не посмеет сказать, что я слишком молод для главы клана, ни в лицо мне, ни за спиной. Так что займись Кариной Мураций. Действуй по обычной схеме. Но не пытайся взять ее самостоятельно – она разорвет тебя и твоих бойцов на части. Наметь время и место – и сообщи мне. Все понял?

– Но где мы ее укроем? – осведомился Младший Коготь. Его мозг уже лихорадочно заработал, перебирая варианты. А что? Вполне может сработать. В конце концов, за такую знаменитую женщину, если она действительно знаменита, можно взять неплохой выкуп. – У нас здесь нет ни одной надежной базы.

– А нам и не нужна база, – усмехнулся Голова Дракона. – «Дзинсока» поднимает якоря через три дня. Все, Бата, свободен. Действуй. И смотри, не подведи меня еще раз.

– Да, момбацу сан Шай, – Батаронг низко поклонился и вышел с балкона. Шай проводил его взглядом и снова принялся смотреть на город.

Внуки? Ну уж нет. Боги дали ему силу, храбрость и честь, и Срединное Царство возникнет еще при его жизни – и он станет первым его повелителем. Он твердо в том уверен.

12.04.858, деньдень. Крестоцин

Низкая облачность затянула океанское побережье, и разглядеть что-то в редкие прорехи между облаками казалось решительно невозможным. Цукка с сожалением отвернулась от иллюминатора – она надеялась, что еще раз сможет увидеть с воздуха разорванное кольцо скал вокруг Крестоцинской бухты. Не судьба. Возможно, на обратном пути...

– Мати, давай еще раз обсудим, где и как встречаемся, – сказала он, пихая мирно посапывающего мужа локтем в бок. – Мати! Да кончай же дрыхнуть! Сядем через пять минут!

– А? – Саматта приоткрыл один глаз и сонно взглянул на нее. – Уже? Ну, сядем ведь, не ляжем. Чего тебе, малышка Цу?

– Давай еще раз обсудим, где и как встречаемся, когда твой семинар закончится, – терпеливо повторила Цукка. – Чтобы потом на бегу не вспоминать.

– Так ведь решили уже... – Саматта хрустнул суставами, потягиваясь во весь свой немаленький рост, и сладко зевнул. – Семинар в два кончается. В полтретьего я в том ресторанчике на... как ее... на Корабельной площади. Чего вспоминать-то?

– Хорошо, что помнишь, – облегченно вздохнула Цукка. – Смотри, не задерживайся. А то знаю я тебя. Как ввяжешься в спор, так и не оторвешься. И что ты в университете забыл? Можно подумать, дома тебе семинаров не хватает.

– Дома обязательные, а здесь по интересу, – парировал Саматта, снова зевая. – Раз уж так совпало, что семинар сегодня проводится, почему бы не совместить приятное с полезным? Надо же, в конце концов, с людьми хоть иногда вживую общаться.

– Кара вся извелась, а ты о людях! – сердито сказала Цукка и сглотнула, чтобы прочистить заложенные уши.

– Ладно, не ворчи, – примирительно сказал Саматта. – Всего же пара часов. А потом наподдерживаю по самое не могу. Ты с ней говорила?

– Полчаса назад. Она как раз в аэропорт ехала.

– А доехала?

– Пробка там образовалась, такси застряло, но обещала, что успеет. Сейчас свяжусь еще раз...

Она откинулась в кресле, отвернула голову от прохода, чтобы никто не заметил шевелящиеся губы, и прикрыла глаза, привычно напрягаясь.

«Кара, здесь Цу. На связь».

«Цу, слышу тебя. Вы где?»

«Садимся. Вот-вот земли коснемся. Ты добралась?»

«Ага, пять минут назад. Не копайтесь, а то на меня окружающий народ как-то странно поглядывает. Еще узнают».

«Воображала ты наша! Парс с тобой?»

«Нет. Дома оставила, чтобы в глаза не бросался».

«Ну, значит, никто на тебя не пялится. Воображение сплошное. Ты где расположилась?»

«В зале прибытий, второе окно слева от выхода. Там, где самолет с потолка свисает, помнишь?»

«Поняла. Потерпи немного. Багажа у нас нет, минут через двадцать выберемся. Все, отбой. Посадка...»

«Жду».

Самолет коснулся колесами бетона. Тряхнуло, корпус завибрировал. Быстро снижая скорость, машина побежала по полосе.

– Она в аэропорту, ждет нас под самолетом, – сообщила Цукка, поворачиваясь к Саматте. – Ты здесь чаще меня появляешься, так что работаешь лоцманом. А поскольку ты у нас большой и сильный, пробиваешься вперед, я в кильватере.

– Так точно, госпожа! – тот шутливо отдал честь. – Держись сзади за пояс, и мы всех протараним. А хочешь, я тебя на плечо посажу? Будешь сверху прорехи во льдах высматривать и мной рулить?

– Надорвешься! – Цукка негромко засмеялась и хлопнула его по руке. – Ладно уж, и сзади не отстану.

Карина и в самом деле ждала их под самолетом. Большая, в половину натурального размера, модель двухмоторной учебной «чайки-17» с двухлопастными винтами отблескивала в свете гигантских хрустальных люстр под потолком, включенных по случаю пасмурной погоды. Забившись в угол подоконника, с глубоко надвинутым на лицо капюшоном, с руками, глубоко засунутыми в рукава куртки, она до крайности напоминала мальчишку, отбившегося от родителей. Завидев на полголовы возвышающегося над толпой прилетевших Саматту, она прыгнула с подоконника и двинулась было в его сторону, но благоразумно остановилась. Нетерпение нетерпением, но пассажиры сразу с трех рейсов текли навстречу густой толпой. Пробиваться навстречу с ее габаритами – гиблое дело. Разве что эффектором их раздвигать. Она хихикнула, представив себе картину. Нет уж, лучше она еще несколько секунд подождет.

Когда слегка помятая Цукка наконец выбралась из толпы, укрываясь где-то под мышкой у Саматты, Карина, откинув капюшон, бросилась ей на шею.

– Ну наконец-то! – с облегчением сказала она. – Цу, Мати, я так испереживалась! Ох, как же я все-таки по вам соскучилась!

– Эй, а меня обнять? – строго поинтересовался Саматта. – Я-то чем хуже?

– Ничем! – согласилась Карина, выпуская Цукку и крепко обнимая его где-то на уровне солнечного сплетения. – Я вас обоих люблю. А Яна так и не смогла вырваться?

– Не смогла, – кивнул Саматта. – Ее сегодня просили какое-то экспертное заключение дать. Что-то с мальчиком-девиантом не так, ему специнтернат для трудных детей грозит. Вопрос срочно решать надо.

– Жаль, – вздохнула Карина, отлипая от него. – Ну что, в город? Вы как к поездкам относитесь?

– А что, электричку уже пустили? – заинтересовалась Цукка.

– Ага. Буквально пару недель назад. Вон там станция. Получается в три раза дешевле, чем на такси, даже с учетом трех билетов, и главное – никаких пробок. Опробовать стоило бы. Ну, как?

– Едем на электричке! – решительно заявил Саматта. – Освоим новое транспортное средство. Только, Кара, мне к десяти в ваш университет успеть надо.

– Случайно, не к Сатте? – осведомилась Карина. – На ее семинар?

– А ты откуда знаешь? – удивился ее бывший опекун.

– Так мы с ней часто встречаемся в университетской столовке. Я знаю, что через неделю по дням у нее семинар. Она и меня зазывала, только мне экономика с политикой как-то не очень... Ей хорошо, она женщина свободная, ни семьи, ни дежурств.

– Как – свободная? – переспросила Цукка. – А что с Тараем?

– Так они же брачный контракт уже года полтора как расторгли! Цу, ты что, не знала?

– Нет, конечно. А что вдруг?

– Ну, – Карина наморщила лоб, – с тех пор, как он в политику пошел, у них разлад все сильнее становился. Когда я с ними в сорок девятом познакомилась, они еще ладили, но чем дальше, тем хуже. Еще про Тарая какие-то гадкие сплетни ходили, но я не вслушивалась. Если хочешь, сама у нее спроси, только она не любит на тему развода разговаривать. Ну что, пошли к электричке? Она по расписанию через семь минут стартует, а нам еще билеты покупать...

– Идем, – согласился Саматта. – А я к полудню в университет успею? Давно как-то здесь не появлялся, забыл местность.

– Успеешь, – кивнула Карина. – Сейчас полдевятого, мы успеваем на электричку без тридцати девять, идет она почти ровно час. И от вокзала до университета минут тридцать, максимум полчаса. Как раз укладываешься. Да пойдете же!

– Смотри, мама! – громко сказал детский голос, и прямо перед ней остановилась невоспитанная юная особа лет одиннадцати-двенадцати. Особа сосала большой полосатый леденец на палочке и исподлобья разглядывала Карину. – А эту тетю по телевизору показывали!

– Да неужели? – охнула подошедшая сзади мамаша. – И в самом деле! Ты ведь Карина Мураций, госпожа? Та самая?

– Нет, госпожа, ты ошиблась, – строго сказала Карина, снова накидывая на голову капюшон. Она повернулась и спорым шагом, лавируя в толпе, двинулась в ту сторону, где указатели под потолком обещали выход к перрону и билетным кассам.

– Но ведь она действительно Карина Мураций? – несколько ошарашенно спросила женщина у Цукки. – Да?

– Ну, – рассудительно ответила Цукка, – если нет, то ты ошиблась. А если да, то явно не настроена общаться. Прости, госпожа, нам пора. Мати, пошли, а то сейчас в толпе потеряемся.

Карину они догнали только у билетного прилавка, возле которого выстроился недлинный хвост. Она приподняла край капюшона, чтобы они смогли увидеть ее лицо, и состроила унылую гримаску.

– Видите? – спросила она. – В четвертый раз за неделю узнают, как ни берегусь. Все время прячешься, как заяц от охотников.

Саматта негромко заржал и хлопнул ее по плечу.

– Мне бы твои проблемы! – весело сказал он. – Ну надо же, страх какой – на улице узнают! Я бы не отказался, между прочим. Цу, ты не видишь – тут бумажками расплачиваться надо? Или электронные монеты сойдут?..

В электричке они втроем успели занять отдельное мини-купе. На четвертое место Саматта недвусмысленно поставил свою сумку, так что посторонних рядом не оказалось. Немного расслабившаяся Карина, укрывшись между бывшим опекуном и окном, беззаботно болтала с Цуккой на ничего не значащие темы. Иногда она бросала в сторону прохода опасливый взгляд, но в целом в присутствии Цукки с Саматтой явно чувствовала себя спокойнее.

– Но все же я не понимаю, почему не могу связаться с тетей Хи, – внезапно сказала она, на полуслове оборвав фразу. – С самой телепередачи. Аппарат все время вне зоны приема. Или выключен. Я беспокоиться начинаю – не случилось ли что?

– Ты тоже не можешь? – нахмурилась Цукка. – Я думала, только у меня проблемы. Странно... Не прячется же она от нас, в самом деле. Может, она просто уехала куда-то подальше на время, чтобы дать пыли осесть?

– Может, и так, – согласилась Карина. – Но все равно непонятно, почему она от меня прячется. В конце концов, если она считает, что так надо зачем-то, я и перетерпеть могу. Особенно сейчас, когда в новостях только и рассказывают про Сэтату. Стыдно признаться, но я рада, что там заварушка случилась. Что люди гибнут, жаль, конечно, но про меня должны забыть. Мати, ты ведь у нас бывший военный. Что ты про Сэтату думаешь?

– Что я думаю, вслух лучше не высказывать, – зло фыркнул Саматта. – Во всяком случае, в женском обществе. Наши кретины из МИДа и Минобороны решили, что если подкормить волка, он в собаку превратится. А он не превращается почему-то. Сначала контрабанду оружия туда чуть ли не само Минобороны поддерживало, а теперь удивляются, что оно палить начало во все стороны. Все в политические игры играют, внешнего врага ищут. Тоже мне, нашли равного противника – Горагию!

– Знаешь, Мати, пусть лучше с Горагией скандалят, чем с ЧК воюют, – покачала головой Цукка. – Политическая сволочь тамошняя нашей стоит, все с одного куста розочки. Ладно, давайте перестанем о грустном. Кара, расскажи лучше, как ты разобралась с операциями. Тебе по-прежнему господин Кулау пациентов подбирает?..

На вокзале Карина с Цуккой расстались с Саматтой, помахав друг другу на прощание.

– Ну что, поехали ко мне? – осведомилась Карина. – Или погулять хочешь?

– Конечно, погулять! – с энтузиазмом заявила Цукка. – В кои-то веки я сюда выбралась, уже и забыла все. Сколько прошло с последнего раза?.. ну да, пять лет. Пора освежить город в памяти. Пойдем пешочком не торопясь. И погода подходящая – смотри, солнышко проглядывать начало, не жарко и без дождя. В самый раз для прогулок... Эй, ты чего?

Карина, неподвижно уставившаяся куда-то за ее плечо, встряхнулась и выдохнула.

– Совсем паранойя разыгралась, – виновато сказала она. – Уже второй день кажется, что за мной кто-то по пятам ходит. Воображение, похоже, слишком богатое. Сейчас вот показалось, что какой-то парень за мной наблюдает из толпы, а попыталась присмотреться – и нет его. Как растворился.

– Красивый парень? – деловито уточнила Цукка.

– Странный. Физиономия... какого-то необычного оттенка. Темная слишком, но не как от загара, а как... – Она пощелкала пальцами, не находя слов.

– Действительно, фантазия у тебя богатая, – засмеялась Цукка. – Или просто из-за одиночества всюду парни мерещатся. Слушай, Кара, про официального мужа я даже и не спрашиваю, но когда ты себе постоянного ухажера заведешь? Хотя бы одного? Или так и собираешься до самой старости эпизодическими встречами перебиваться раз в сезон? Ну ладно, ладно, не хмурься. Пошли перебирать подошвами по асфальту.

Следующие пару часов они неспешно гуляли по городу – прошли по бульварам, глядя в голые пока ветки, трогая пальцами уже почти полностью проклюнувшиеся почки, посидели в кафе за чашкой чая с пирожными, послушали музыканта на площади... Выстояв длинную очередь, прокатившись на двух лифтах подряд и подвергшись фотографированию на входе, они поднялись на смотровую площадку нового небоскреба «Косо». Его строительство закончилось лишь полгода назад, и он на добрых два десятка саженей возвышался над своими соседями. Вообще он уступал по высоте только двум зданиям в Оканаке, а если отсчитывать от уровня моря, то его крыша являлась самой высокой городской смотровой площадкой в мире. Вид на город и бухту с него открывался потрясающий, несмотря даже на низкую облачность, окутывающую окрестные горы, и Цукка долго восторженно цокала языком и качала головой. На выходе Карина с трудом удержала ее от получения карты памяти с путеводителем по городу и фотографии, где их физиономии парили над городской панорамой.

– У тебя деньги лишние завелись? – поинтересовалась она. – Комплект вообще-то полторы тысячи стоит.

– Сколько?! – ошарашенно взглянула на нее Цукка.

– Полторы. Видишь – касса?

– Но я думала, что фотография входит в цену билета...

– Щас. Совершенно самостоятельный бизнес. При входе нас сфотографировали, а пока мы на крыше торчали, компьютер автоматически сваял простенький монтаж. Рассчитано на туристов, которые ошалели от впечатлений и не задумываются, кому и за что платят. Тебе оно действительно надо? Я же тебя пелефоном сфотографировала, доберусь до терминала – оформлю ничуть не хуже. И совершенно бесплатно, между прочим. Правда, картинка плоская выйдет.

– Ой, да не надо мне фотографий! – замахала на нее руками Цукка. – Терпеть не могу свою физиономию на фоне пейзажей лицезреть. Если забуду, как выгляжу, в зеркало посмотрюсь. Я-то думала, на входе нас служба безопасности снимает, а оказывается, частники инициативу проявляют. Слушай, пошли быстрее отсюда, а то еще что-нибудь всучат под шумок, дорогое и ненужное!

Карина засмеялась и потянула ее в толпу.

Утомившись в конце концов от брожения, Цукка плюхнулась на лавочку и взглянула на часы.

– Устала я и жрать хочу, – пожаловалась она. – И времени много. Скоро у Мати его семинар закончится. Давай двигаться в точку встречи. Пообедаем как следует и завалимся к тебе. Только надо сначала гостиницу найти. У тебя я ночевать не намерена, и не проси! – поспешно добавила она. – Тоже мне – втроем в однокомнатной студии, да еще и на полу спать!

– Вот так всегда! – вздохнула Карина. – А мне ночью в одиночестве страдать!

– Заведи мужика – легче станет! – фыркнула Цукка. – Ну что, на автобусе едем?

– Да тут недалеко, – отмахнулась Карина. – Я специально далеко не отклонялась. Сейчас дворами срежем, минут пятнадцать – и там.

– Веди, экскурсовод... – вздохнула Цукка, поднимаясь. – Авось не заплутаем.

Карина хихикнула и спорым шагом двинулась вперед. Она хорошо знала район, так что заблудиться не боялась. Свернув в неприметную арку, они оказались в нешироком дворике, из которого выбрались в унылый сквер со всеми забытым бюстом усатого полководца. Сквер тянулся между задними стенами домов и оказался безнадежно пустым и безжизненным.казалось невероятным, что в десятке-другом саженей кипят выходной жизнью широкие улицы большого города, течет поток машин, ходят люди... Карина позволила себе откинуть капюшон куртки, под которым изрядно взопрела – вряд ли здесь попадет кто-то, кто сумеет ее опознать. Она глубоко вдохнула пахнувший стремительно наступающей весной воздух – и внезапно насторожилась.

Сзади раздался топот нескольких пар бегущих ног. Она резко повернулась и увидела, что к ним по аллее рысцой приближается четверо мужчин. Их кожа и в самом деле казалась странно темной, а в руках они держали непонятные длинные тряпичные свертки. Казалось, они не обращали на двух женщин никакого внимания, но Карина завороченно смотрела на них, не в силах оторвать взгляд. Странная апатия охватила ее, словно кролика перед удавом, парализуя волю и не позволяя двигаться.

– Это они? Те, кто следили за тобой? – быстро спросила Цукка. Она тоже обернулась и теперь напряженно смотрела на приближающихся. Карина кивнула.

– Кажется, да... – медленно произнесла она. – Значит, все-таки не воображение.

– Ты сможешь отбиться?

– Не знаю... Наверное. Но... Цу, вызывай Мати, быстро! У меня скверные предчувствия. Адрес места – Восьмая центральная улица, Длинный сквер. Пусть вызывает полицию.

– Делаю! – кивнула Цукка и отрешенно уставилась перед собой. Ее губы беззвучно зашевелились.

В этот момент четверо мужчин приблизились вплотную. Остановившись в трех шагах, они рассыпались полукругом и слаженными четкими движениями стряхнули на землю тряпки, обертывающими длинные предметы. В мгновение ока Карина оказалась под прицелом трех помповых дробовиков.

– Тебя зовут Карина Мураций, – со странным акцентом произнес стоящий в центре парень. На вид ему было около тридцати, и необычно темная, с коричневым оттенком кожа казалась лишь немногим более светлой, чем густые курчавые волосы. В отличие от трех остальных в руке он держал длинный кинжал из отливающей голубым стали. Из-под длинного рукава на левом запястье выглядывал край странной татуировки: морда какого-то животного, выдыхающего пламя. Узкие раскосые глаза парня бесстрастно смотрели на Карину, и та невольно поежилась – настолько холодным и оценивающим казался их взгляд. Словно у змеи, нацелившейся проглотить мышь. – Ты и твоя подруга пойдете с нами. Я знаю о твоих способностях, синомэ. Если попытаешься применить свою силу, твоя подруга умрет.

– Кто ты и что тебе нужно? – сквозь стиснутые зубы спросила Карина. Нет, они явно не поклонники, охотящиеся за автографами. Поклонники обычно не прихватывают с собой дробовики. Дробовики! Именно то оружие, противостоять которому она не в силах – слишком велик шанс пропустить дробинку, особенно если пальба ведется с нескольких направлений. И как грамотно они взяли ее в полукольцо, угрожая сразу с нескольких сторон! В полицейском управлении ее учили защищаться от нападающего с огнестрельным оружием, но не от четверых же сразу! Она не может ускользнуть от них... и здесь Цукка!

Ее мысли понеслись вскачь. Все четверо в пределах досягаемости манипуляторов. Она может нанести удар одновременно в три точки и почти наверняка попадет – все-таки годы тренировок не прошли зря. Остается четвертый. У него кинжал, но от него она уклонится, даже если он бросится на нее сразу – недаром же она идет по Пути полтора десятилетия! А потом наступит и его черед. Только бы они не зацепили Цукку! На счет три – и раз, и два...

Додумать она не успела. Словно подчиняясь неслышной команде, трое с дробовиками резко отступили назад, и рядом тихо вскрикнула Цукка. Карина бросила взгляд в ее сторону – и ужас сковал ее неподъемными цепями. Тело ее подруги приподняло над землей сантиметров на тридцать. Она отчаянно извивалась, пытаясь сбросить невидимые путы, но неведомая сила рванула ее вперед, к мужчине с кинжалом, развернула и прижала к нему. Киссаки кинжала уперлось Цукке в гортань, и глаза державшего ее мужчины полыхнули так, что Карина невольно отступила назад.

– Попытаешься напасть – твоя подруга умрет, – бесстрастным тоном сказал он. – А потом ты все равно пойдешь с нами, живая или бессознательная. Ты одержима духами – но и я тоже. И мои духи сильнее.

– Кара, беги! – отчаянно выкрикнула Цукка. – Спасайся! Им нужна ты, не я!

Один из вооруженных дробовиками мужчин шагнул вперед. Он забросил оружие за спину, его рука скользнула в карман куртки и появилась снова – с непонятным комком. Одно движение – и пластиковая обертка полетела на землю, а мужчина прижал к лицу Цукки тряпку, остро пахнущую даже на расстоянии. Цукка дернулась несколько раз и затихла, и ее тело мешком свалилось на руки мужчине. Удерживая ее перед собой, тот отступил назад. Дробовики двух других по-прежнему выцеливали Карину.

– Теперь ты не сможешь достать его манипуляторами, не повредив своей спутнице. Если ты нападешь на нас, она умрет первой. Сейчас ты готова смириться, женщина? – со странной усмешкой спросил главарь, поигрывая кинжалом. – Или все еще хочешь проявить норов?

– Кто ты? Что тебе надо? – напряженно спросила Карина. Ее ум отчаянно метался в поисках выхода. Будь она одна, она атаковала бы – и неважно, чем кончилась бы драка. Но обречь на смерть Цукку она не может!

– Меня зовут Шай. Шай ах-Велеконг, – любезно сообщил мужчина. – Я – Голова Оранжевого клана Дракона с Западного континента. Так случилось, что одна твоя знакомая сильно оскорбила нас. Она трусливо скрылась, и мы не можем найти ее. Но к тебе на выручку она придет. Я убью ее, но вы мне не нужны, а потому я отпущу тебя и твою подругу, когда все закончится. Не станешь сопротивляться – останетесь целыми и невредимыми. А теперь встань на колени! – внезапно рявкнул он. – На колени, и не шевелиться!

Карина бессильно сжала кулаки. Голова Дракона? Но ведь Драконом себя называют какие-то бандиты в Сураграше! Персонажи нелепых, несуразных фильмов-боевиков, режиссеры которых обычно не удосуживались даже толком поставить драки! Откуда они здесь, в Катонии?

Дракон. Далекая зловещая тень, изредка проскальзывающая в сводках новостей и глупых статьях о жизни «там», на Западном континенте. Такая невозможная, нереальная здесь, в Катонии! Но если их похитят... если их увезут на Запад, их никто и никогда больше не увидит.

Сдаваться нельзя. Только бой, заведомо безнадежный. Стоящий перед ней мужчина – девиант, безо всякого сомнения первой категории. А она еще ни разу не дралась с такими – если не считать дружеских дуэлей с Яной. Она, разумеется, сможет обездвигить его – но вряд ли сможет уклониться от зарядов картечи. Ну что же... по крайней мере, она умрет, сражаясь. Нужно лишь сместиться так, чтобы толком прицелиться в мужчину, что прячется за Цу...

Шай прищуренно смотрел на свою жертву. Несмотря на внешнее ледяное спокойствие, внутренности его сжались от напряженного, какого-то болезненного ожидания. Посмотрев фильм, что показали по телевизору, поначалу он ожидал чего-то большего. Стоящая перед ним невысокая, хрупкая на вид молодая женщина в жизни больше напоминала мальчишку-сорванца. Впечатление особенно усиливалось присущей местным женщинам бесстыдной манерой носить мужские штаны и куртки. Увидев ее издали, он даже разочаровался. Справиться с такой – невелика заслуга. Но сейчас, наблюдая за ней, он начал понимать, что позволило ей превратиться из затравленного изгоя, каким когда-то был и он, в человека, за которым идут. У нее – движения и взгляд воина. Не безумный взгляд яростно ревущего в бою берсерка, а расчетливый взгляд опытного бойца, выжидающего момент для нанесения молниеносного решающего удара. И в то же время – взгляд человека, готового умереть, защищая друзей. Она опасна. Далеко не так опасна, как мог бы оказаться настоящий воин с ее способностями – видно, что ей никогда не приходилось убивать с холодным умом, случайные жертвы в детстве и спортивные поединки в тренировочных залах не в счет. Но даже сейчас, загнанная в угол, она не сдалась. И не сдастся. Она станет биться до последнего и умрет, и даже угроза смерти заложника ее не остановит – мертвые сожаления не испытывают. Шай ощутил странное чувство, которое обычно испытывал крайне редко: уважение. Уважение тем более необычное, что перед ним стоял не равный ему мужчина, а женщина. Бесстыжая женщина бесстыдной

развращенной страны. Ну что же, так даже лучше. Мало чести в том, чтобы победить и унижить ничего не значащего навозного червя.

В тот момент, когда он понял, что она вот-вот ударит его силой духов, он, привычно напрягшись, скользнул вперед и в сторону, не столько услышав, сколько ощутив кожей свистящую мимо невидимую смерть. На мгновение мир смазлся и расплылся, но он мгновенно восстановил ориентацию. Разворачиваясь на пятках, он с силой (но аккуратно, чтобы ненароком не убить) ударил в затылок уже двинувшуюся в его сторону – в ту сторону, где он стоял за мгновение до того – женщину тяжелой, налитой свинцом касирой рукояти кинжала. Та, словно подкошенная, рухнула плашмя, лицом вниз, но Шай, повинуясь внезапному импульсу, подхватил ее манипуляторами, не позволив упасть на твердую дорожку и разбить себе лицо. Затем он медленно опустил ее на землю.

– Вот сука! – раздраженно прошипел Батаронг, все еще удерживающий на весу вторую женщину.

Шай обратился на него холодный взгляд, и Младший Коготь, вздрогнув, осекся.

– Ты много и не по делу говоришь, Бата, – ровно произнес Шай, с удовольствием наблюдая, как по лицу солдата разливается бледность. – Запомни: ты и все остальные станете общаться с ней с уважением. С таким уважением, которого она заслуживает. Ослушавшемуся я лично вырву язык... или что-нибудь похуже.

– Да, момбацу сан Шай ах-Велеконг, – виновато склонил голову Батаронг. – Прости меня. Я забылся.

– Хорошо, что ты меня понимаешь, – усмехнулся Шай. – Теперь ошейник.

Батаронг опустил тело Цукки на землю и извлек из висящей на боку сумки широкое массивное кольцо. Он шагнул вперед и защелкнул его на шее Карины. На кольце вспыхнула зеленая лампочка. Затем Младший Коготь извлек маленький одноразовый инъектор, сорвал колпачок и, отточенным движением введя иглу точно в вену на сгибе локтя, ввел его содержимое Карине. Потом он проделал то же самое с Цуккой и выжидающе посмотрел на Шая.

– Берите их и уходите, – приказал тот. – В убежище поменяешь батарею в ошейнике. Эта слишком долго не заряжалась. Бата, проследишь лично. Я закончу местные дела, и в шесть вечера встречаемся в условленном месте.

– Маяка действует не менее шести часов, момбацу сан, – почтительно сказал Батаронг.

– Она владеет силой духов, как и я, – Шай позволил прорезаться в голосе ноткам раздражения. – И она почти так же сильна, как я. У меня нет желания проверять, сколько времени действует на нее маяка или любой другой дурман. Надеюсь, у тебя тоже, если только ты не хочешь присоединиться к мертвым до срока. Вызови Карата, пусть заранее загонит машину под арку, чтобы не светиться на улице. И не забудь выбросить их пелефоны, чтобы не запеленговали.

Не обращая больше внимания на остальных, он повернулся и зашагал по аллее. Желудок пронзило легким импульсом голодной боли, и он на ходу бросил в рот леденец из мешочка, который всегда носил на боку. Ну что же, за все приходится платить – но почему бы и не заплатить, если результат того стоит? Кроме того, все знают, что духи требуют от него съесть что-нибудь сытное после того, как он использует их силу. Так что ни одной живой душе не придет в голову зубоскалить за его спиной, что самый молодой в истории Голова Дракона, устрашающий непобедимый боец, будущий властелин Граша, Сураграша и Четырех Княжеств, бакалавр экономики, не курящий и не берущий в рот ни капли алкоголя, обожает конфеты, как маленький ребенок.

В конце концов, может же он вознаградить себя за отсутствие нормального детства?

– ...Рассматривая проблемы современных политики и экономики Четырех Княжеств, следует остановиться на нескольких ключевых моментах ее политической истории.

Докладчик взял с кафедры пластиковую бутылку с водой и отпил пару глотков. Саматта с интересом рассматривал парня. Двадцать два или двадцать три года, всего лишь старшекурсник – но уже младший ассистент кафедры зарубежной экономики. И судя по тому, с каким интересом слушает его аудитория – не только штатные сотрудники экономического факультета, но и сотоварищи-студенты, да еще и после двух предыдущих докладов – пользуется явным авторитетом. Впрочем, явно харизматическая личность вкупе с умением сделать увлекательным даже такой сухой материал говорят сами за себя. Далеко пойдет парень.

– Первым таким моментом, разумеется, является окончательное объединение четырех независимых государств в единое целое, состоявшееся в районе семьсот тридцатого года. Хотя официально годом объединения является семьсот пятьдесят второй, столетие каковой даты с помпой отмечалось в ЧК относительно недавно, фактически независимые княжества утратили независимость с момента формирования Большого Холла в семьсот двадцать девятом году. Но с учетом того, что из-за постоянной угрозы вторжения с юга предыдущие семьдесят или восемьдесят лет княжества вынужденно координировали свою внешнеполитическую и военную деятельность, указанные даты стали лишь формальными вехами на пути к интеграции.

Проекционный экран мигнул во время смены слайда.

– Второй важный момент – Великая война семьсот девяносто третьего года. Сам по себе ход данной войны нас сейчас интересует мало. Важно то, что ведя кровопролитные бои с грашской армией вторжения на юге и фактически лишившись даже того мизерного морского судостроения, которое имели, из-за каперских действий катонийского флота, ЧК впервые в полной мере прочувствовали недостатки собственной экономики. На отраслевых графиках производства можно видеть резкое падение, фактически – полный крах гражданского сектора экономики в течение трех периодов после начала войны, мало компенсированный заметным ростом производства в военной отрасли, в частности в танкостроении и самолетостроении.

Экран опять мигнул. Докладчик прошелся вдоль него, заложив руки за спину.

– Наконец, третий важный момент, точнее, период, – ударная индустриализация семьсот девяносто пятого – восемьсот четвертого годов, автором и вдохновителем которой стал граф Итал Барабор. Данный период прекрасно известен всем, как по специальной, так и популярной литературе, и подробно на нем останавливаться смысла нет. Сегодня мы рассмотрим те события, которые обычно остаются за кадром даже в спецкурсах по данному предмету. Итак. Что следует учитывать в первую очередь, когда мы говорим о политике и экономике ЧК? Разумеется, основное, что приковывает взгляд, это ярко выраженная аристократическая их составляющая. Исторически находясь в опасности внезапных ударов и набегов южных племен, княжества вынужденно развивали в первую очередь армию. Ситуация стала особенно острой в первой половине седьмого века, в районе события, известного как «Пробуждение Звезд», что бы ни крылось за ним в действительности. Существенные климатические изменения, которые, как известно, произошли в тот период, привели как к резкому падению урожайности в северных районах Западного континента, так и к опустыниванию пастбищ в южной его части. В результате и южные скотоводческие племена, и северные земледельцы получили серьезный стимул к военной экспансии на территорию соседей. Первая большая битва в Сухом Логу в шестьсот тридцать пятом году, в которой в числе прочего погибло все высшее духовенство Церкви Колесованной Звезды, игравшей связующую роль в союзе, поставила княжества на грань поражения в войне, что угрожало самому их существованию. Спасла их только неожиданно вспыхнувшая усобица между племенами тарсаков и гуланов, в результате которой почти половина гуланского войска оказалась вырезанной в первую же ночь, а остатки оказались не в силах противиться захвату своих пастбищ тарсаками.

Докладчик откашлялся и опять глотнул воды.

– Князья оказались достаточно мудры, чтобы сделать из произошедшего правильные выводы. Если ранее междоусобные стычки между княжествами, пусть и не слишком серьез-

ные, не являлись чем-то из ряда вон выходящим, то битва в Сухом Логу привела к фактическому формированию единого верховного командования, резкому уменьшению автономности мелких феодальных правителей, так называемых «бояр», и построению жесткой командной вертикали, основанной на боевых армейских командирах. Данная вертикаль в течение всего пары десятилетий практически полностью вытеснила бояр, сформировав новую аристократическую систему. Процессу способствовало также существенное ослабление позиций Церкви Колесованной Звезды, заинтересованной в поддержке боярской автономии и видевшей в ней противовес опасному усилению центральной власти. Фактическая капитуляция нового Настоятеля, передавшего князьям все зерно из храмовых хранилищ, привела к падению авторитета Церкви и ее отход в политике на задний план почти на полвека.

– В то же время усиление военной власти привело к фактическому подпаданию под зависимость от нее как производства, так и торговли. На деле большинство мелких и средних торговцев вынужденно искали покровительства у военных командиров, оказываясь от них почти в феодальной зависимости. Хотя со временем такая система постепенно сошла на нет, к моменту формирования Великого Холла сложилась традиция, позволяющая заниматься торговлей только аристократии. Если точнее, аристократия осуществляла общее покровительство торговцев, указывала с кем торговать можно, а с кем – нет, формировала систему налогообложения, и так далее. «Благодарственные подношения», а фактически – дополнительный налог в пользу аристократии, в течение полутора веков существенно сдерживали развитие торговли, а через нее – и гражданской промышленности и сферы услуг. В результате к концу прошлого века гражданское общество Четырех Княжеств оставалось в малоразвитом состоянии. Средний уровень жизни в среде простолюдинов был примерно в четыре раза ниже среднего уровня в Катонии и всего на тридцать-сорок процентов превосходил достигнутый в Граше. Милитаризованная система управления, стержнем которой по-прежнему оставалась военная аристократия, являлась жесткой и неэффективной, а методов рекрутирования новых кадров в нее из среды нетитулованной молодежи почти не существовало.

– Можно вопрос, господин Гакусэй? – встряла, подняв руку, девица с волосами, крашеными в рыжий с белыми прожилками цвет, по виду – студентка. – А как же Сайлас Белый Ястреб? Или Суран Песчаник? Оба – выдающиеся командиры ЧК в Великой войне, и оба – выходцы из простолюдинов.

– Белый Ястреб, Песчаник, Северный Хребет и еще двое-трое, да, – согласно кивнул выступающий. – Их успехи на военном поприще широко известны, а сами их личности постоянно используются пропагандистами ЧК для подчеркивания равенства возможностей в их обществе даже в те времена. Но на самом деле других-то и не было. Все они – редчайшие исключения, пробившиеся к высотам командования лишь благодаря неразберихе и сумятице первых периодов войны. Когда за три недели легкая грашская конница продвинулась аж на триста верст от границы, с легкостью уклоняясь от неповоротливых танковых и мотопехотных отрядов армии ЧК и уничтожая сельскохозяйственные угодья, командование, включая самого Великого Князя, хваталось за каждую ниточку, какой бы гнилой она ни казалась. А с учетом того, что сразу половина высших армейских чинов погибла в первые же сутки войны, захваченная врасплох отрядами диверсантов на собственных командных пунктах, возможностей для продвижения хватало даже у сержантского состава. Ты ведь помнишь, госпожа, что оба названных тобой человека в день начала войны являлись лишь сержантами, а офицерские звания получили задним числом, командуя уцелевшими отрядами в окружении и в партизанской войне? И даже они в конечном итоге не получили званий выше оой-капитана. Я ответил на твой вопрос, госпожа... э-э-э, Минами?

Студентка кивнула.

– Итак, переходим к Великой войне. Четыре Княжества на момент ее начала полагали, что Граш, несмотря на воинственную риторику, никогда не отважится на прямое нападение.

Стычки между войсками ЧК и Граша на территориях Сураграша никогда не воспринимались в Княжествах как что-то серьезное. Тем более что обе стороны к тому времени поняли, что подчинить эти области себе, а тем более – аннексировать, нереально из-за серьезного отпора со стороны местных полубандитских феодальных группировок, называвших себя Драконом. Несмотря на свою раздробленность и внутренние усобицы, кланы Дракона всегда объединялись, чтобы дать совместный отпор захватчикам, а в условиях партизанской войны в джунглях и выучка грашских войск, и техническое превосходство армии ЧК мало что значили. Даже катонийская армия с ее высочайшей подготовкой и новейшими техническими средствами, введенная туда двадцать лет назад, добилась не таких больших успехов, как планировалось изначально...

Саматта вздрогнул.

– Она не добилась вообще никаких успехов, господин, – зло сказал он. – Если не считать за успехи потерю семидесяти процентов личного состава убитыми, ранеными и заболевшими, гибель практически всех базирующихся на авианосцах самолетов и позорное отступление, которое иначе чем бегством не назовешь.

Он тут же мысленно выругал себя за несдержанность. Он полагал, что за прошедшее время сумел прочно забыть горечь поражения и унижения, что прочувствовали все, кому довелось уцелеть в джунглях. Но вот оказалось, что ничто не забыто, и что даже случайные слова какого-то мальчишки способны с легкостью сорвать, казалось бы, прочную коросту с кровотока раны...

По аудитории прошла волна гула, сразу, впрочем, стихшего.

– Я полагаю, господин, что такое утверждение – преувеличение, – формально-вежливым тоном заметил докладчик. – Если оценивать объективно...

– Господа и дамы, – Саматта поднялась со своего места, и студент замолк. – Позвольте представить вам нашего гостя, младшего профессора кафедры военной истории Масарийского университета господина Саматту Касария. Мати, может, хочешь выйти к трибуне?

– Спасибо, Сати, – поблагодарил Саматта. – Нет, не хочу. Наоборот, хочу принести свои нижайшие извинения господину Гакусэю за свою несдержанность.

Он извиняющемся улыбнулся.

– Однако я все же должен настоять на своей точке зрения. Видите ли, господа и дамы, в свое время я там был. В тридцать девятом, если говорить точно. Тогда я еще носил капитанские нашивки и командовал ротой войск специального назначения, занимавшейся выполнением особых заданий. Таких как уничтожение плантаций маяки, обнаруженных со спутника. Еще раз приношу свои извинения, но с точки зрения и непосредственного участника событий, и с точки зрения историка мы потерпели полный и сокрушительный разгром. Как в свое время армия ЧК, мы страшно недооценили противника. Мы полагали, что идем воевать с кучкой неграмотных, плохо организованных бандитов с древними карабинами и аналоговыми рациями величиной со стол. А столкнулись на деле с фактически регулярной армией, оснащенной новейшей аппаратурой связи – импульсными передатчиками со стойким шифрованием, приборами ночного видения, скорострельными безгильзовыми автоматами с пулями, с двадцати саженей пробивавшими пластины бронежилета, гранатометами с кумулятивными и термобарическими зарядами, самонаводящимися ракетами «земля-воздух», даже с собственной авиацией, пусть и не военной. А еще они воевали на своей, прекрасно знакомой территории, в то время как у нас не имелось никакого опыта действий в условиях диких тропических лесов. В общем, дело свелось к тому, что нас, как и присутствующие там ранее экспедиционные войска ЧК, очень быстро загнали на территорию спешно оборудованных укрепленных баз на западном побережье, откуда мы редко отваживались показать нос. И очень многие из нас бессмысленно умерли в джунглях от инфицированных ран и болезней задолго до того, как до полити-

ков дошла вся глубина жо... прошу прощения, вся сложность ситуации. Еще раз извиняюсь, что перебил, господин Гакусэй.

Саматта поклонился и замолчал.

– А-э... – промямлил студент. – Благодарю, господин Саматта, за столь познавательный экскурс. Я как-то не знал...

Он замолчал и встряхнулся.

– Да, я просто не знал о случившемся, – закончил он уже нормальным тоном. – Официальная версия... м-м, существенно отличается от изложенной точки зрения. Господин Саматта, я бы с большим удовольствием обсудил с тобой данную тему по завершении семинара. Могу я рассчитывать на полчаса твоего времени?

– Не сегодня, господин Гакусэй, – качнул головой Саматта. – У меня на вторую половину дня планы, а завтра с утра я улетаю домой. В перидень у меня лекция, так что следует появиться в университете со свежей головой. Но мы можем обсудить ее дистанционно. Возьми у Сати... у госпожи Сатты мой адрес и напиши мне.

– Обязательно, господин Саматта, – кивнул студент, и Саматта против своей воли восхитился тому, как парень обернул укол, пусть и случайный, в свою пользу. – А сейчас продолжим. Итак, несмотря на довольно частые стычки грашских и княжских войск на территории Сураграша Четыре Княжества не воспринимали ситуацию как чреватую войной. При том даже скрытная концентрация грашских войск на границе с Княжествами либо игнорировалась, либо объяснялась страхом перед нападением со стороны Княжеств. В результате за первую неделю войны мобильная, пусть и за счет безнадежно устаревшей конницы, грашская армия продвинулась на триста верст по территории Княжеств, захватив не менее трети промышленного потенциала страны, в том числе – три четверти военной промышленности, включая танковые и авиазаводы. И продвинулась бы дальше, если бы не увязла в борьбе с партизанскими отрядами, спонтанно организовавшимися из окруженных частей и жителей ЧК. Вообще грашское командование в той войне тоже проявило вопиющую некомпетентность, так и не сумев толком воспользоваться плодами первых побед, но не о том речь. Главное – что большая часть оставшейся у ЧК промышленности оказалась устаревшей и не способной быстро переключиться на военные рельсы, в результате чего спасли ЧК только технологическая отсталость противника и внутренние политические интриги в Грашграде. Неизвестно, чем бы кончилась война, если бы не смещение нескольких ключевых генералов грашской армии по обвинениям в предательстве и неумелости.

– Несмотря на то, что в конце девяносто пятого Граш оказался вынужден вывести войска с территории ЧК, аннексировав только несколько незначительных южных областей, после войны экономика и промышленность Княжеств оказалась в состоянии полной разрухи. Преимущественно аграрной стране по-прежнему не менее шестидесяти процентов населения жило в сельской местности, занимаясь земледелием полуручными способами. Неэффективные сельскохозяйственные технологии, малое количество заводов по производству удобрений, вынужденная зависимость от импорта химического и металлургического сырья из Граша и Катонии привели к голоду в следующие два года. Разрушение промышленного производства в южных областях привело к необходимости перепрофилировать заводы сельскохозяйственной техники на выпуск военного оборудования. Это, в свою очередь, повлекло дефицит как тракторов и комбайнов, так и запчастей и навесок для них. Остро не хватало квалифицированных инженеров – механиков и строителей, и система высшего образования оказалась не в состоянии быстро восполнить их дефицит. Практически умерла легальная продовольственная торговля, замененная карточной системой распределения продуктов питания, зато пышно расцвел черный рынок. И самое скверное заключалось в том, что прежняя система экономических отношений, завязанная на аристократию, так и не сумела приспособиться к ситуации. Дворяне, формально владеющие сельскохозяйственными угодьями и заводами, сосредоточили все свое

внимание на военной сфере, полностью забросив экономику. А поскольку без их соизволения ни строители, ни торговцы и пальцем пошевелились не могли, экономика оказалась на грани тотального коллапса.

– В отчаянной ситуации пришлось применять отчаянные меры. Тогдашний Верховный Князь ЧК отменил военное положение, приостановил деятельность Большого Холла и передал всю полноту исполнительной власти главе кабинета министров графу Италу Барабору. О происходивших потом событиях хорошо известно в том числе из документальных хроник. Национализация и последующая свободная приватизация сельхозугодий и заводов с освобождением новых владельцев от налогов на два-три года, массовый принудительный труд населения на постройке новых производств, фактическая отмена пособий по старости, болезни и прочих, приглашение в страну катонийских инженеров, технологов и преподавателей с пожалованием им дворянских званий и так далее. Неизвестно, удалось бы сломить сопротивление старой аристократии и заставить ее согласиться с чрезвычайными мерами, но графу Барабору повезло, если так можно выразиться, что не менее двух третей дворян с титулами от вайс-графа и ниже, командовавших боевыми частями, погибли в ходе войны. А сопротивление гражданского населения вопреки ожиданиям оказалось удивительно вялым и после подавления первых демонстраций протеста в Каменном Острове и Терелоне практически сошло на нет. Вероятно, сказался шок от позорно проигранной войны, особенно ощутимый для населения южных территорий, в том числе для традиционно свободолюбивых Саламира и Тушера, оказавшихся, пусть и недолго, под грашской оккупацией...

– Господин Гакусэй, время, – негромко напомнила Сатта. – У тебя пять минут, чтобы резюмировать выступление, после чего перейдем к дискуссии.

– Хорошо, госпожа Сатта, – кивнул студент. – Итак, что же показала Великая война и последующая за ней ударная индустриализация ЧК? Во-первых, даже аристократия более не могла утверждать, как ранее, что принятая в ЧК система хозяйствования является более эффективной, чем в других странах, включая Катонию. А сам факт, что гораздо менее развитая в техническом плане грашская армия, в значительной степени полагавшаяся на конницу, сумела нанести тяжелейшие поражения танковым и бронепехотным частям, настолько подорвал веру населения во врожденную способность аристократии к управлению и командованию, что привел к полной утере их авторитета и легитимности. Во-вторых, простолюдины осознали наконец, что внушаемые им с пеленок мысли о врожденном превосходстве аристократии...

«Мати, контакт! Мати, откликнись, пожалуйста!»

Саматта вздрогнул от неожиданности. Склонив лицо к столу и прикрыв его сложенными в замок руками, якобы опираясь подбородком на большие пальцы, он сосредоточился.

«Цу, у меня семинар почти за...»

«Мати! Нас преследуют! На нас напали! Они с ружьями! Кара пытается их остановить, но она не справится одна! Они знают, как ее зовут! Мати, помоги!»

– Где вы?! – в голос крикнул Саматта, вскакивая из-за стола и не обращая внимания на устремленные со всех сторон удивленно-негодующие взгляды. – Сколько их? Вы вызвали полицию?

«Четверо, с ружьями. Кара сказала, что место называется «Длинный сквер», Восьмая центральная улица. Мати, они заставляют нас идти с ними, угрожают Каре, что убьют меня!»

– Держитесь, Цу! – резко сказал Саматта. – Сати, Восьмая центральная улица, Длинный сквер – где? На Кару с Цуккой напали!

– Примерно три версты отсюда, – непонимающе сказала та. – Но откуда ты...

– Прямая связь, осталась от прежних времен, – нетерпеливо оборвал ее Саматта. – Мне нужна карта, быстро. И вызови Дора, пусть блокируют местность немедленно!

– Так, – Сатта подобралась, словно перед прыжком. – Господа и дамы, прошу прощения, но я должна прервать семинар. Все объяснения потом. Господин Гакусэй, выведи на преподавательский терминал карту города и покажи господину Саматте нужное место.

Она выхватила пелефон. Гакусэй непонимающе переводил взгляд с нее на Саматту, а аудитория взорвалась гулом голосов.

«Мати! – взвизгнул голос Цукки. – Он меня схватил! Он тащит меня, он девиант! Мати, они!..»

Ее голос, звучащий в ушах Саматты, оборвался на полуслове, и тот зарычал. Одним прыжком он пересек пространство, отделяющее его от студента, и встряхнул его за плечи.

– Карту, живо! – рявкнул он. – Да проснись ты!

– А, да-да... – пробормотал тот. – Сейчас...

Он отошел к преподавательскому месту и отключил презентацию. Затем открыл карту и принялся вводить адрес. Саматта, нависнув над ним, наблюдал, скрежеща зубами от бессилия.

– Вот, – студент ткнул пальцем. – Здесь. Самый короткий путь... – Он повел пальцем по карте, но остановился и задумчиво взглянул на Саматту.

– Господин профессор, я знаю то место, – решительно сказал он. – Я помогу добраться. Там движение одностороннее, такси крюк даст и в пробках увязнет. Проще показать, где пешком срезать, чем объяснять. Пойдем.

Он коротко, на грани неприличия, поклонился аудитории, где, впрочем, на него уже никто не обращал внимания, и быстро пошел к двери. Саматта двинулся за ним.

– Мати, Дор сказал, что поднимает отряд по тревоге! – крикнула ему вслед Сатта. Саматта махнул ей в знак понимания, но не остановился.

Быстро шагая за студентом по коридору университета, он напрягся.

«Цукка, контакт! Цу, ты меня слышишь? Цу!.. Карина, контакт! Кара, что с вами? Откликнись!..»

Тишина. Полная тишина. Может, они не слышат?

– Кара, контакт! – гаркнул он в пространство во весь голос, не обращая внимания на то, как вздрогнул студент. – Кара, Саматта в канале! Кара!..

Такая же тишина стала ему ответом, и он наполовину зарычал, наполовину застонал.

– Бегом! – рявкнул он студенту. – Нет времени ходить! Бегом!..

Гакусэй и в самом деле провел Саматту какими-то узкими тропинками, ведущими в самый центр парка. Они вбежали туда через двадцать три минуты после вызова Цукки, как раз в тот момент когда по аллее, мигая, завывая и нещадно калеча шинами боковые газоны, пронеслись два черно-желтых фургона полицейского спецотряда. Один из фургонов, взвизгнув тормозами, пошел юзом. С подножки прыгнула человекообразная гора в полицейской форме, и фургон, разогнавшись, улетел дальше по аллее.

– Где? – гаркнул капитан Дентор, в несколько гигантских прыжков пересекая расстояние, отделяющее его от Саматты. – Мати, где они?

– Мы только что появились... – тяжело дыша не столько от усталости, сколько от бушующего в крови адреналина, прорычал Саматта. – Вы никого не видели?

– Нет, – коротко бросил Дентор. – Сейчас прочедем местность... но, скорее всего, их здесь уже нет. Если похищение проведено ради выкупа... Первый взвод, Хомяк на связи! – проговорил он в прикрепленный к горлу микрофон рации. – Что с северным выходом?.. Хорошо. Стоять на месте, никого не впускать и не выпускать. Второй взвод, есть активность на южном выходе? Понял. То же самое – не впускать и не выпускать никого. Остальным – прочесать парк по направлению к центру. Хомяк закончил.

– Дор, по крайней мере один из них – девиант первой категории! – бросил Саматта, напряженно оглядываясь по сторонам. – Цукка успела сообщить перед тем, как... пропала связь.

– Внимание всем! – быстро проговорил Дентор. – Здесь Хомяк. Есть сведения, что как минимум один из похитителей – агрессивный девиант первой категории. Четным номерам активировать «розы» на три четверти, зубчатая цепь, быть готовыми стрелять на поражение при любой подозрительной активности! Не зацепите Карину, если она рядом. Хомяк закончил.

Он повернулся к Саматте.

– Расскажи все по порядку, – скомандовал он. – Что, где и как произошло? Цукка успела позвонить?

– В час шестьдесят четыре Цу связалась со мной по прямому каналу... – он покосился на с интересом прислушивающегося Гакусэя. – Ну, я рассказывал. Она сообщила, что четверо с ружьями заставляют ее и Карину куда-то идти с ними. Они знали Кару по имени и угрожали, что убьют Цу, если они попробуют сопротивляться. Очевидно, они прекрасно знали, на кого и зачем напали.

– Значит, шансов на то, что она освободится самостоятельно, практически нет... – скрипнул зубами командир спецотряда. – Я бы своими руками шею тому журналогу свернул! Так, ладно. Не паникуем. Если их похитили ради выкупа, то убивать не станут. Рано или поздно они заявят требования, и тогда мы...

– Они похищали Кару! – прорычал Саматта. – Они могут убить Цу, если посчитают, что она не нужна! Или чтобы доказать нам серьезность своих намерений.

– Не паникуй! – приказал Дентор. – Нет смысла терзать себя всеми опасностями мира. Убийство при похищении – смертельная статья, гарантированная газовая камера. Зачем им такое? Успокойся.

– Извини...

Саматта несколько раз глубоко вздохнул и расправил плечи. На него накатило чувство, которого он не помнил уже двадцать лет: ледяная пронзительная ясность, беспощадно обнажающая окружающий мир, смыывающая с него наносную шелуху, ощущение смертельной опасности и одновременно – удивительная четкость мысли. Таким он становился в молодости, под шквальным огнем противника в сураграфских джунглях, когда вокруг падали, сраженные, бойцы его роты, хрипели и стонали от боли раненые, но некогда было останавливаться и размышлять. Предельная ясность: убьешь ты – или убьют тебя, и ты твердо намереваешься если и подохнуть, то лишь прихватив с собой парочку гнид, что целятся в тебя сквозь просветы в густой листве.

Интеллигентный университетский историк умер, чтобы никогда больше не воскреснуть. Десятилетия мира, к которому он успел привыкнуть, оказались лишь коварной маскировкой для незримых опасностей. Он расслабился, остепенился, позволил блаженству жизни с любимой женщиной сделать его слабым и сонным. Он оступился, и случившееся – его вина. Он обязан был понять, что слава привлекает не только безобидных фанатов, но и мерзавцев, готовых наживаться на чужой жизни. Он прекрасно знал, что каждый год в Катонии с целью выкупа похищают несколько десятков человек – и не более половины возвращаются домой живыми. Знал – и не подумал, что в первую очередь опасность грозит Каре, ЕГО Каре. А через нее – и всем остальным членам семьи. Он слишком привык к неуязвимости Карины, к ее силе, ее умению драться голыми руками – и не подумал, что она не в состоянии хладнокровно убить другого, чтобы защитить свою жизнь. Он виноват в том, что расслабился, и теперь у него нет иного выхода, кроме как искупить свою вину.

Он уже давно не капитан спецназа. Но ввевшиеся в кровь навыки убийцы и диверсанта никуда не делись, а физическая форма у него практически на прежнем уровне, пусть даже возраст все сильнее давит на плечи. И самое главное – он готов убивать, стволом, ножом или голыми руками, неважно, лишь бы защитить своих близких. Он пойдет по следу похитителей, и в живых они останутся только в одном случае: если небо вдруг рухнет на землю.

– Дор, – сказал он спокойно, – я намерен участвовать в расследовании. Мы сможем добиться, чтобы дело передали Тришши?

– Посмотрим... – рассеянно кивнул Дентор.

Неподалеку раздался топот множества тяжелых ботинок, и между голых по весеннему времени стволов деревьев показалась редкая цепь людей и троллей в черно-желтых униформах. Один из троллей, носящий нашивки лейтенанта, широко шагая, подошел к Дентору.

– Капитан, – сообщил он, – два человеческих трупа, пожилые мужчина и женщина, в двадцати саженях отсюда. У женщины перерезано горло, у мужчины свернута шея. Караул выставлен. У входа в аллею, возле арки, какой-то в дребадан пьяный человек валяется под деревом в компании с тремя пустыми бутылками, его сторожат. В кустах возле дорожки мы обнаружили это.

Он протянул два пелефона и небольшую серую сумочку.

– Пелефоны принадлежат Цу и Каре, – бесстрастно сказал Саматта. – Дор, пелефон Цу ты видел сам. Проектор и все такое. Сумочка – тоже ее.

– Помню, – кивнул Дентор. – Спасибо, Тamarэй. Остановитесь здесь, сейчас встречная цепь подойдет. Умные, сволочи. Знают, что пелефоны можно пеленговать даже без карты провайдера, не польстились на игрушки.

Снова затоптали ботинки, и с противоположной стороны приблизилась вторая цепь.

– Капитан, – доложил человек с нашивками вайс-капитана, – прочесывание закончено, никого не обнаружено.

– Понятно, – Дентор задумчиво потер подбородок. – Мати, мы больше ничего не можем сделать. Места, где нашли трупы и пелефоны, оцепим, авось эксперты что-нибудь еще там найдут. Через несколько минут здесь появится толпа... слышишь сирены? Патрульные на подходе. В остальном же... Тебе здесь делать нечего, да и нам, в общем, тоже. Сдадим место криминалистам, а потом поехали-ка с нами. В управлении отдышишься и в себя придешь. Подумаем, что делать дальше.

– Спасибо, Дор, – Саматта хлопнул старого друга по плечу. – Но я пока останусь. Поброжу по окрестностям, авось кто что заметил. Сменишься – вызови меня, пообщаемся. Господин Гакусэй, – он повернулся к студенту, молча стоящему в стороне и наблюдающему за ним, – я сверх всякой меры признателен тебе за оказанную помощь.

– Не за что, господин профессор, – покачал головой тот. – Я почти ничего не сделал. Я пойду. Если я еще понадобится, госпожа Сатта знает, как со мной связаться.

Повернувшись, он зашагал по аллее. Саматта задумчиво посмотрел ему вслед.

– Мати, – встревоженно сказал Дентор, – только без глупостей, ладно?

– Я когда-нибудь делал глупости на твоей памяти? – осведомился Саматта. – Я не мальчишка и не идиот. Не беспокойся, Дор, я действительно всего лишь поброжу по окрестностям. Позвони, ладно?

Не дожидаясь ответа, он пошел по аллее в ту сторону, где нашлись пелефоны. Начать можно с опроса в ближайших магазинах. Не может же случиться, что вообще никто и ничего не видел! Но первое, что следует сделать, – оповестить Яну и Палека. Почему он не сообразил сразу? А что, если похитители сейчас направляются и за ними?

Тот же день. Масария

Постучав, Яна толкнула дверь и вошла в комнату. Весеннее солнце брызнуло ей в глаза, и она невольно зажмурилась. Отступив чуть в сторону, чтобы уйти от прямых солнечных лучей, она вежливо поклонилась.

– Здравствуйте, господин и госпожа, – сказала она мужчине с женщиной, напряженно выпрямившимися при ее появлении. – Меня зовут Яна Мураций. Рада знакомству, прошу

благосклонности. Здравствуй, молодой господин, – она кивнула угрюмо сторбившемуся между ними подростку. – Госпожа Содата, – она повернулась к сидящей за столом женщине, – ты просила меня приехать?

– Да, госпожа Яна, – кивнула та, приподнимаясь. – Здравствуй. Прости, что вытаскила тебя с работы, но, боюсь, я уже не знаю, как справляться. Познакомься с молодым господином Сёнэном.

Яна внимательно оглядела подростка. Хотя его лицо оставалось непроницаемым, а смотрел он в пол, от него струились страх вперемешку с раздражением и тлеющей злобой. И еще в нем чувствовались какие-то бесшабашная удаль и презрение. Презрение?

– Что случилось? – вежливо поинтересовалась она.

– Господин Сёнэн, – вздохнула инспектор по делам несовершеннолетних, – обладает особыми способностями второй категории. С их помощью он сегодня до крови избил мальчика из соседнего класса и отобрал у него деньги. Такое за последние полгода – в третий раз, драка, я имею в виду. В первый раз он извинился и пообещал, что больше так не поступит. Во второй то же самое пообещали его родители, – она мотнула головой в сторону мужчины и женщины. – Но сегодня все повторилось, да еще и с отниманием денег. Госпожа Яна, мне нужен твой совет. У меня есть выбор – начать процедуру его оформления в специализированный интернат для трудных подростков или поверить ему еще раз. С учетом твоих... твоего опыта ты наверняка можешь дать хороший совет.

– Понятно, – Яна прищуренно осмотрела юношу с ног до головы. Тот поднял голову и ответил ей испуганно-раздраженным взглядом. Исходящий от него страх усилился.

– Госпожа! – торопливо сказала его мать. – Послушай меня, госпожа! Сёнэн не такой плохой, просто... ну, просто на него иногда находит.

– Находит? – саркастически приподняла бровь Яна. – Ему вдруг внезапно становятся нужны деньги? Вы не даете ему достаточно на карманные расходы?

– Я не брал деньги, – хмуро буркнул подросток. – Они все врут. Я ему только врезал пару раз, чтобы не воображал много. Подумаешь, умник...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.